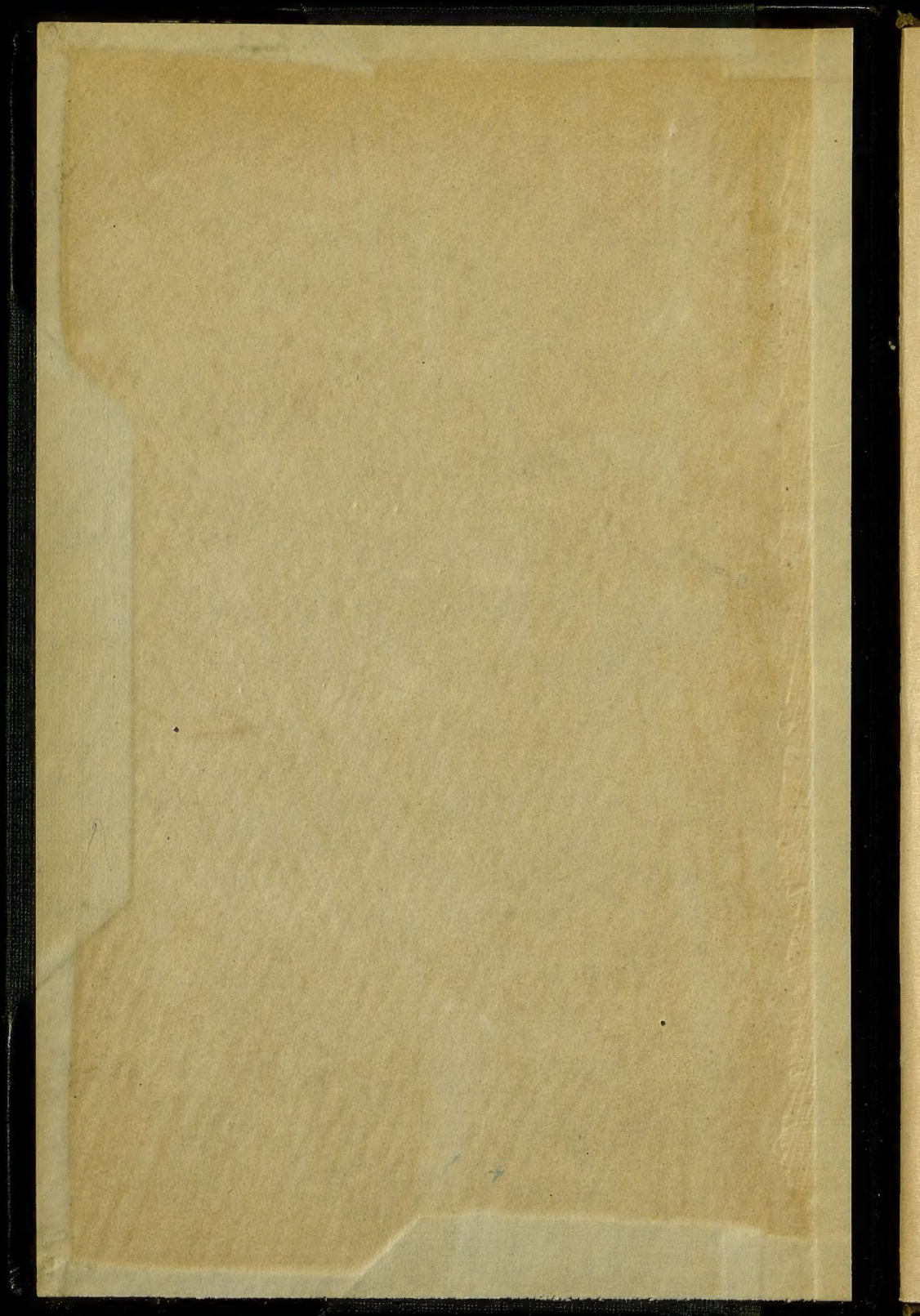
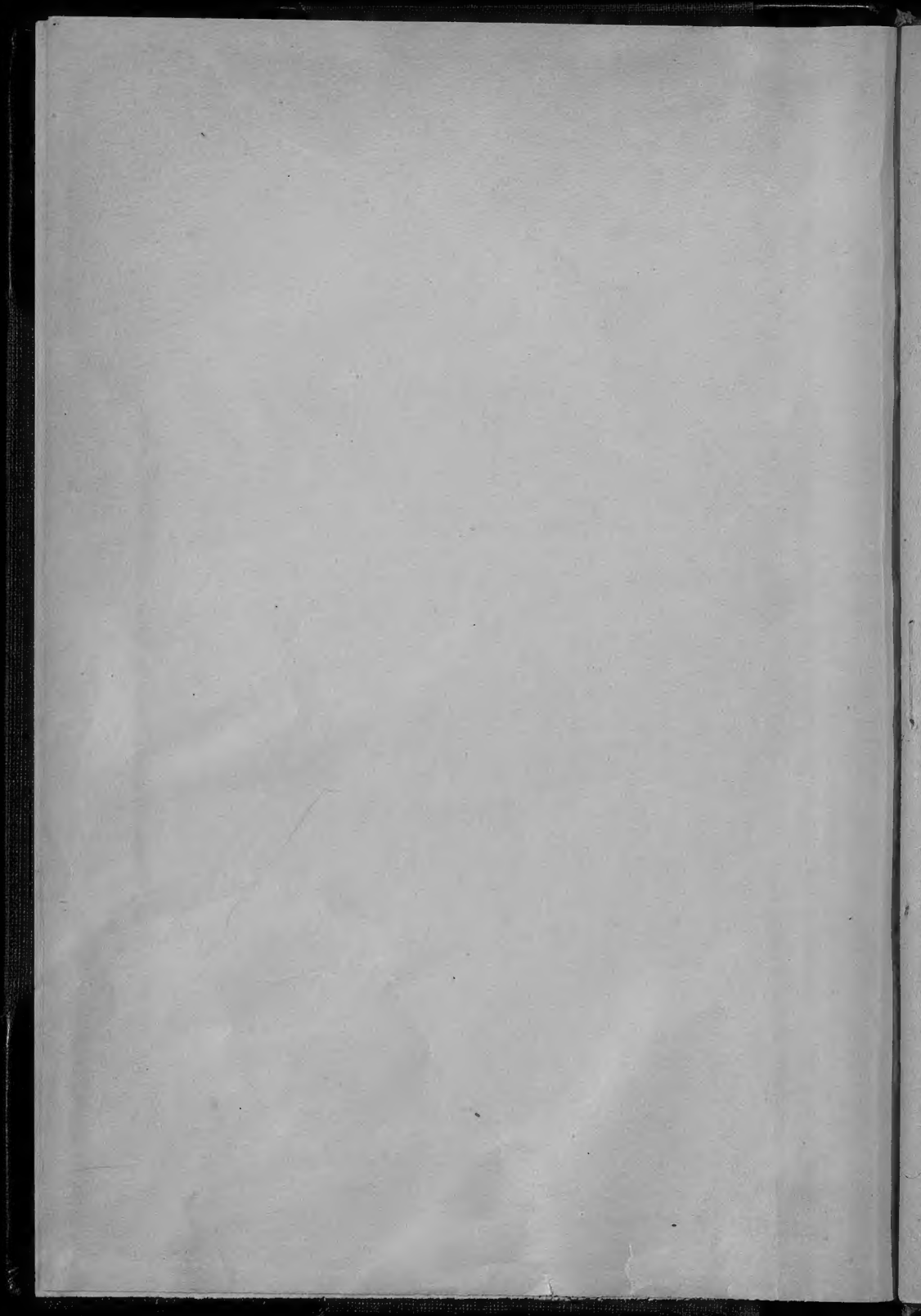

E8 27

E8 27

340
4-34
E8 —
27

№ 1038

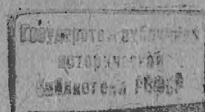
IV ВСЕРОССИЙСКИЙ С'ЕЗД

Деятелей Советской Юстиции.

(26—30 января 1922 г.)

W

1233470 ✓

Открытие С'езда. Доклад Наркома Юстиции т. Курского. Роль и значение советской юстиции в связи с новой экономической политикой.

(26 января 1922 г., вечер).

Открытие С'езда.

Курский. Т-щи, от имени Народного Комиссариата Юстиции РСФСР объявляю четвертый с'езд деятелей юстиции всей Республики открытым. Предлагаю приступить к конструированию президиума с'езда, принять регламент с'езда и затем выслушать те первые приветствия, с которыми обратятся представители различных организаций к нашему с'езду. Слово для предложения т. Якубовскому.

Якубовский. Бюро фракции РКП предлагает президиум из 16 т-щей в следующем составе:

Коллегия НЮЮ: **Курский, Черлунчакевич, Красиков, Саврасов.**

Верхтриба: **Крыленко, Ульрих, Межин.**

Украины: **Буздалин.**

Беспартийных: **Ротенберг.**

Замнаркомост Грузии **Бродский, Алимов, (от Сибири) Дьяконов, Смирнов, Плавник, Леонтьев, Гетнер.**

Секретариат: ответств. секр. **Лисицын, Эстрин.**

Бюро фракции предлагает в мандатную комиссию следующих т.т.: **Якубовский, Ростовский и Славин.**

Курский. Будем голосовать поступившие предложения без прений. Предлагаю тем, кто принимает оглашенный состав президиума, поднять руки. Принято. Предлагаю голосовать состав мандатной комиссии, оглашенный т. Якубовским. Ответственными секретарями предлагается избрать т. Лисицына и Эстрина. Кто за эти кандидатуры? Принято. Таким образом, состав президиума утвержден. Предлагаю товарищам, которые оглашены т. Якубовским, занять места. Слово для предложения члену президиума т. Дьяконову.

Дьяконов. Товарищи, я предлагаю послать от имени Всероссийского с'езда деятелей юстиции приветственную телеграмму тов. Ленину, вождю мировой революции, вождю революции нашей, советской

русской, и избрать его почетным председателем настоящего съезда (аплодисменты).

Курский. Президиум выполнит это постановление. Предлагаю приступить к голосованию регламента. Кто за принятие регламента, прошу поднять руки. Принято. Теперь мы приступаем к приветствиям, которые сегодня будут оглашены здесь.

П р и в е т с т в и я

Курский. От имени Народного Комиссариата Юстиции я приветствую дорогих гостей, давно жданных товарищей, работников с мест. Центр уже давно ощущал потребность общения с теми товарищами, которые там, на местах, в более трудных условиях, чем мы в центре, проводили те великие задачи, которые пролетариат возложил на деятелей юстиции. Наш съезд, 4-й съезд, созывается, может-быть, на первый взгляд несколько поздно. Обыкновенно, предыдущие съезды мы созывали ежегодно, примерно в один и тот же срок, но для этой отсрочки есть свои глубокие причины. Тот великий сдвиг в экономических отношениях, который пережила наша Республика в этом году, требовал своего выявления. Наш съезд созывается тогда, когда новый экономический курс не только определился, но и санкционирован самым авторитетным органом, каким является наш Всероссийский Съезд Советов. Сейчас новая экономическая политика выдвигает ряд сложнейших задач и, если бы мы созвали съезд раньше, я сказал бы прямо, товарищи, что наш съезд работал бы впустую. Мне приходится, как известно, принимать активнейшее участие в законодательной работе наших высших государственных учреждений и я должен вам сказать, что только теперь мы действительно и в серьез имеем возможность перейти к той действительно солидной, к той действительно обдуманной законодательной работе, которая является необходимым условием для того, чтобы мы, деятели юстиции, могли бы работать с полным сознанием прав, которые нам даны, и обязанностей, которые на нас лежат. В своем докладе о роли и значении советской юстиции я останавливался детально на этом вопросе. Мне важно здесь указать, что именно эта причина, необходимость перейти известный переломный момент, необходимость видеть воочию, какие задачи стоят перед нами, и вызвали эту отсрочку съезда, которую мы имеем. Я убежден, товарищи, что наш съезд самым деловым образом обсудит те острые и в то же время необыкновенно жизненные вопросы, которые мы наблюдаем. Я приветствую вас, товарищи с мест, ибо давно уже наш центр чувствовал необходимость такого общения. Я глубоко убежден, что наш съезд выполнит задачу и что он войдет на страницы истории советской юстиции, что он будет неизмеримо важнее предыдущих съездов и что он даст возможность нам проводить дальнейшую работу с полным сознанием тех задач, которые перед нами лежат. Приветствую вас, товарищи. (Аплодисменты).

Председатель: Слово имеет т. Михайлик.

Михайлик. (Говорит по-украински).

Тов. Михайлик приветствует съезд от имени Украины. Образно называет он своих украинских собратьев младшими братьями съехавшихся на съезд испытанных деятелей советской юстиции, прошедших целую школу за 4 года революции. Приветствием старшим братьям по строительству советской юстиции заканчивает он свою горячую речь.

Председатель. Слово для приветствия от Наркомздрава имеет тов. Лейбович.

Лейбович. Разрешите вас, товарищи, приветствовать от имени нашего Комиссара Народного Здравоохранения. Во время прений и в работах секций я позволю себе выразить несколько пожеланий. В настоящее время мое общее пожелание работать вам успешно на пользу правосудия под теми лозунгами, которые выставили верховные представители советской юстиции, под лозунгом укрепления революционной законности. Некоторые пункты из этой работы уже выявлены в некоторых статьях товарища Курского. Народный Комиссариат Юстиции подходит к этому вопросу укрепления революционной законности не вооруженным, а с Уголовным Кодексом в руках, и те, которым известно, с каким усердием в короткое время была сделана громадная работа по кодексу, те могут этим составителям кодекса по совести сказать: вы сделали большое дело. На 2-ом съезде краеугольным камнем моего доклада был вопрос о доверии, о сотрудничестве между аппаратом Наркомздрава и аппаратом юстиции. Теперь мы дали наше положение о судебных врачах и поставили себе целью достигнуть этого доверия. Но этого мало. Необходимо еще теплое сотрудничество, тесная связь, любовь к делу со стороны судебных следователей и врачей. Я с удовольствием вспоминаю то время, когда я в провинциальном городе работал судебным врачом и когда я каждый вечер сходил к следователю и мы разбирали повседневные вопросы. Пожелаем, чтобы и дальше такая работа шла во имя того же правосудия. Я этим свое приветствие кончаю и желаю вам успешно довести дело под лозунгом укрепления революционной законности.

Председатель. В дальнейшей работе мы заслушаем еще приветствия ряда учреждений. Я имею заявление о том, что на съезде выступит наш Всероссийский Староста тов. Калинин (апплодисменты). К сожалению, на съезде не может быть наш великий вождь Владимир Ильич. Он находится вне Москвы, так что он физически не может прийти на наш съезд. Сейчас же, товарищи, я думаю приступить к своему докладу и ввести вас в круг тех вопросов, которые Наркомюст считает необходимым поставить на обсуждение съезда.

Доклад т. Курского.

Роль и значение советской юстиции в связи с новой экономической политикой.

Товарищи, если бы нужно было привести доказательство того, что рабоче-крестьянская власть, лучше сказать, что рабочие и крестьяне, взявшие в свои руки власть, считают, что наиболее правильным

путем развитие хозяйственной жизни, развитие государственной жизни может идти именно под лозунгом законности, под лозунгом организованного вмешательства права, проведения его в жизнь, лучшим доказательством такого положения является тот факт, что лозунги, которые в настоящее время являются господствующими не только среди деятелей юстиции, непосредственно проводящих в жизнь право, но среди самых широких масс рабоче-крестьянского населения, лозунги революционной законности и единого народного суда были самым авторитетным образом заявлены еще в 1918 году. Я напому вам, что еще на 6-ом Всероссийском Съезде Советов было внесено и единодушно принято предложение о точном соблюдении законов. Вы знаете, что тот же 1918 год выдвинул и наиболее близкую нам идею единого народного суда, как суда, который объединяет всю карательную и воспитательную функцию, возложенную на право. Это так. И если тем не менее понадобилось три с лишним года для того, чтобы лозунг революционной законности был подтвержден столь же авторитетным учреждением, каким является Всероссийский Съезд Советов,—то, конечно, для этого были глубокие причины. И я останавливаюсь, товарищи, на этом вопросе для того, чтобы показать, как, только пройдя известное испытание, мы могли опять столь же решительно выставить этот лозунг.

Мы знаем, что истекшие годы были годами неимоверного труда, чисто физической борьбы. Мы знаем, что в области права мы должны были все более и более суживать область договорных частных норм и взаимоотношений и что к концу 20 года и к началу 21 года мы подошли к тому строю, который, как вам известно, получил название военного коммунизма, а для нас, юристов, представлял собою довольно несложную систему чисто принудительных норм; когда хозяйственные отношения строились на началах принудительного регулирования из центра, когда в основе отношений между рабочим классом и крестьянством лежали наиболее суровые формы принуждения в виде разверстки, когда в области распределения у нас все более и более принимал значение принцип натурального распределения; когда, таким образом, мы всю жизнь сводили к очень несложной системе норм и, с другой стороны, когда мы вынуждены были, не только борясь на внешнем фронте, но ежеминутно отражая очень серьезные покушения на внутреннем фронте, расширять область внесудебных репрессий, а для ускорения хозяйственной работы, в особенности, в области военного снабжения, вынуждены были давать самое широкое применение административным мерам. Напомню, что в области борьбы с дезертизмом мы строили всю систему борьбы с этим определенным преступлением чисто административным путем—учреждая комиссии по борьбе с дезертизмом,—что в области проведения трудовой повинности, которая являлась всеобщей повинностью, причем в любой момент Республка, представлявшая военный лагерь, требовала участия всех граждан в том или ином трудовом процессе, применялся ряд административных мер, создались для этого особые административные учреждения. Область судебной репрессии суживалась фактически до дел уголовных, до дел обыденных, до рассмотрения преступлений и проступков, которые фактически в прошлом составляли

компетенцию мировых судов или волостных судов в деревне. Наиболее серьезные боевые задачи разрешались административным путем или разрешались методами внесудебных репрессий. И, товарищи, нужны были глубокие внутренние экономические причины и связь фактов, чтобы такие уже укоренившиеся методы разрешения вопросов уступили место тем великим задачам, которые сейчас стоят перед нами, — задачам внедрения правового порядка, совершенно своеобразного в рабоче-крестьянском государстве, порядка, который должен охватить все взаимоотношения государственных органов к гражданам и граждан между собою. Не вам, близко знающим те причины, которые привели к необходимости новой экономической политики, долго останавливаться на этом факте. Для меня важно констатировать, прежде всего, возможность ликвидировать внешний фронт, возможность сузить и ограничить область внесудебных репрессий, — это первое условие, которое даст возможность нам приступить к строению советской юстиции.

Теперь, товарищи, следует указать на те явления, которые, может быть, ускользают из поля зрения некоторых товарищей, но которые сыграли и сыграют в ближайшем будущем очень серьезную роль для советской юстиции. Я имею в виду наши международные отношения, необходимость урегулировать эти взаимоотношения на началах договора.

За истекший год мы все более и более связываем себя чисто формальными договорами с рядом стран, отрицающих наше государственное устройство, но экономически с нами связанных. Как известно, при обсуждении вопроса о приглашении на Генуэзскую конференцию Советской России Ллойд-Джордж сказал, что Советская Россия должна быть представлена на Генуэзской конференции, но что она должна дать известную систему юридических норм, которые позволят другим странам установить с ней постоянное общение. Конечно, товарищи, мы увидим, каковы будут эти юридические нормы и кто их, в конечном счете, будет диктовать, но уже один тот факт, что торговые договоры с другими странами ставят ряд правовых проблем, чисто практических, что они требуют урегулирования взаимоотношений в области кредитной, в области коммерческих отношений, что они выдвигают требование известной гарантии имущества и личности иностранца, — все это, конечно, служит значительным фактором, который выдвигает на первый план именно правовое разрешение вопросов.

Но основную роль и значение советской юстиции обрисовывают не эти явления. Мы отлично понимаем, что основной фактор, который сейчас выдвигает советскую юстицию, это наша новая экономическая политика. Было бы слишком просто рисовать себе эту политику, как нечто решенное уже в начале 21 года. Мы теперь имеем возможность точно установить, что в этой экономической политике мы уже пережили, по меньшей мере, два фазиса. Первое наше предположение в этой области сводилось к замене разверстки продналогом и к организации товарообмена посредством кооперации. Вот те два основных положения в новой экономической политике, которые мы вначале выдвигали. Но хозяйственное развитие, товарищи, пошло неизмеримо дальше. Все более и более обрисовывается значение чисто финансовой проблемы, той проблемы, ко-

торая и в западно-европейских странах теперь стоит в центре внимания. Почему это так? Потому, что с каждым днем мы все более и более переходим в область широко развертывающейся денежной системы. С каждым днем наше хозяйство становится на те рельсы, на которые поставлено уже хозяйство всех капиталистических стран. Мы уже имеем такие учреждения, как Госбанк, Кооперативный банк и мы уже ставим задачу организации частных банков под контролем Государственного банка. Мы уже имеем определенную задачу развития внешней торговли таким образом, чтобы к ней привлекались не только государственные органы, но и кооперативные органы и, под контролем Комиссариата Внешней Торговли, частные предприниматели. Мы, наконец, в последние дни стали перед фактом утверждения первого акционерного общества, построенного на тех началах, которые являются наиболее жизненными, когда нам приходится сожительствовать с капиталом западных стран. Это именно комбинированное акционерное общество, где пайщиком является Советская Республика и представители иностранного капитала. Я думаю, что это наиболее практическая жизненная форма, на которую пойдет иностранный капитал. Не концессия, которую мы, как вам известно, пропагандировали достаточно, а получили мало, не концессия будет той основной формой, на которой в ближайшее время пойдет наше совместное хозяйствование с западным капиталом, для того, чтобы поднять производительные силы страны,—ибо для нас ясно, что быть такими нищими, как сейчас, мы дальше не можем—а именно такая форма участия иностранного капитала; следовательно, частно-правовые отношения, договорные отношения, диспозитивные нормы, приобретают особое значение и понятно, что именно экономические интересы диктуют с неумолимостью необходимость перехода к системе норм диспозитивных, договорных. Они будут отличаться от того права, которое знают буржуазные страны, от той свободы договора, которая составляет сущность норм буржуазного права. Наша свобода договора будет, конечно, ограничиваться, в первую очередь, интересами государства. Не даром в проекте кодекса об обязательствах, вытекающих из договора, который внесен Наркомюстом, одной из самых боевых статей, является статья, по которой государство может расторгнуть явно невыгодный для него договор.

С этим ограничением мы, во всяком случае, должны констатировать переход к договорным нормам, т.-е. к созданию гражданского права, которого мы не знали в прошлое время. На этом гражданском праве отражается особенность нашего экономического строя, когда существуют вместе, с одной стороны, крупное производство, которое в основе своей имеет много элементов чисто социалистического производства, ибо распоряжение орудиями производства крупной промышленности находится в руках трудящихся, с другой—наряду с социалистическим производством существует в достаточной степени широкая область мелкой промышленности и довольно развитая мелкая торговля.

Наличность этих экономических фактов требует, чтобы взаимоотношения государственной и частной промышленности были установлены на определенных твердых основаниях, и, таким образом, выдвигается

целая система норм, которая должна урегулировать эти взаимоотношения. В настоящее время государственные законодательные учреждения стоят перед задачей выработки положений, которые в деталях должны урегулировать государственные предприятия и их объединения—тресты. Положения о государственных предприятиях уже разработано и вносятся на утверждение государственных учреждений. В стадии разработки находится также положение о торговле как внешней, так и внутренней. Это не будут те краткие декреты, которыми мы довольствовались в прошлых годах, нет, это будет целая система норм. Затем вам известно, товарищи, что 9-ый Всероссийский Съезд установил известную политику в области аграрных отношений и поручил Наркомзему разработать свод постановлений, которые должны регулировать земельное устройство и земельные отношения, причем наиболее серьезным новшеством в этом законодательстве является допущение временной переуступки земли при известных условиях между крестьянами. Таким образом, в этой области мы также стоим перед новым законодательством.

Наконец, Комиссариат Труда ставит своей ближайшей задачей пересмотреть кодекс законов о труде, чтобы приспособить его таким образом, чтобы ограждались интересы не только тех рабочих, которые находятся на государственных предприятиях и где установилась известная практика, но и рабочих частных предприятий. Эта задача сложная и трудная, но она будет разрешена. Все более и более в обиход входит начала коллективного договора профсоюзов с государственными предприятиями или профсоюзов с более или менее крупными предпринимателями. Но остается крупная область, которую коллективный договор не охватывает и которая должна быть урегулирована. Таким образом, достаточно перечислить эти законодательные работы, чтобы понять, насколько отличны задачи, которые стояли раньше перед деятелями юстиции, перед народными судьями и которые становятся теперь. Эти задачи теперь могут быть разрешены только на почве твердых материальных норм.

Таким образом, мы имеем сейчас основное материальное условие, которое является необходимой предпосылкой революционной законности. Если мы будем говорить о революционной законности, а законов не будет, то это будет весьма эффектное слово и больше ничего. Прежде всего, необходимо иметь твердую и в достаточной степени разработанную систему норм, чтобы говорить и проводить в жизнь революционную законность. Конечно, наши законодательные учреждения отлично знают и на 9-м Всероссийском Съезде это подтверждалось, что законы должны писаться так, чтобы они были понятны широким массам рабочих и крестьян, для которых существует наше государство. Наши законы, которые очень спешно создаются, к сожалению, не всегда имеют это необходимое условие для советских законов и 9-ый Всероссийский Съезд подчеркнул, что свод законов о земле должен быть изложен так, чтобы он был понятен массе.

Применять новые законы придется органам юстиции, которые появятся вновь, и тем, которые обновятся, как это обсудит и установит съезд.

Здесь мы переходим уже к тем формальным условиям, к тем организационным задачам, которые стоят перед советской юстицией сейчас, в ближайшее время, для того, чтобы претворить в жизнь революционную законность. Я должен остановиться, прежде всего, на вопросе о внесудебной репрессии. Вам известно, что 9-й С'езд Советов предпринял вопрос о реорганизации чрезвычайных органов, которые выполнили в значительной мере ту трудную историческую задачу, которая легла на них, и не раз охраняли от внутренних покушений Советскую Республику. Это, конечно, мы знаем, но в настоящий момент для каждого также ясно, что область внесудебной репрессии должна быть сведена к минимуму, и уже намечен тот минимум, к которому она будет сведена. Область внесудебной репрессии, следовательно, деятельность чрезвычайных органов, должна ограничиться областью политической охраны. Вся область уголовной репрессии, борьба со спекуляцией, с должностными преступлениями и с экономическими преступлениями, которые входили в компетенцию органов внесудебной репрессии, от них отойдут и впредь все дела, в которых имеются преступления, направленные против советского строя или представляющие нарушения советских законов, будут разрешаться судебным порядком, — народным судом и революционными трибуналами.

Далее должны быть выработаны и будут выработаны точные условия, которые определяют порядок ареста гражданина, будут установлены сроки, в течение которых должно быть предъявлено обвинение, а также срок, по истечении которого дело должно быть передано в суд. Вот те ближайшие меры, которые намечаются в связи с постановлением 9-го с'езда о реорганизации органов внесудебной репрессии.

Далее мы стоим перед фактом одновременного существования народных судов и трибуналов. Мне известны резолюции многих губернских с'ездов, которые решительно высказываются за объединение всех органов юстиции в едином народном суде. И я должен сказать, что, конечно, это путь, которым мы и пойдем, но вопрос только во времени, можем ли мы сейчас в условиях, которые мы имеем, скажем, на жел дор., в условиях, которые мы имеем в области контр-революционных выступлений против Советской Республики, провести здесь эту единую организацию. С'езд этот вопрос обсудит, он даст ответ на этот вопрос. Во всяком случае, его также следует поставить, как его поставили некоторые губернские с'езды. Если мы выдвигаем, как основную организацию, единый народный суд, будет ли он единым или мы вынуждены будем остановиться также на параллельной организации ревтрибуналов, что вернее, — во всяком случае, единый народный суд должен быть организован, таким образом, чтобы он действительно был судом близким населению, судом, связанным с деревней, судом, связанным с рабочими организациями в городах. На 9-м С'езде Советов выступал один делегат крестьянин и он сказал, что мы ценим народный суд, но нужно, чтобы он был ближе, чтобы суд был в каждой волости. Мы эту задачу не разрешим так, но, во всяком случае, мы сможем сделать суд более близким к деревне, мы сможем его построить таким образом, чтобы путем выездных сессий он действительно появлялся бы в деревне в тот момент, когда это нужно.

Но особенно серьезные задачи, товарищи, стоят перед народным судом в городе. Все больше и больше выясняется необходимость связи народных судов с профессиональными организациями рабочих. Только тогда суд, народный суд, действительно, будет судом рабоче-крестьянского государства! Если мы сейчас присутствуем при сосуществовании 2-х совершенно различных организаций—социалистического производства и частного капитала, то рабоче-крестьянское государство не будет таковым, если оно не построит все свои органы и народный суд так, чтобы это действительно был суд рабочих и крестьян. Это мы и должны сейчас помнить, как первую нашу заповедь.

Должна быть связь народного суда с деревней, чтобы это не был суд в уездном городе, в который и не доберешься, чтобы это был суд на месте, чтобы этот суд мог решать и те дела, которые ему придется теперь решать,—дела земельные. На съезде землеустроителей этот последний вопрос относительно земельного суда будет также поставлен. Кто читает «Бедноту», тот может следить за тем, какая широкая дискуссия ведется по этому вопросу, и вы можете видеть, что много голосов раздается за то, чтобы народные суды приняли к своему производству и земельные дела, а такие дела, как дела об аренде и о переуступке земельных участков невозможно перейдут в народный суд. Таким образом, народный суд становится сейчас единственным органом, который может разрешить те столкновения, которые имеются в деревне, и, товарищи, здесь я должен сказать: на помощь народному суду мы должны дать на отрывочные указания, которые давали до сих пор, должны дать известную систему норм. Мне пришлось познакомиться со статистическими данными Калужского совнарсуда, который сделал любопытный опыт: он взял, сопоставил те репрессии, которые применялись в народном суде в деревне, с теми репрессиями, которые применялись в народном суде в городе, и вот единый народный суд совершенно различно смотрит и оценивает те преступные явления, которые имеются в деревне и в городе. Один и тот же род преступления,—напр., кража, по тем данным, которые были там точно учтены в цифрах, карается в деревне в 7 раз суровее, чем в городе. Деревня, наоборот этому, весьма снисходительно относится, вопреки нашим декретам, к таким деяниям, как самогонка. Деревня весьма слабо карала преступления против порядка управления. Если вы возьмете репрессии в городе, вы увидите обратный процесс: город карает за кражу в 7 раз легче. Он смотрит на имущественное нарушение так, как смотрит пролетариат—это пережиток прошлого, вызываемый известным имущественным укладом, а в деревне психология мелкого собственника, который ограждает свою собственность. Точно также преступление против порядка управления—здесь ограждение завоеванного строя, ибо наказание за проступки против порядка управления есть защита этого строя, а там до известной степени попытка отмахнуться, попытка поверхностно соблюсти закон, а то и совсем его не соблюсти.

Так вот, товарищи, понятно, что для того, чтобы суд и в деревне, и в городе был действительно единым народным судом не только организационно, но и по духу, по направлению, по всем тем приговорам,

которые он выносит, конечно, учитывая местные особенности, суду должно быть дано руководство. Вот почему, товарищи, первая работа, которая уже проделана, может быть в несколько сыром виде, по которую мы спешили закончить, чтобы подвергнуть вашему компетентному суждению, это—Уголовный Кодекс. Этот кодекс как-раз делает попытку дать основное руководство народному суду.

Вы обсудите, прежде всего, тот основной принцип, который мы приняли, когда решали существенный вопрос всякого уголовного кодекса—вопрос о мере наказания. Учтя опыт предыдущих лет, учтя то правосознание, которое проявилось в отдельных декретах уголовного права, мы разделили преступления на две категории: первая категория—это преступления, непосредственно направленные против советского строя, против порядка управления, т.-е. направленные против интересов, которые особенно защищает и должен защищать советский строй. Здесь мы установили, что суд не может наложить наказание **ниже известного предела**. Возьмем пример, который я вам приводил—преступления против порядка управления: народный суд в деревне, имея такое руководство, будет знать, что здесь он не может опускать меча правосудия, что здесь репрессия не может снижаться ниже известного предела. Другая категория—это преступления, которые являются пережитком прошлого, пережитком того, что мы унаследовали от буржуазного строя. Задача нелегка—провести точно грань между двумя этими категориями, но мы сделали эту попытку и вы обсудите этот принцип и признаете, правилен он или нет. Вот то основное руководство, которое мы дадим народному суду, и мы уверены, что народный суд признает это руководство.

В той интересной дискуссии, которая велась по поводу земельного суда, один крестьянин выразился очень характерно. Он говорит: нам нужны законы. Нам нужно, чтобы закон сказал, что это можно, а это нельзя. А если приходится отступать, то тогда нужно это строго мотивировать. Это как-раз тот, товарищи, принцип, который находится в положении о народном суде и который усвоен нашим Уголовным Кодексом. Суд в революционное время является безусловно источником творчества и если мы даем ему руководства, то даем также возможность внести в известных случаях коррективы. В то время, когда буржуазные кодексы насчитывают тысячи статей, Уголовный Кодекс РСФСР—в каком виде он ни выйдет из законодательных учреждений—наверняка не будет заключать более 200—300 статей. Вот, товарищи, те ближайшие работы, которые уже намечены в области права и которые предстоит нам выполнить в общих собраниях, а особенно в секциях, где детальным образом будут обсуждены те доклады, которые будут внесены по отдельным вопросам.

Я знаю, что некоторые вопросы вызовут особенно острое внимание. Таким вопросом является вопрос об учреждении нового органа, каким является прокуратура. Сейчас вы не найдете газетной статьи о законности, которая в той или иной форме не упоминала бы об этом органе. Проект, внесенный Наркомюстом, встретил на губернских съездах известное критическое отношение, в особенности, в области разрешения

вопроса об отделах юстиции и прокуратуре. Мы самым детальным, деловым образом должны обсудить организацию этого органа. Но ясно, что этот орган будет учрежден, как орган непосредственно проводящий революционную законность, наблюдающий, контролирующий и, что еще важнее, как орган, концентрирующий в своих руках организацию следствия, наблюдающий за розыском; ибо эта область и раньше принадлежала бесспорно прокуратуре, а в условиях нашего параллелизма, известной расхлябанности, создание такого органа поможет нам, взять в свои руки следственные органы и следственное производство.

Затем, товарищи, конечно, вторым вопросом, наиболее близко соприкасающимся с судом, является организация адвокатуры, ибо до очевидности ясно, что оставаться при системе списков защитников, которые мы вели до настоящего времени, сейчас анахронизм. Если мы не вменяемся, не создадим своей организации, не возьмем эту организацию в поле нашего зрения, не организуем контроля, который должен быть над этим органом в системе наших учреждений, то, конечно, этот орган, — уже не как государственный орган, а как частная лавочка, частное предприятие, — появится в жизнь. Поэтому вопрос об организации адвокатуры, а том цензе, который должен быть предъявлен адвокатам, и об условиях, на которых должен быть образован контроль над адвокатурой, это должно быть обсуждено съездом и детально представлено в тех докладах, которые будут сделаны на съезде.

Этих вопросов, товарищи, я коснулся здесь постольку, поскольку здесь необходимо указать на те ближайшие задачи, которые займут внимание съезда. Я убежден, товарищи, что та работа, которая была проделана на местах, а она в значительной части нам уже известна, так как с каждым днем мы получаем все более и более готовых резолюций, является хорошей подготовкой при решении указанных вопросов.

Конечно, могут возникнуть и другие вопросы, которые будут поставлены в порядок дня, но та работа, которая проделана съездами на местах, показывает, что в самом существенном у нас разногласий не будет и что центр и места столкнутся о той организации, которую необходимо придать органам юстиции, чтобы они действительно на основах нового материального права были проводниками революционной законности. (Аплодисменты).

* * *

Председательствующий. Президиум предлагает не открывать прений по докладу тов. Курского. Доклад носит характер информационный, устанавливающий общую линию работы съезда и Наркомюста. Частичное отражение тех основных начал, которые проведены в тезисах тов. Курского, мы найдем в других докладах, которые помещены в порядке дня съезда. А поэтому президиум предлагает не открывать прений.

Возражений против этого нет? Нет. Значит принять.

Затем есть предложение заслушать доклад мандатной комиссии о составе съезда.

Голоса с места. Рано еще.

Председатель. Это нужно сейчас для печати,—печать интересуется составом с'езда.

Слово для доклада мандатной комиссии предоставляется тов. Якубовскому.

Якубовский. Всего зарегистрировано делегатов с решающими головами 374, с совещательными—152. Из делегатов с решающими головами коммунистов 278, беспартийных 94, других партий—2. На с'езде представлены: 51 губерния, 9 автономных областей и 11 советских республик. Зарегистрировано представителей с решающими голосами: от губюстов—53, от губсовнарсудов—54, от губревтрибов—49, от исправтрудов—37, от убюстов—52, от Верхтриба ВЦИК—6, от реввоенрибов—22, от транспортных ревтрибов—23, от автономных республик—67 и от Наркомюста—11.

Председатель. Значит доклад мандатной комиссии принимается к сведению.

Якубовский. Теперь, товарищи, бюро фракции вносит предложение сейчас работу с'езда прервать до завтрашнего утра для того, чтобы сейчас открыть заседание фракции.

Председатель. Нет возражений против этого? Нет. Значит заседание прерывается до 11 час. утра завтрашнего дня. Сейчас же после небольшого перерыва начнется заседание фракции.

Утреннее заседание

27 января.

Доклад т. Черлунчакевича об Уголовном Кодексе.—
Доклад т. Лунина о судоустройстве.—Содоклад т. Крыленко.

Председатель. Открывается заседание. Слово о порядке дня с'езда предоставляется представителю бюро фракции тов. Якубовскому.

Якубовский. Бюро фракции предлагает следующий порядок дня.

- 1) Роль и значение советской юстиции в связи с новой экономической политикой (доклад т. Курского).
- 2) Уголовный Кодекс (т. Черлунчакевич).
- 3) О судоустройстве (т. Лунин).
- 4) О прокуратуре (докладчик т. Крыленко, содокладчик т. Эстрин).
- 5) Следствие и дознание (т. Лунин).
- 6) Об адвокатуре (т. Черлунчакевич).
- 7) О современной карательной политике (т. Саврасов).
- 8) О порядке рассмотрения спорн. земельных дел (т. Лисицын).
- 9) О нотариате. О судебных исполнителях (докладчик т. Брагинский).
- 10) Методы теоретической подготовки работников советской юстиции (докладчик тов. Славин и содокладчик т. Деревяшкин).

Председатель. Возражений нет? Разрешите считать принятым. Мы приступаем к обсуждению второго пункта порядка дня,—об Уголовном Кодексе.

Доклад об Уголовном Кодексе.

Чермончакевич. Предложенный вашему вниманию Уголовный Кодекс РСФСР составлен, как проект. По этому проекту приглашаются высказаться не только члены съезда, мнение которых, как товарищей, практически работавших в течение 4-х лет в этой области, особенно ценно, но и все интересующиеся уголовным правом в РСФСР, все люди науки и все работавшие в области советского права. Всякое деловое замечание, всякое по этому вопросу предложение будет учтено Народным Комиссариатом Юстиции и по мере его важности введено в настоящий кодекс, который пройдет затем стадию рассмотрения не только в Совете Народных Комиссаров, но и в ближайшем времени, в марте или апреле, в сессии ВЦИК'а. Целью моего настоящего доклада является не комментарий к каждой из статей кодекса, — такая работа потребовала бы целого ряда заседаний, исчисляемых неделями, — целью моего доклада является лишь предложить вашему вниманию те принципы, которые легли в основу его, и затем я остановлюсь на вопросах, которые уточняют «Руководящие Начала по уголовному праву республики», изданные в конце 1919 года Народным Комиссариатом Юстиции. Было бы, конечно, товарищи, совершенно бесцельной и непроизводительной затратой времени, если бы мы здесь в пленуме остановили свои критические взоры на карательной санкции, на деталях проекта. Мы, товарищи, этой стороне вопроса уделили меньше времени, чем основным принципиальным вопросом, и я беру на себя защиту лишь вопросов, легших в основание кодекса. Детальное же обсуждение карательной санкции по тому или другому преступлению, — это будет дело не только секции по Уголовному Кодексу, но и отдельных комиссий, которые смогут разобраться в каждом из преступлений и практически учесть тот опыт, который вы вынесли в течение практической работы, судебной и административной, по Народному Комиссариату Юстиции.

Останавливаясь на основном принципе кодекса, я, прежде всего, укажу на то, что статья 3 предусматривает и на этот раз фиксирует с полной точностью не только наказания, но и другие правовые меры социальной защиты.

Здесь не напрасно поставлены слова: «другие меры социальной защиты», ибо самое наказание в нашей концепции, в нашей структуре является лишь средством обороны, защиты общества или, иначе выражаясь, социальной защиты. К таким мерам социальной защиты относится помещение в учреждения для умственно и морально дефективных, принудительное лечение и высылка. Здесь я подчеркиваю, что для нас наказание лишено элементов мучительства, мести. Оно есть естественное и необходимое средство защиты того государственного организма, который создан в стране и который именуется Советской Республикой. Далее, товарищи, ст. 4 учитывает опасное состояние, которое может выразиться не только в действиях, имевших последствие, но и в чертах деятельности лица, свидетельствующих лишь о серьезной угрозе общественному правопорядку. Таким образом, товарищи, в

данном случае мы практически проводим то научное положение, которое было предметом обсуждения и в российской секции Всемирного союза криминалистов, и в заграничных секциях союза. Это постановка на очередь дня опасного состояния лица, которое само по себе уже вызывает надобность в тех или других принудительных в отношении его мерах. Мерами такими, конечно, будут и принудительное лечение, и помещение в то или другое учреждение для умственно- и морально-дефективных, словом, принятие тех мер приспособления, которые делают это лицо безвредным для общественного организма. Далее, товарищи, статья 5 является одной из основных, коренным образом меняющих всю практику, доселе имевшую место. Здесь подчеркивается определенным образом, что наказание судебными органами выписится по социалистическому правосознанию, но с соблюдением руководящих начал и статей настоящего кодекса. Здесь мы переходим в ту стадию, когда одной ссылки на социалистическое или революционное правосознание недостаточно. С момента издания кодекса товарищи вынуждены будут углубить, детализировать и самое социалистическое правосознание. Ведь, собственно говоря, что такое кодекс в нашей конструкции. Это есть учет 4-летнего опыта работы наших судебных органов. Мы, товарищи, чужды были попытке составлять кодекс таким образом, чтобы собрать все лучшие образцовые кодексы всех других государств и остановиться на том, что считали иностранные и русские криминалисты последним словом отвеченной науки. Мы в данном случае пошли по пути учета практики мест—наших народных судов и революционных трибуналов—и вот поэтому, товарищи, формулировка кодекса, конкретное изложение тех или других преступлений у нас сделаны языком, который укоренился в нашей судебной практике. Эта формулировка является лишь конкретным отражением революционного и социалистического правосознания. Задача кодекса заключается в том, чтобы углубить и конкретизировать, что является преступным и в какой мере данное преступление действительно является опасным для нашего общественного организма.

В целях конкретизации и наибольшей четкости и точности, что именно является опасным и в какой мере,—введены 6 и 7 статьи. Они предусматривают, с одной стороны, преступления, где указана низшая мера наказания, ниже которой не должен опускаться карательный меч, для охраны установлений советской власти, охраны тех благ, которые особенно ценны для нашего советского организма. С другой стороны, те преступления, которые являются лишь пережитком старых отношений, как, например, кража, на которой останавливался тов. Курский, указывая, что по этим преступлениям особенно отличается мера наказания в зависимости от того, каков состав судей, каков состав народных заседателей. По этим преступлениям мы устанавливаем высший предел наказания, до которого может доходить судья. Все-таки, товарищи, мы не пошли твердо и решительно по пути установления минимума и максимума наказания. Мы в этом деле, товарищи, все-таки оставили известный простор для особенностей местности, бытовых условий, конкретной обстановки преступлений, когда перед судом

М/С/31

ставятся и может стать вопрос о том, чтобы дать наказание ниже того минимума, который указан в кодексе. Но одно условие требуется обязательно. Необходимо, при этих условиях точно мотивировать, изложить те причины и обстоятельства, которые вынудили суд отступить от высшего предела.

Эта мотивировка обязательна, потому что при проверке этих приговоров в дальнейших инстанциях эта мотивировка послужит основанием, чтобы этот приговор сохранен был в силе. Без мотивировки этот приговор будет явным нарушением того, что называется социалистическим правосознанием, но оно уже конкретизировано. Вопрос этот все-таки является спорным. По этому вопросу имеются мнения судей очень опытных, которые настаивают на том, что с принятием кодекса ниже указанного минимума опускать наказания не следует.

Но в проекте совесть судьи не поставлена в слишком узкие рамки. Во всяком случае, этот вопрос подлежит дискуссии и обсуждению пленума.

Далее, товарищи, вопрос новый, который сейчас ставится впервые,—вопрос о том, какое наказание применять и из чего исходить, когда известное лицо, находящееся на скамье подсудимых, совершило несколько преступлений одного рода и вида и разных родов и видов. Как быть в этом случае: просто ли брать известную меру наказания, очерченную для каждого из преступлений, и их суммировать, или брать какой-нибудь другой принцип. В данном случае мы указали в ст. 9 на то, что суд должен исходить из высшего предела наказания, указанного по ст., под которую подведено известное преступное действие данного лица. Это значит: если по наиболее тяжкому из преступлений полагается 3 года, то вы берете за основу этот высший предел и из него исходите. Это не значит, что вы применяете обязательно этот высший предел, но вы учитываете и мотивы, и всю обстановку, и опасность преступника и исходите из высшего предела, в соответствующих случаях его понижая.

Подходя к ст. 10, придется указать на один из основных принципов, который вообще вызывает споры и может вызвать спор не только у нас в России, но и среди ученых за границей,—это вопрос о применении наказания по аналогии. Можем ли мы построить наш Уголовный Кодекс так, чтобы можно было сказать: наказуемо лишь то, что написано в этом кодексе. При наших условиях составления кодекса, при тех условиях, при каких, вообще, составляются наши декреты, условиях исключительной спешности, условиях, когда требуется немедленный ответ на запросы дня, при таких условиях рассчитывать на такую формулировку, чтобы она могла охватывать полное определение преступных действий, конечно, трудно, и претендовать на то, что мы сумеем так формулировать, конечно, нельзя. Для нас стоит задача возможно быстрого проведения в жизнь этого кодекса, единого для всей РСФСР—для всех частей, входящих в федерацию, ибо, таким образом, проявится единство воли и закона в Советской Республике и тем самым будет выявляться единство организованного государства,— что важнее всего; детальный же кодекс потребует для своего составления

целого ряда лет. Конечно, мы пошли по первому пути и в то же самое время предоставили возможность суду применять наказания по аналогии, т. е. в тех случаях, когда нет прямого указания на признаки преступления в самом кодексе, но когда для всякого ясно, что такого рода действия не могут оставаться безнаказанными, наказания надлежит применять применительно к соответствующей ст. кодекса, сходной по важности и роду данного преступления.

Далее, впервые нами введена так называемая давность для преступлений. В «Руководящих Началах по уголовному праву» мы на давности совершенно не останавливались. Мы определяли, как основной признак, который нужно было учесть каждому из судей, опасность преступника, но не останавливались на формулировке давности, указывая, правда, что, когда потребность в самом наказании отпадает в виду изменения обстановки, условий или самой физиономии преступника, тогда и наказание к нему не приходится применять. В данном случае мы уже пошли по определенному конкретному определению давности. Мы определили ее таким образом: для тех преступлений, которые по кодексу предусматривают наказание не ниже одного года, давность определяется в 5 лет, а для всех остальных 3 года, т. е., если с момента совершения данного преступления о личности преступника либо о самом преступлении не было ничего известно в течении 3—5 лет и после этого преступник отыскался, то в силу определенной ст. декрета преступление погашается давностью, но если он скрылся или бежал из тюрьмы, тогда, конечно, давность эта неприменима, а должна быть удвоена.

Далее мы конкретизировали в ст. 21 вопрос о покушении. Покушение по концепции наших «Руководящих Начал» не конкретизировалось и указывалось только, что покушение наказуется точно так же, как и совершенное преступление. В настоящее время мы различаем те преступные действия, которые не дали эффекта или результата потому лишь, что произошло что-то не входящее в расчеты преступника и потому они наказуются точно так же, как и совершившиеся до конца преступления. Неоконченные по собственному побуждению лица преступления наказуются постольку, постольку совершенное само по себе является преступлением.

По вопросу о соучастии в 22 статье мы также отошли от тех «Руководящих Начал», которые были ранее изданы. Там мы определяли, что мера наказания за соучастие определяется не столько степенью участия, сколько степенью опасности. Сохраняя нажим на опасность, по статье 22-ой, мера наказания определяется как степенью участия, так и степенью опасности. В статье 27-ей мы перечисляем те виды наказаний, которые в нашей Республике наиболее употребительны. Это не есть исчерпывающий список или перечень и мы ожидаем от сезда дополнительных указаний по этому вопросу.

По отношению к высшей мере наказания—к расстрелу мы нашли необходимым точно и определенно сказать, какие органы и при каких условиях могут применять высшую меру наказания. Мы здесь в статье указываем, что высшая мера наказания ограничивается местностью, объявленной на военном положении, и исключительно лишь применима

в военных отделениях революционных трибуналов. Исключительно этими органами по объявлении данной местности на военном положении, исключительно при этих условиях, возможно применение высшей меры наказания. И то лишь до того момента, пока наш высший законодательный орган Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет не найдет возможным отменить эту меру наказания.

Далее в статье 28-ой мы определяем срок лишения свободы. В данном случае максимальный срок 5 лет взят из декрета, пока он не отменен; и по этому вопросу есть разногласия. Практические работники указывают на то, что установление такого максимума лишения свободы, как 5 лет, иногда вызывает для судов военных необходимость применения высшей меры наказания, потому что 5 лет считается слишком малым сроком. Народные судьи также говорят, что перед ними проходят такие преступления, в отношении которых представляется целесообразным определить срок в 10 лет. Выше 10-летнего срока мне не приходилось слышать. Они говорят, что в течение 5-ти лет и при возможности применения амнистии преступники не исправляются. Лишение свободы на такой срок для их укореившейся испорченности и извращенности слишком недостаточно, ибо наши карательные органы исправляют трудом, а для того, чтобы труд стал органической потребностью, для этого потребуется срок более длительный, чем в 5 лет. Этот вопрос должен быть подвергнут дискуссии и в зависимости от этого возможно дальнейшее изменение в нашем законодательстве. Что касается минимума, на который следует заключать в тюрьмы или в тот или другой дом исправления преступника; указывается срок 6 месяцев. Этот срок, как показали наука и практика карательных органов, является минимумом, в течение которого заключение в тюрьмы и исправление определенным на ту или другую работу возымеют на преступника необходимые действия. Если будет срок более краткий, то такое наказание цели не достигнет. Затем в отношении лиц, которые не требуют изоляции, целесообразнее определять то наказание, которое мы сейчас особенно пропагандируем, — это принудительные работы без содержания под стражей. Итак, в отношении последней, второй категории наказания — принудительных работ — мы должны сказать, что эту меру наказания считаем наиболее социалистической, отвечающей характеру нашего строя. Именно в советском строе введена эта мера наказания, ее не знал старый кодекс, ее не знают заграничные кодексы. В первое время введения этой меры наказания, к ней скептически относились судьи-юристы, но сейчас эта мера наказания завоевала себе прочное место среди других мер воздействия. Весь вопрос заключается в том, чтобы те органы, которые будут применять эту меру, находились бы в ведении нашем, т.е. в ведении НКЮ, а не Наркомвнудела или других ведомств, ибо тогда судьи смогут наблюдать результат своих приговоров, а для них важно проследить, как отразилось наказание, которое применил суд, на дальнейшей судьбе преступника. Дальнейшие этапы нашей работы сводятся к тому, чтобы судьи все более и более являлись постоянными, не сменялись

бы слишком часто и это даст возможность интенсивнее их наблюдать, за тем, чтобы определенное наказание, принятое судом, было бы фактически приведено в исполнение, а также наблюдать результаты наказаний, которые определены судом. В этом отношении товарищи, целесообразна передача бюро принудительных работ в ведомство юстиции. Затем, у нас в отношении условного наказания вводится корректив. Раньше не было срока испытания, а наш кодекс определяет срок испытания не меньше 3-х лет и не выше 5-ти лет. Затем, товарищи, я остановлюсь на одном из видов наказания, которое может сопутствовать другим видам наказания. Это временное ограничение прав. Об этом говорит статья 33-я. Я должен оговориться, что ст. 33 не изложена с достаточной полнотой. Она изложена полно в декрете об ограничении прав по судебным приговорам. Мы в справках о судимости будем помещать лишь о тех преступниках, которые не только осуждены судом к тому или другому наказанию, но в отношении которых суд высказался определенно, что этот преступник является по суду опороченным и поэтому подлежащим ограничению в правах, и затем в дальнейшем статья указывает на то, что обнимает собой это упоминание об опорочении, а именно, что ограничение прав обнимает собой лишение активного и пассивного избирательного права в советы, союзные и другие органы, лишение права занимать ответственные должности в советских и других учреждениях, права быть народным судьей, заседателем и защитником на суде и поручителем и лишение ордена Красного и Трудового Знамени. Вот тот перечень прав, который подлежит ограничению в случае признания судом, что данное лицо является по суду опороченным. К сожалению, товарищи, в наших пригородах далеко не все судьи находят нужным останавливаться на таком коренном моменте, а без него огромная часть преступников, несомненных рецидивистов, т.е. поставивших себе в профессию преступление, не попадает в список о судимости, а эти списки мы должны с 1922 года вести систематически, правильно, во что бы то ни стало.

Далее, о праве высылки—статья 38. Это есть не столько наказание, сколько одна из правовых мер социальной защиты. Здесь имеется в виду применение высылки из данной местности в отношении таких категорий, как, напр., содержатели притонов для преступников: все на них пальцем указывают, а они не прикрыты. Для таких преступных лиц высылка из данной местности, где у них установились известные связи с данной средой, является целесообразной.

Затем, статья 40 предусматривает обязательный зачет в наказание времени, проведенного в виде предварительного заключения. Неизбежным для нас, при наших трудных продовольственных условиях, является зачет того времени, которое провел преступник в заключении во время следствия, тем более что это является актом целесообразным. Статьей 25-й предусматривается новый орган—наблюдательная комиссия. Это есть орган, подобранный по отношению к распределительной комиссии. Орган, который не на губернию действует, а на каждое из мест лишения свободы. Каждая тюрьма, каждый исправительный дом, каж-

дая комиссии должны иметь наблюдательную комиссию, которая будет действовать по указанию и директивам распределительной комиссии.

Затем, т-щи, я остановлюсь в нескольких словах на построении нашей Особенной части, на отдельных конкретных главах и статьях, формулирующих те или другие преступления. План построения Особенной части, самые заголовки глав произведены нами не под влиянием каких-либо других кодексов. Здесь мы особенно много самостоятельности обнаружили в главе о контр-революции. В царских кодексах посягательство на существующий строй обычно формулировалось в трех видах: бунт, смута и измена. В данном случае для нас, в особых условиях существования советского государства, единого пока во всем мире, при условиях блокады, при условиях борьбы против врагов внутренних и буржуазии всего мира, при этих условиях измена сплошь и рядом переплеталась с бунтом и смутой, в виду чего все эти виды преступлений изложены в одной главе—о контр-революции. Мы конкретизировали то, что трибуналы в течение 4-х лет формулировали в своих приговорах, в своих обвинительных пунктах следственного заключения, и в этом отношении мы обнаружили полнейшую самостоятельность. Дальнейшие категории преступлений, так называемые, имущественные преступления, преступления против жизни и здоровья, против достоинства личности и др. В частности, мы ввели отдел военных преступлений. Этот отдел подлежит особо тщательной критике товарищей-работников военных судов в особой секции или подсекции. Мы ожидаем от них указаний и конкретных уточнений или изменений. Затем мы имеем специальную главу о нарушении правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и публичный порядок. Тут, в 205-й статье, мы подошли к чрезвычайно интересному и новому явлению, мы пришли к убеждению о необходимости ввести институт судебных приказов—это значит, дать возможность народному судье единоличного наложения известного наказания: не свыше трех месяцев принудительных работ без лишения свободы и не свыше 300 золотых рублей для целого ряда мелких проступков. В чем состоит упрощение? В том, что судья налагает наказание по такого рода проступкам или преступным действиям, не вызывая обвиняемого, по простому протоколу: к нему поступает протокол, он убеждается, что протокол составлен грамотно в том смысле, что в нем есть все необходимые элементы, состав преступного действия и т. п., и судья в течение суток или трех определяет наказание, которое тут же приводится в исполнение.

Рассмотренно дела с вызовом обвиняемого предусматривается нами, но предусматривается именно с того момента, когда осужденный получил извещение об исполнении этого наказания. Это единственный способ устранить и изжить всякого рода наказания, налагаемые в административном порядке. Нам с мест приходилось слышать, что товарищи народные судьи отвлекаются для параллельной работы в специальных комиссиях при отделах управления. И является вопрос у судей, с какой стати мы будем участвовать в комиссиях по тем делам, которые целесообразнее рассмотреть в народном суде. Изжить это явление и целый ряд других параллельных воздействий административных органов возможно лишь

тогда, товарищи, когда мы введем институт приказов, построенный по тому типу, как я обрисовал. Вопрос заключается в том, кто должен это наказание определять первоначально: единолично народный судья или с участием двух заседателей, которыми условия быта наиболее правильно могут быть освещены. Этот вопрос подлежит также вашей усиленной дискуссии.

Тот проект кодекса, который мы представляем вашему вниманию, страдает очень и очень многими недостатками. Мы совершенно не закрываем глаза на то, что в нем имеется ряд неточностей формулировки, имеются и весьма существенные пропуски отдельных конкретных преступлений, которые сейчас должны быть введены. Для нас особенно очевидно, что карательная санкция не ниже и до такого-то предела наказания нуждается по ряду преступлений в серьезных изменениях, но, товарищи, мы и не рассчитывали сразу создать нечто совершенное и в таком виде представить вашему вниманию. Мы пожелали в первую голову учесть ваш опыт и вашему суду представляем на рассмотрение этот кодекс, ожидая от вас и всех других, интересующихся судьбами кодекса, деловой помощи и содействия. Мы составляли, товарищи, этот кодекс исключительно силами коллегии Народного Комиссариата Юстиции при участии тов. Крыленко. Мы лишены были возможности даже взять за основу тот проект кодекса, который был разработан специалистами и напечатан в 10-й книжке «Материалов». И достаточно вам сопоставить эти два проекта, чтобы увидеть, что ни одним словом оттуда мы не воспользовались. Некоторые из глав нашего проекта мы подвергли предварительному обсуждению уголовно-карательной секции Института советского права, которая представила нам свой проект общей части, но и эту работу мы не взяли за основу, а шли самостоятельным путем, и при массе административной работы выполнили то, что считали необходимым выполнить, буквально в течение нескольких недель, чтобы успеть к съезду. В то время как старое Уголовное Уложение составлялось в течение более 20 лет и затем оказалось непригодным для применения в жизни—в столь краткий срок, тогда как самые серьезные ученые работают ряд лет прежде, чем составят окончательную редакцию. Вот эти условия, в которых мы работали, дают нам основание полагать, что ваша критика, направленная со всей строгостью и силой против принципов, положенных в основу нашего кодекса, будет лишена элементов придирчивости и не будет останавливаться на мелочах. Для таких указаний место в комиссии, а здесь мы сосредоточим основное внимание на тех принципах, которые мною отмечены.

Председатель. Согласно принятого порядка детальное обсуждение настоящего доклада предполагается вести в секции, а здесь, на пленуме, предполагаются только общие прения. Поэтому товарищи пусть имеют в виду, что съезд имеет прения только общепринципиальные. Ко мне подана записка о том, что некоторые делегаты только-что прибыли на съезд и не знают нашего порядка. Потому, просят еще раз огласить наш порядок. Я думаю, что это будет излишним. Пусть, товарищи, которые прибыли позже на съезд, постараются получить регламент и по-

рядок дня, которые розданы. Разрешите приступить к прениям по общим принципиальным вопросам.

Гродзинский (Украина). В виду того, что детальная критика рассмотрения кодекса перенесена будет в секцию, я останавливаться на деталях не буду. Если говорить в общем виде, то, конечно, нужно сказать, что глубоко знаменательным и желательным является, как с точки зрения практики, так и с точки зрения теории, что в первую голову ставится вопрос о кодексе. Конечно, этот кодекс нам придется принять, но с серьезными поправками. Я хочу отметить общее положение. Нельзя не приветствовать основного обстоятельства, что этот проект кодекса идет впереди всех западно-европейских кодексов. Не с точки зрения техники, — конечно, с точки зрения техники он сильно отстает, — но с точки зрения принципов. То положение, что преступника нужно не наказывать, а по возможности лишь охранять общество от него, это положение с величайшим трудом пробивает себе дорогу в западно-европейских кодексах, здесь же оно открыто рекламируется. Но все-таки, товарищи, это положение не до конца проведено. Проще было бы говорить о мерах социальной охраны. Если мы говорим о каре или об охране общественности, это безразлично. Здесь вопрос о методах. Если больного лечат в лечебнице, то человека, социально неприспособленного, исправляют в колонии, тюрьме или в учреждении для принудительных работ. Мне кажется, что наш кодекс, оторванный от многого старого и декларирующий новое, проводится в жизнь решительнее, чем в Западной Европе, потому что у нас нет законодательного консерватизма, который имеется в Западной Европе. Поэтому, я думаю, целесообразнее было бы сказать, что сам термин «наказание» есть термин отживший. Мера социальной охраны индивидуализируется по личности преступника и его психическому состоянию. В сущности говоря, логически провести разницу между наказанием и мерой социальной охраны нельзя, ибо наказание есть не что иное, как мера социальной охраны. Если наказание не связано у нас с мыслью о грехе, о вине, от чего мы давно уже отказались, то было бы правильнее, чтобы законодатель говорил о мерах социальной охраны от опасных для общества элементов. Конечно, если кодекс стоит на определенной позиции и эта позиция есть охрана от лиц социально опасных, то эта мера должна проводиться до конца. Но дело в том, что пока человек не доказал своей опасности, пока он не совершил преступления, вообще, говорить об опасности не приходится. Кодекс это положение принимает и не дозволяет суду сажать в тюрьму то или другое лицо только потому, что данный субъект кажется суду опасным. Здесь наш кодекс более умерен, чем тот проект, который доводит принцип опасного состояния до крайних пределов. Но, с другой стороны, напрасно кодекс не усвоил одного положения: там говорится, что для лиц, признанных социально опасными, могут быть применены дополнительные меры. Я не буду говорить о сроке. Там указано до 20 лет. Кодекс говорит, что максимальной мерой является 5 лет, но для особо упорных преступников, для рецидивистов мера эта должна быть увеличена до 10 лет. Если бы кодекс ввел такое положение для лиц особо опасных, в виде рециди-

вистов и т. п., то это было бы ответом на вопрос о том, что 5 лет является мало. Для отдельных случаев безусловно этого мало, потому что когда мы говорим, что особо опасное лицо должно сидеть в тюрьме или в лагере принудительных работ 5 лет, то это значит, что в течение 5 лет оно не будет воровать, не будет совершать другого преступления, если оно будет сидеть не 5, а 10 лет, то в течение этого большего срока оно не будет совершать преступления. Вот почему мне кажется, что идея опасного состояния и социальной охраны является вполне правильной. Наш кодекс, несомненно, делается историческим событием в эпоху уголовного законодательства и нам нужно провести эту мысль до конца: необходимо ввести корректив для особо опасных, тем более, что он имеется в Норвегии, в Англии и в других странах. Но если так, то наш кодекс является непоследовательным. Если центром тяжести является опасное состояние преступника, то вопрос о покушении или вопрос о приготовлении к преступлению является, конечно, второстепенным. Вы, может быть, скажете, что это все мелочи, подлежащие обсуждению в секции. На самом деле это не так. Вопрос о неоконченном преступлении у нас оставлен, а между тем нет логической разницы между человеком, который приставил лестницу и украл пальто, и тем человеком, который лез по этой лестнице, но не успел еще украсть. Вот почему на таких деталях, как неоконченное преступление, кодексу останавливаться не нужно. Но нужно остановиться на приготовлении к покушению. Если вы поймали вора-рецидивиста, поймали его на балконе или на лестнице, которую он приставил для того, чтобы забраться в помещение и совершить кражу, вы должны будете его оправдать, потому что кодекс карает только тогда, когда человек уже совершил преступление. У нас на Украине, это положение уже давно было отвергнуто. Мы разъяснили, что между приготовлением к преступлению и самим преступлением нет различий. Выражение «приготовление к покушению» это—наследие старого прошлого, и даже в науке так называемых буржуазных ученых сказано, что отличия от приготовления к покушению и самого покушения никакого нет. Поэтому еще более страшным является деление на неоконченное и оконченное покушение. Далее наш кодекс останавливается на старых положениях, когда он говорит о пособниках, подстрекателях и т. п. Что такое пособник? Мы никогда не можем установить ясно,—если один человек лезет по лестнице, а другой поддерживает,—что он только пособник, на самом же деле, он принимает такое же участие в преступлении, как и тот, который лезет по лестнице. Все это тонкости, которые мы здесь разобрать не можем. Если раньше были такие деления на преступников, пособников, подстрекателей и т. д., то это было не случайно. Старый кодекс говорил: за такое-то преступление столько-то лет наказания. Если вы возьмете старый французский кодекс, там положено за простую кражу 8 месяцев, за кражу со взломом—10 месяцев и т. д. Тут чисто арифметически вычислено, какое наказание кому подлежит. В общем, в нашем кодексе подтверждается предсказание профессора Анста, который сказал, что будет расширена обидная часть и будут сужены детали.

Важно то, что пособник участвует в преступлении, и не важно, в какой мере выражается его участие. В этом отношении наш новый кодекс не пользовался западно-европейскими кодексами, например, в норвежском кодексе 1902 года не говорится о пособниках, а говорится о том, кто совершил преступление, кто совершил кражу или содействовал, или участвовал, а в какой мере — не важно. Вот почему наш кодекс, с точки зрения научной и в смысле положения социологической школы, не может пойти на компромисс. Что касается отдельных указаний, то приводить отдельные статьи я не стану, они так очевидны и ясны, останавливаться только на широком применении принудительных работ без лишения свободы. Эта мера самая безобидная, а в то же время самая тяжелая для преступника, ибо он, находясь на свободе, находится под соблазном и испытанием не впасть в преступление. Вот почему эта мера встречает широкое сочувствие. В западно-европейском кодексе она не встречается и только имеется в германском уложении, где она применяется для бродяг. Что касается Особенной части, то я на ней останавливаться не буду, скажу только, что в нашем кодексе есть много старого и именно в этой новизне есть много старого, например, преступление против половой нравственности, растление. Я не думаю, что этого не нужно, но это есть подкрепление законодательством старого положения, что женщина должна войти в брак девственной. Законодателью это трудно подчеркивать, он должен подчеркивать авторитет закона и особо тяжелые случаи нарушения. Безразлично, будут ли вовлечены в половую связь мальчики или девочки. Вовлечение девочек или мальчиков в однополовую любовь будет менее наказуемо только потому, что здесь нет анатомического растления. Здесь, конечно, требуется к этой части целый ряд поправок, но надо сожалеть, что Наркомюст дал такой незначительный срок для внесения поправок. Надо сказать только, что принципиально кодексу надо приветствовать, надо приветствовать появление его в жизнь, как с точки зрения политической, так и с точки зрения науки.

Эстрин. (Москва). Я должен сказать, что основное положение, которое выдвигает предыдущий оратор — Гродзинский — для нас неприемлемо, ибо нельзя смазывать понятие или отказываться от понятия наказания и понятия виновности. Может быть, когда мы дойдем до полного коммунизма, мы не будем говорить о наказании, а будем говорить о лечении. Сейчас нам надо ставить вопрос о наказании преступности. Если мы сейчас ставим вопрос о революционной законности, то мы должны вести борьбу, борьбу с преступником, поэтому говорить не о наказании, а о лечении — неискренно. Тем более, что мы применяем в известных случаях высшую меру наказания, которая не может являться лечением, а потому нельзя быть непоследовательным, говоря о лечении. Нам нужна полная ясность и мы скажем, что наш уголовный кодекс имеет целью борьбу с преступниками и с преступностью, и если статья на эту точку зрения, то надо отметить, что мнение тов. Гродзинского опирается на недостаточную ясность основных статей кодекса. Я удивлен, что наш кодекс допустил отступление от основ уголовного права, от «Руководящих Начал», в определении преступле-

ния. Преступление есть нарушение общественных отношений, охраняемых уголовным правом. Наш уголовный кодекс определения преступления не дает и поэтому несколько неожиданной является статья 10-я, которая не дает предварительного определения, что такое преступление, а говорит о применении этого понятия по аналогии. Я думаю, что нам не трудно будет дать точное понятие преступления. Теперь, т.е., основное положение, которое правильно выдвинуто, как новое положение нашего кодекса. В статье 6-й преступления разделены на два вида: сюда включены преступления, связанные с пережитками до-революционного строя, и преступления, направленные против революционного строя. Я думаю, что при всей правильности и желательности этого разделения, оно все-таки не логично и не выдерживает критики. Надо сказать, что это деление должно быть не двояким, а тройным. У нас есть преступления, на которых тяготеет пережиток до-революционного времени, есть преступления, направленные против Советского строя, и есть преступления против обыкновенных прав личности—убийства. Это преступление против человека, а не против Советского строя или против пережитков старого времени. Поэтому, я лично считаю, что эту статью, основную, необходимо принципиально сохранить и уточнить введением особой категории преступлений, направленных против жизни и свободы личности человека. Основной мой спор с проектом уголовного кодекса будет касаться ст. 8-й. Я сомневаюсь в том, что нам надо писать кодекс и говорить о том, что, впрочем, когда судья найдет возможным, он может отложить кодекс в сторону и поступать на основании революционного правосознания. Статья говорит, что судья может вместо наложения общественного порицания или лишения свободы выносить высшую меру наказания. До сих пор наши суды действовали на основании революционного правосознания, т.е. ничем не были связаны. Сейчас наша задача—и в том заинтересованы как граждане, так и судьи—дать основное положение, которое определяло бы деятельность судей, но эти положения надо давать определенно и строго. Товарищи скажут, что нельзя сразу связать судей, но в таком отношении вы развязываете в этой статье судей: по всем преступлениям, которые направлены против советской власти, против советского строя, устанавливается низшая мера наказания, но дается право отступать судье и покрывать преступников. Я лично считаю, что, конечно, нужно уже при составлении кодекса учесть возможные случаи, возможные исключения и их ввести в текст кодекса, дать такую статью, которая предусматривала бы самые обычные случаи. Всех случаев предусмотреть нельзя и поэтому нужно дать известный простор судье. Я предлагаю этот простор дать не в виде полной свободы судье переходить от общественного порицания к высшей мере наказания, а в виде права судьи повысить на половину установленную кодексом меру наказания. Если в статье данное преступление карается лишением свободы не свыше 4 лет, то можно сказать, что при наличии особых обстоятельств судья может назначить не свыше 6 лет. Точно так же должна быть допущена возможность понижать наказание: если за данное преступление предусматривается наказание в виде лишения сво-

боды не ниже года, то судье должна быть предоставлена возможность назначить наказание не ниже полугода. Перейду к вопросу о сроке лишения свободы. Достаточен ли нам срок 5 лет? Я считаю, что этот срок недостаточен. Две соприкасающиеся меры наказания: 5-летняя мера наказания и затем высшая мера наказания—расстрел, промежуточных нет. Вы знаете, что мы будем стремиться к возможно большему сокращению применения высшей меры наказания, будем стремиться к сокращению ее постольку, поскольку обстоятельства допускают это. И вот, значит, что же—по отношению к преступлениям общественно-опасным, которые вызывают общественное возмущение против себя со стороны трудящихся, по отношению к этим преступлениям, отказываясь от применения высшей меры наказания, вы имеете только возможность посадить преступника на 5 лет. Я считаю, что это слишком мало, я считаю, что нужно удвоить этот срок. Я бы поставила высшим пределом лишения свободы не 5, а 7 лет с той оговоркой, что судья может половину добавить и тогда получится 10 лет. Это даст возможность действительно удовлетворить чувство правосознания, которое говорит в массах, потому что сажать зверя-преступника на 5 лет, а потом выпустить, это будет слишком мягко.

Рыжанский. (Председатель реввоенсуддортрибунала М.-Курской жем. дор.). Товарищи, этот Уголовный Кодекс, о котором мы заслушали доклад, в особенности, в своей общей части, поднимает целый ряд основных принципиальных вопросов. Я имею в виду остановиться лишь на 2-м из этих основных вопросов. Дело в том, что до сих пор, не имея никакого кодекса, суды и судьи у нас должны были в своей судебной работе руководствоваться известным социалистическим пониманием или известным революционным правосознанием. В настоящее время суды получают для руководства этот Уголовный Кодекс. Значит ли это, что теперь можно отбросить те принципы, которые ранее являлись судьями в основу приговоров. Конечно, нет. Вопрос о социалистическом правосознании прямо здесь разрешен и говорится, что судебным органом наказание назначается именно по социалистическому своему правосознанию, но с соблюдением руководящих начал указанных ст.ст. этого кодекса. В этих целях, в целях правильного руководства социалистическим правосознанием, кодексу необходимо было точно разрешить вопрос, точно выяснить, что является предметом его внимания, какие именно общественные отношения берутся кодексом под свою защиту. В этом отношении кодекс ставит перед собой задачи и пытается их разрешить. Об этом говорит 6-я статья кодекса. Все кодексы, которые существовали до сих пор в несоциалистических государствах, все они имели обычно дело с такими общественными отношениями, которые создались в результате уже прочно установившегося уклада жизни. Между тем, нам в этом кодексе приходится иметь дело с такими общественными отношениями, которые только нарождаются. Мы стоим на грани двух миров. Мы уничтожаем один мир—еще его не уничтожили—и мы строим новый мир и нам поэтому приходится при выявлении тех общественных отношений, которые мы берем под защиту Уголовного Кодекса, нам приходится иметь дело с общественными яв-

Ленинскими двух родов: с общественными явлениями старого порядка и нового порядка. Эти общественные отношения в жизни не так оперативно разграничиваются, как мы это говорим здесь и как упоминается в новом кодексе. Эти отношения слишком сложны, они постоянно соприкасаются. Старое и новое переплетается между собой и в этом заключается задача Уголовного Кодекса, чтобы все-таки провести грань между этими двумя различными общественными отношениями. Это нужно для того, чтобы судья, подходи к последнему моменту каждого дела, к решению о вынесении приговора, в этот момент каждый судья проверил бы свое социалистическое правосознание: и точно установил, с каким отношением он имеет дело, какое общественное явление он защищает, какой государственный институт он берет под свою охрану, с каким отрицательным явлением он борется. Он в точности должен разобраться в этом и сказать: я беру под защиту в данном случае отношения нового порядка, я защищаю порядок, установленный советским строем, институт отношений между гражданами, установленный советским строем, или он должен сказать, что, хотя мы защищаем общественные отношения и будем наказывать, но это—пержиток до-революционного строя и только в силу переходного времени приходится защищать чуждые нам моменты и наказывать родственные нам элементы. С точки зрения этого анализа сознание судей по каждому делу очень важно и нужно отметить достоинство этого кодекса, что в кодексе указаны методы подхода к каждому отдельному преступному случаю, преступному явлению. Правда, в помощь судьям имеется особая часть, где детализируются все эти отдельные преступные явления, там указаны не только пределы, но и точная нормировка того, что в данном случае судье нужно. Судье необходимо не только войти в определение того явления, которое перед ним находится, но и в оценку этого явления, в сознание нормы наказания, и нужно руководствоваться положением, которое выдвигается Уголовным Кодексом.

Председатель. Поступило предложение о прекращении записи ораторов. Записано 27 человек. Я предложил бы, так как сейчас четверть второго, а у нас есть еще второй вопрос, не менее сложный, практически требующий не меньшей остроты прений. Чем вопрос об общей части Уголовного Кодекса, я предложил бы продолжать прения по кодексу только до половины второго и затем приступить к следующему докладу.

С места. Я предлагаю все же,—если несколько товарищей высказались по существу этого вопроса, то я думаю, что в виду серьезности вопроса, который стоит, а он серьезен, ибо я считаю, принятие или, вернее, выработку этого Уголовного Кодекса для нас, судей, настолько существенной и важной,—предлагаю, чтобы высказались не три оратора в порядке прений, а высказать свои соображения десяти товарищам, а остальной список закрыть.

Крыленко. Если позволите, я укажу, что нельзя брать 10. Почему 10, когда здесь 27. Я предоставляю всем возможность высказаться в секции.

Дьяконов (Самара). Третье предложение. Я полагаю, что в каждый момент собрание может решить, что считает прения исчерпанными. Я

предлагаю продолжать высказываться ораторам и по новому предложению о полном прекращении прений прекратить их.

Крыленко. Итак, три предложения. Дать высказаться трем ораторам, не ограничивая их, и перенести в секцию. Второе предложение—установить общий порядок, предлагаемый товарищем Дьякоповым, и третье предложение—дать высказаться 10 товарищам. Голосуем. Принимаем первое. Прения сокращены до 5 минут.

Лаговнер (Витебск). Я, товарищи, использую свои 5 минут для того, чтобы остановиться, прежде всего, на ст. 6-й предлагаемого кодекса. Эта статья докладчиком выдвигалась, как основная, потому что как докладчик, так и другие выступавшие ораторы, указывали, что эта статья является коренным отличием нашего кодекса от кодексов западно-европейских, что в этом именно выражается самобытность нашего кодекса. Мне кажется, что эта статья 6-я является более чем сомнительной с точки зрения логической, на что отчасти указывал и тов. Эстрин. Почему, собственно, указаны 2 группы преступлений. Вдруг почему-то этот кодекс, с точки зрения подхода к наказанию, делит преступления на 2 группы. Между прочим, было указано, что возможно еще существование и 3-й группы. А как подойти к наказанию этой 3-й группы, об этом ничего не говорится. Наконец, и самое деление не выдерживает никакой критики. Можем ли мы считать преступлением деяние, которое направлено против пережитков до-революционного прошлого? Вообще, это очень неудачная редакция, которая совершенно извращает мысль о пережитках прошлого. Мы понимаем эту мысль так: поскольку то явление, которое было в прошлом, необходимо для настоящего, поскольку тот, кто этого не понимает, является «гусь», следовательно, если это так, то я вас спрашиваю, что означает преступление, направленное против таких пережитков до-революционного времени, которые вызываются переходным революционным временем. Я понимаю идею, что суд, вообще, должен меньше наказывать, не должен преклоняться перед институтом частной собственности, но, несомненно, поскольку мы новую экономическую политику собираемся проводить и проводить надолго и в серьез, то очевидно, что всякое преступление, направленное против новой экономической политики, мы также будем наказывать в серьез. Все эти деления на одну и на две группы являются чрезвычайно неудачными. Мое предложение, которое я буду более подробно мотивировать в секции: отклонить всю статью 6-ю, как сомнительную.

Последнюю минуту, которая у меня осталась, я посвящу казуистичности этого кодекса. Один из выступавших товарищей указывал здесь о подготовке к преступлению, указывал на подстрекателей, на соучастников, на главных виновников, говорил о половой нравственности, разделял ее на много веточек и веток, предлагая за подобного рода преступления не выше 4 лет. Я спрашиваю, почему 4 года. Повторяю, все это казуистика, которую необходимо выбросить. Но, таким образом, у нас получится пробел, который секция должна будет заполнить чем-нибудь разумным. Наконец, товарищи, относительно наказания. В этом отношении я всегда стоял и теперь стою, поскольку

мы говорим о наказании, постольку для нас совершенно ясно, что наказание имеет исправительное трудовое значение, постольку, следовательно, смертная казнь не является наказанием, а поэтому, кодекс не должен говорить о смертной казни.

Торчинский (Иваново-Вознесенск). Товарищ Черлюнчакевич закончил свой доклад указанием на то, что они выполнили эту работу, над которой обычно сидят целые ученые комиссии в течение нескольких десятков лет, они выполнили ее в течение нескольких дней, т.-е., вернее, недель. Я знаю общие условия работы и полагаю, что я не ошибся, когда сказал несколько дней, а не недель; безусловно, чрезвычайно многообразная и трудная как административная, так и партийная работа не позволила им проделать эту работу в тот срок, который по существу был для нее нужен. С одной стороны, крайняя ограниченность времени и сил, с другой стороны, мы постоянно должны оглядываться на Геную, мы постоянно имеем перед собою проекты, которые так или иначе оказывают на нас влияние. Проекты буржуазных специалистов и т. д. В виду всего этого для меня представляется совершенно естественным, что настоящий проект является во многом и многим неудовлетворительным. Но самым неудовлетворительным в нем мне кажется то, что у него нет классового характера и классового содержания. Авторы этого проекта, очевидно, слишком оглядывались на Геную и считались с проектами буржуазных спецов, считались с тем влиянием, которое на них оказывали эти проекты не классового характера, и не дали того, что должно было бы отличать наше советское право, право одержавшего победу пролетариата, как господствующего класса. Т. Черлюнчакевич говорит о принудительных работах, говорит о целом ряде других признаков, которые, якобы, отличают наш Уголовный Кодекс от других кодексов. Я позволю себе сказать, что эти признаки совершенно не выявляют классового характера, который необходим для нашего Уголовного Кодекса. Мне думается, что в секции как мною, так и другими товарищами будут указаны те признаки, которые здесь отсутствуют, но которые так необходимы, что я считаю необходимым в настоящую минуту подчеркнуть.

Циккель (Тамбов). Товарищи в течение 5 минут никакой мысли изложить нельзя. Я позволю себе оставить внимание только на ст. 10, о которой здесь говорил предыдущий оратор, это—вопрос относительно аналогии уголовного права в кодексе. Ст. 10, кажется, грешит именно в том смысле, что имеется в виду изменение писанных норм, которые, как мы полагаем, являются воплощением революционного правосознания. Весьма желательно и необходимо, чтобы этот кодекс содержал в себе определенные указания, что дозволено и что запрещено. Но если мы в ст. 10 имеем отступление от этого правила и самого определения преступлений там нет, то, разумеется, это является громадным пробелом и вся ст. 10 является ненужной и невозможно допустить, чтобы при отсутствии точного определения, что такое преступление, ст. 10 опять оставляла положение, что нам достаточно одного революционного правосознания. Мы пришли, очевидно, к убеждению, что одного революционного правосознания недостаточно, а необ-

ходила еще революционная законность в письменной форме. Этот вопрос особенно тщательно должен быть в секции разработан и статья эта, само собой разумеется, остаться не может.

Затем я позволю себе на протяжении оставшихся полутора или двух минут коснуться вопроса о судебных приказах, вопроса, который подлежит, как сказал докладчик, особой дискуссии, в чем я сомневался, так как в такое короткое время особой дискуссии быть не может. Следует установить принцип, что если держаться судебных приказов, то необходимо поручить их народным судьям в том смысле, что только народный судья имеет этот приказ, а не дожидаться заседателей. Только в том случае, если наказанный гражданин недоволен судебным приказом, ему предоставляется право перенести решение вопроса в инстанцию с двумя народными заседателями. Вот те практические указания, которыми я вкратце за недостатком времени могу с вами поделиться.

Председатель. Раньше, чем приступить к дальнейшему ведению собрания, позвольте доложить, что ко мне поступила записка от имени украинской делегации, представитель которой тов. Ширвиндт, просит предоставить ему слово для внеочередного заявления. Слово для заявления имеет тов. Ширвиндт.

Ширвиндт (член коллегии НКЮ Украины). Украинская делегация, на основании постановления состоявшегося у нас съезда, уполномочена заявить, что мы считаем необходимым и желательным для проведения кодекса на Украине ввести два вида преступлений. 1-й вид—преступления, направленные на расторжение договора между союзными республиками, и второй вид—преступления, направленные к развитию национальной травмы. Эти два вида преступлений мы считаем необходимым внести в кодекс. (Предложение принимается).

Председатель. Имеется заявление от бюро фракции.

Эстрин. Бюро фракции предлагает прерий по этому вопросу более не вести, а образовать секцию с обязательным входжением туда т.т. Крыленко и Черлючакевича; т.т. просят записаться в секцию во время перерыва.

Председатель (тов. Крыленко). По этому вопросу мы больше никаких прерий открывать не будем. Лично про себя я могу сказать, что не буду работать именно в этой секции, так как для меня важно работать в секции организационной, ревтрибунала, а одного человека не разорвешь. Далее, ко мне поступило заявление сделать перерыв. Давайте решим, будем ли мы сейчас устраивать перерыв, или приступим к докладу по вопросу второму. Тем более, что в президиум поступило заявление, подписанное 20 или более товарищами, которые желают заслушать доклад по вопросу о судостроительстве. Инициаторами этого являются товарищи Дьяконов и Крыленко. Устроим ли мы сейчас перерыв, или после этого доклада и на сколько.

(Объявляется перерыв на 10 минут).

Доклад о судоустройстве.

Председатель. Позвольте заседание пленума объявить открытым. Слово по докладу будет иметь тов. Лушин.

Лушин (Москва). Товарищи, мне предстоит сделать доклад о структуре и организации наших судебных мест и тем самым о точном разграничении подсудности между этими судебными местами. Прежде, чем перейти к практическим вопросам, позвольте остановиться на тех необходимых предпосылках, из которых необходимо исходить при построении нашего судебного аппарата. Эти предпосылки в достаточной мере были очерчены тов. Курским в его общем докладе. Но мне хочется остановиться только на трех моментах, которые при построении нашего судебного аппарата, как органа пролетарской диктатуры, мы должны сейчас учитывать: 1) мелкобуржуазное окружение, 2) капиталистическое внутреннее и внешнее окружение, 3) сложность работы народного суда и трибунала в связи с изданием точных норм процесса и в связи с тем, что наш народный суд не подготовлен в достаточной мере к этой сложности. Вот основные моменты, из которых мы должны исходить. Исходя из этих основных моментов, мы подходим, прежде всего, к кардинальнейшему вопросу о взаимоотношении народного суда и революционного трибунала, вопросу, который во многих местах вызывает в определенное предложение снятия этих двух судебных органов. Что из себя представляет и должен представлять в данный момент суд? Можем ли мы сейчас сказать, что нам не требуется суда высшей подсудности? К этому основному моменту сводится весь вопрос. Если мы так вопрос поставим, то мы должны определенно ответить, что суд высшей подсудности, принимая во внимание эти основные посылы, нам сейчас необходим, как суд по делам политическим и по сложным уголовным делам. Если мы подойдем с этой точки зрения к оценке народного суда и трибунала и посмотрим их развитие в исторической перспективе, то мы увидим, что революционный трибунал всегда мы рассматривали и в законодательстве, вызвавшем к жизни революционный трибунал, и в процессе нашей революционной работы, как суд классовой диктатуры, как суд политической борьбы, а не как суд в тесном смысле этого слова. Так трибунал был зафиксирован в своем основном положении, так трибунал был зафиксирован в ст. 8 первого декрета о суде и так трибунал фактически работал во все время нашего военного периода. Это был боевой орган классовой диктатуры, орган непосредственной расправы с контр-революционерами, с теми, кто шел против диктатуры пролетариата в той или иной области нашей жизни.

В моменты острой революционной борьбы, в моменты острой классовой борьбы были вызваны к жизни военные трибуналы, в которых признак чрезвычайности, признак расправы превалировал, которые были органами расправы, органами политической борьбы, а не суда. Так обстоит, вкратце говоря, дело с революционными трибуналами и не мудрено, что в эти моменты острой классовой борьбы трибуналы приобретали характер, превалирующий над другими судебными органами. Если возьмете основное положение о революционных трибуналах, то

эту линию вы увидите точно и определенно выраженной в положении о трибуналах во второй части 2-й статьи. Там есть точное указание о том, что трибуналы могут принимать к своему производству... (читает). Этим самым они имеют право изъять всякое дело из народного суда. И не мудрено, что тов. Данишевский в своей брошюре ставит вопрос о том, что трибунал есть не только орган классовой борьбы, но и орган надзора за законностью. Я был сам в военном трибунале на фронте и знаю, как поступали с народными судами—очень хорошо и просто: мы являлись в ту или другую местность и отдавали приказ, что благово- лите в такой-то срок представить сведения о всех имеющихся у вас делах, и мы извлекали дела из народного суда. И не мудрено, потому что подчас мы бывали в таких местностях, где в качестве народных су- дей были прежние спенцы, которые сознательно мимо революционного трибунала, мимо чрезвычайных органов направляли дела в народный суд. Таково было положение. Если мы возьмем статистику, в самых кратких словах вам преподанную, то мы видим, что деятельность три- буналов свелась к прекратительной деятельности. Я беру первые пол- года 21 года. И общего количества дел разрешено по существу 4.806 дел (27%), прекращено 5.528 дел (31%), передано по подсудности 7.464 дела (42%). Далее, мы посмотрим, какие дела рассматривались в трибунале. Мы видим, что дела, подсудные трибуналу по ст. 2-й, фак- тически составляют 47 проц. Если мы посмотрим меры наказания три- бунала, то мы увидим, что 78 проц. падает на лишение свободы и 45 проц. из них на приговоры к условному лишению свободы. По этому признаку мы можем сделать заключение о роде тех дел, которые рас- ссматривались в трибунале. Таким образом, мы видим, что трибуналы фактически стали принимать к своему производству явно им неподсу- дные дела, дела мелкие, которые не требовали большой карательной санкции. Объясняется это чисто объективными условиями, которые мы хотим исправить, создавая институт прокуратуры. При правильной организации прокурорского надзора, направляющего дела по подсудно- сти, наблюдающего за законностью в народном суде, такие моменты отпадут, их не будет много.

Но поскольку мы наталкиваемся на статью положения, предоста- вляющую право трибуналу принять к производству любое дело, по- стольку мы должны сказать, что это право должно быть ограничено, что подсудность трибунала должна быть точно установлена. Мы должны рассматривать трибунал с точки зрения момента, как суд политиче- ский, суд чрезвычайный, чрезвычайность которого будет замкнута в определенные рамки борьбы с контр-революцией на новом фронте, на котором контр-революция себя проявляет, фронте экономическом. Не- лзя поставить серьезно вопрос об уничтожении трибуналов. Так мы вопрос не ставим. Мы в этом отношении напомним статью тов. Бухарина в «Азбуке коммунизма». Мы учитываем момент и говорим, что мы должны иногда учиться диктатуре у наших врагов, диктаторствовав- ших веками,—у буржуазии. Если мы посмотрим назад, то мы увидим этот тип суда, о котором я говорил: судебная палата с сословными представителями, куда входил член союза русского народа. В этом

основном вопросе мы устанавливаем положение, что такой суд должен быть у нас. Он должен быть независим от мелко-буржуазного класса. Мы должны иметь в виду всю сложность экономической обстановки и сказать, что суд должен быть классовым, он должен осуществлять диктатуру пролетариата. Он должен остаться классовым в новой экономической политике. Вот почему я высказываю необходимость ограничения подсудности трибунала политическими преступлениями, крупными должностными преступлениями и воинскими. Мы должны установить общие принципы, на которых эта подсудность должна быть построена. И поскольку будет существовать кодекс, мы можем ограничить эту подсудность, но право определения подсудности трибуналами должно быть уничтожено. Теперь, подходя к народному суду, мы сталкиваемся на вопрос, тоже возбуждающий большие споры и толки на местах. Этот вопрос заключается в следующем: есть ли у нас, или нет единый народный суд. Прежде всего, мы должны расшифровать, что мы понимаем под этим единством. А для того, чтобы расшифровать это, мы должны вспомнить предшествующий декрет № 3 о суде и все последние декреты, по которым были созданы народные суды. Затем, мы должны вспомнить те судебные места, которые были в старое время, — судебные палаты, затем, далее, должны вспомнить коммерческие суды, военную юстицию, волостные суды, мировые суды — и несть количества — и должны сказать, что принцип первый заключается в том, что у нас народному суду подсудны все решительно дела. В этом основной принцип суда и поскольку сейчас мы переживаем момент диктатуры, поскольку у нас острая классовая борьба, постольку этот принцип является в этой области декларативным и останется, пока мы не переживем острого момента классовой борьбы. Принцип единства вытекает из подсудности всех без исключения граждан без признаков сословности и т. д. Этот принцип непоколебим и останется. Затем мы должны указать на отсутствие у нас единой кассационной инстанции. У нас она не одна, а одна в каждой губернии. Затем мы сталкиваемся с вопросом, что практика 4-летняя выдвинула особого вида суд, это — особая сессия, уголовная, и в последнее время особая сессия по гражданским делам, затем камера народных судей при ЧК, дежурная камера народных судей. Нарушают ли эти особые виды судов принцип единства народных судов, или нет? Если бы мы создавали суд высшей подсудности, на манер окружного суда, на губернию один, то мы должны были бы сказать, что — да, нарушает. Создавали ли мы это, или выделение особой категории сложных дел, имеющих общественный или политический характер, от отдельных народных судов вызывалось сложными чрезвычайными моментами? Да, это выделение вызывалось такими моментами и, более того, то, что оно вызывалось этими моментами, свидетельствует циркуляр Народного Комиссариата Юстиции об издании ударного списка заседателей. Что значит ударный список заседателей? Это представители пролетарского класса, осуществляющие свою диктатуру. Этот ударный список исключает возможность быть в народном суде в качестве заседателей представителям мелко-буржуазной стихии. Это стихия, которая народный суд могла бы толкнуть по-

направлению мелко-буржуазных влияний. Возьмите выделку самогона. Мы видели, что в суде сидят 2 заседателя-самогошника. Возьмите то, что говорил тов. Курский, что сплошь да рядом сидят нарушители правопорядка. Дальше, есть специфические дела, которые охватывают тот или иной район. Имеются в этом отношении ударные районы, например, я был в районе, где являются частыми дела о лесных порубках, и порубщики сидели, как заседатели. Мы сталкиваемся с этим очень часто и это неизбежно, потому что мы сейчас находимся в мелко-буржуазном окружении. По этому принципу было построено выделение из подсудности участковых судов, из распыленности, особых дел в особые сессии по уголовным делам. Эти особые сессии не мыслились 3-му съезду, как постоянные. Ему мыслилось, что особые сессии должны принимать под свою подсудность дела, требующие обращения на себя особого внимания, в частности, они должны были рассматривать дела, переданные революционным трибуналом и принятые ими дела из ЧК, дела о спекуляциях и все категории наиболее важных и сложных дел. Сейчас перед нами стоит вопрос, сохраняем ли мы, или не сохраняем эти особые сессии. Подходя к этому вопросу, мы, прежде всего, должны подойти к вопросу о тех основных предпосылках, о которых мы уже говорили и о которых будем говорить в дальнейшем, главным образом, к вопросу о создании адвокатуры. Поскольку адвокатура в настоящее время у нас народждается, поскольку сейчас у нас может народиться прокуратура, постольку мы не можем распылять все наши силы. Наибольшее внимание мы должны обратить на адвокатуру. Еще старые юристы, так-называемые буржуазные ученые, между прочим, профессор Случевский, говорили, что адвокатура в старое время не была проникнута сознанием публичности своего назначения, тем более, в течение этих 4-х последних лет никакого сознания своей публичности у адвокатуры не было, это была просто шкурническая компания. Если мы примем во внимание, что наши судьи, подчас совершенно неподготовленные, обладающие только революционным сознанием, очень часто находились под влиянием ловких адвокатов, то теперь мы должны их оградить от этого. Мы должны в суде оставить наших пролетарских судей, чтобы суд, действительно, был органом классовой диктатуры. Вот один самый большой основательный довод, можно привести еще массу других доводов, на которых я уже останавливался в своих статьях в «Еженедельнике», но сейчас на этих доводах, за недостатком времени, я останавливаться не буду. Особые сессии, как суды, в которых сосредоточиваются дела особой важности, должны остаться. Здесь мы должны проводить нашу линию пролетарской диктатуры. Некоторые дела должны быть выделены из отдельных участковых судов и сданы в особые сессии. Подходя к тем признакам, о которых я уже говорил, для нас будет совершенно ясно, что наиболее сложные дела, т.-е. такие дела, где необходимо присутствие прокурора, такие дела необходимо выделить из общей распыленной подсудности. Точно так же необходимо выделить и те дела, которые носят исключительно важный политический характер, и дела, вытекающие из новой экономической политики. Совершенно ясно, что сейчас точно определить и очертить.

эту подсудность мы не можем до тех пор, пока не будут созданы кодексы материальный и процессуальный. Далее, перед нами стоит вопрос о гражданских делах, вопрос наиболее сложный и спорный. Во многих местах зарождалась мысль о том, чтобы создать особый гражданский суд, уничтожив институт заседателей. Этот вопрос в достаточной мере серьезен и важен, а поэтому на него следует обратить особое внимание. Поскольку наша экономика приобретает мировое значение, поскольку здесь есть фронт, на котором мы боремся с буржуазией, — фронт, на котором будет бороться наша делегация в Генуе, постольку на вопрос этот нужно обратить особое внимание. Признавая всю важность этого вопроса, некоторые товарищи и выдвинули вопрос о создании особых гражданских трибуналов. Мы говорим, что суд есть народный суд, не в смысле РСФСР-ском, а в смысле преобладания в нем представителей пролетариата, вернее, той части народа, которая осуществляет диктатуру пролетариата. Здесь необходимо обратить внимание на состав судов: состав этот должен быть строго квалифицированный. Здесь мы должны будем считаться со всеми статьями процессуального кодекса, должны будем тонко взвешивать все обстоятельства, в которых могут очутиться наши судьи. Это является основным требованием, которое необходимо предъявлять к особым сессиям по гражданским делам. Я указал, что в системе народного суда существовали другого вида суды — дежурные камеры. Встает вопрос, противоречит ли это принципу народного суда, или нет. Конечно, при изменении функций ЧК дежурные камеры при них должны быть упразднены. Сейчас, с изменением функций ЧК, этот вопрос ясен и возникает вопрос об общем принципе дежурных камер — нужны они или нет. Основной принцип, который должен быть положен в основу деятельности народного суда, это — близость к населению, быстрота репрессии, ударность пресечения преступлений и т. д. Мы не можем сделать судью универсалистом и возложить на него бесчисленные многогранные функции. Трибуналисту легко, он должен осуществлять диктатуру пролетариата, судя, а в общественной деятельности он, как судья, не участвует. На народного же судью возлагается целый ряд функций и ему во всем этом барахтаться крайне трудно. Поэтому мы должны разгрузить народные суды и дать возможность осуществлять в народном суде те функции, которые на них возложены. Вот тут выплывает вопрос о необходимости существования дежурных камер. Припомните дежурные камеры по делам дезертирским. До тех пор, пока их не было, дезертиры задерживались только хотя бы по одному подозрению, что на удостоверение фальшивая подпись, и их дела загромождали народные суды. О таких дезертирах накоплялись сотни дел и только, когда была образована, напр., в Москве дежурная камера при комендантском управлении, мы быстро разрешили и разгрузили эти дела. Таким образом, по некоторым ударным делам мы должны оставить эти камеры. Сейчас брошен лозунг 9-м Съездом Советов по борьбе с волокитой. Как могут быстро и скоро народные суды организовать борьбу с волокитой? Мы должны быстро бороться с преступлениями, но мы не можем сделать судей универсалистами, кроме того, у нас имеется циркуляр, что такое-то дело должно

итти в первую очередь, такое-то дело в первую очередь, и в результате первоочередных дел накаплиется бесчисленное количество, в которых судья запутывается. Мы должны разгрузить и здесь суды по тому же принципу, что суды должны быть быстрыми и скорыми, а это подчеркивает еще раз, что существование дежурных камер по ударным вопросам необходимо.

Дальше, мы имеем преступления, борьба с которыми не носит ударного характера, но для вынесения приговора по которым достаточно одного сознания в преступлении, не надо предварительного следствия, где имеется потерпевший и вещественные доказательства, и мы должны сказать, что здесь суды должны быть быстрыми и должны быть созданы дежурные суды, которые предусмотрены циркуляром Народного Комиссара Юст. за № 21 в прошлом году. Вот те виды работы народных судов, которые заставляют наших противников говорить, что мы покушаемся на принцип единства народного суда, а этого нет. Мы не нарушаем этого принципа, мы говорим, что необходима организация особых ударных судов для рассмотрения дел специфического характера, и это не есть нарушение единства суда. Ибо не надо, чтобы данный участок суда был бы прикреплен к данному участку милиции, а мы говорим, что на данной территории действует единый народный суд, который всеми возможными способами осуществляет пролетарское правосудие. Затем выдвигается способ организации ударных судов по районам и тут у нас опять нет нарушения принципа народных судов.

Дальше, мы должны приблизить суды к населению и здесь я должен коснуться кассационных инстанций. До сих пор, пока кассационные инстанции были далеко, как, например, в Вологодской губернии, приходилось ездить за несколько десятков верст в Вологду, необходимо было провести принцип выездных сессий совнарсуда. То же самое надо сказать по отношению к Москве. Например, мы недавно поехали в Волоколамск, где рассмотрели на месте в течение 4-х дней 140 дел. Суд рассматривал эти дела там на месте и это дало возможность народу посмотреть, что представляет из себя суд. Надо сказать, что революционная законность в городе крепнет с каждым днем, а в деревнях этого не наблюдается. Заканчивая свой доклад, я должен сказать, что мои тезисы построены на признании, что необходимо суды построить для борьбы с политическими преступлениями, что наши суды должны оставаться пролетарскими, осуществляя пролетарскую диктатуру. По этому принципу мы должны строить наши суды и должны приблизить их к населению.

Председатель. Слово имеет тов. Крыленко для содоклада.

Содоклад о судоустройстве.

Крыленко. Товарищи, я выступаю по вопросу о судоустройстве до известной степени экспертом, постольку, поскольку с этим вопросом общего характера нашего судоустройства мне близко на практике стал-

ваться не приходилось. Моя работа, как и работа революционного трибунала, строилась самостоятельно и независимо от общей судебной системы и лишь в последнее время перед нами встал вопрос о включении этой системы в систему общую. Те положения, которые я буду развивать, явятся неожиданными для целого ряда работников-трибуналистов, с которыми мне приходилось работать. Но я здесь ставлю пока этот вопрос только, как ту линию, по которой должно пойти развитие нашей судебной системы. Это значит, вопрос сводится только к тому, ставить или не ставить эти проблемы сейчас или отложить их вновь. ad calendae graecas. Я ставлю вопрос таким образом, либо трибунальное производство должно остаться, как оно есть сейчас, т.е. построенное сепаратно, построенное централизованно, построенное параллельно с общими судебными местами и лишь с более уточненной подсудностью, или же, если ставить вопрос об общесудебной системе, тогда ставить его во всей его глубине и ширине, и в этом отношении я не буду проводить никаких сепаратистских тенденций, я являюсь самым горячим сторонником, самым горячим защитником единой, правильно поставленной судебной системы. По вопросу о том, как ее должно строить, я предложу вашему вниманию ряд тезисов. Что есть единство в судебной системе? Какими принципами оно должно, прежде всего, определяться? Первый основной принцип, это — единство в построении и принципе организации судов, судебных мест, вообще; второй основной принцип, это принцип единства практики судебных мест, когда они построены, когда они работают. Эти два принципа должны быть проявлены, проведены и гарантированы в их проведении. Я утверждаю, что теперь ни тот, ни другой принцип не выявлены, не проведены и не гарантированы. Имеется ли у нас единая форма судебных мест? Нет. У нас имеются два вида судов: это суды в составе 3-х и суды в составе 7-ми. Затем, имеется своеобразная форма не то суда, не то административного места в виде земечных судов, которые представляют из себя довольно крупную отрасль обществ. жизни, затрагивающей интересы многомиллионного населения. Дальше, имеются исключительные суды-трибуналы, которые различаются между собою по степени полномочия и по построению, а затем имеется законом непредусмотренная, неизвестно каким образом появившаяся особая форма суда в виде особых сессий, ибо в законе я не нахожу никаких оснований для их существования. Существовала, однако, какая-то видимая потребность в их образовании. Надо, следовательно, поставить вопрос, какова эта потребность и как ее удовлетворить, чтобы было ясно и точно, откуда эти сессии вытекают. Это первый вопрос — относительно единства в построении судебных мест. Теперь второй вопрос — единства в области практики, т.е. то, что гарантируется единством кассационной инстанции. Нет, у нас абсолютная децентрализация в этой области, абсолютная распыленность. Тов. Дьяконов указывает в своей брошюре, что Верховный Кассационный Трибунал создал эту систему, но не публиковал кассационных решений. Наши решения чрезвычайно просты, никаких мотивировок не дают и что нужно, то выражается не в решении кассационных коллегий, а в циркулярах по поводу отдельных решений, и эти циркуляры

издаются и рассылаются. Второй признак, который должен быть, таким образом, проведен, это создание единой кассационной инстанции. Конечно, очень трудно для нескольких тысяч народных судей создать единую кассационную инстанцию. Но как это разрешить, это вопрос техники, а не вопрос жизни. Говорить о новой экономической политике в связи с юстицией я не буду, но на один факт я укажу: у нас имеются частно-правовые отношения и своеобразная форма не то частно-правовых, не то публично-правовых отношений; это вопрос, где государство участвует в качестве стороны. Я уже поставил этот вопрос, но до сих пор разрешения он не получил. Он заключается в предоставлении народному суду, по своей инициативе, тогда, когда стороны об этом не просят, все же расторгнуть договор, как заключенный в невыгодные для населения условия. В кодексе об обязательствах есть ст. 7-я, которая говорит, что губитель юстиции не должен регистрировать договоры, которые противоречат интересам государства, ну, а если регистрируют, тогда что? Должна быть всякий раз угроза, что народный суд может сказать, что я по своей инициативе этого договора не подтверждаю, — это будет другое дело. Это будет публичный контроль трудящихся масс. Но это будет руководство судебной политики, а не карательной. Судебная политика должна отражать классовые интересы рабочих, интересы пролетариата; но для этого также необходима руководящая инстанция. Есть ли теперь эта руководящая инстанция? Вот на последней странице «Еженедельника» мы видим решения Высшего Судебного Контроля, где принципиальные решения излагаются. Для чего? На предмет руководства. В таком случае я спрашиваю, кто руководит? Каким образом строится Высший Судебный Контроль? Где гарантии, что до него дойдут все дела? Сейчас этот закон не выдерживает критики. Теоретически этот вопрос не так трудно разрешить. По вопросу о строении этой судебной системы первый принцип — это единство народного суда. Он должен выражаться в одинаковости строения каждого судебного места. В принципе коллегиальности, в составе: председательствующий и два заседателя. Этот принцип поддерживается тем, что заседателей в районе дает исполком, а председательствующего дает совнарсуд. Так вот благоволи же председателей не отзывать. Благоволите ими не швыряться. Мы устанавливаем определенный порядок несменяемости. Мне скажут, это буржуазный предрассудок — несменяемость судей. Я не боюсь этого слова. Я должен сказать, что в той системе, которую я предлагаю, несменяемость проводится от А до Я, проводится последовательно и неуклонно. Я утверждаю, что при буржуазном строе не было несменяемости. Это был вздор, потому что буржуазия всегда удаляла нежелательных судей. Мы открыто это делаем, ибо наш суд есть классовый суд. В определенном порядке мы — господствующий класс — сменяем судей, но в определенном порядке. В этой форме гарантия того, что эта несменяемость принесет плюс, а не будет проявлением самодурства отдельных исполкомов. Это первая инстанция суда в составе 2 заседателей и тот же самый суд, для суда в составе 6 заседателей, должен выделяться губисполкомом. Дальше, мы имеем совнарсуд. Что есть совнарсуд? Председатель совнарсуда должен назна-

чатся и предлагаться губисполкомом и утверждаться центром, но опять-таки без санкции сверху его сменять должно быть запрещено. То, что мы провели в законе 23 июня по отношению к трибуналу, то должно быть применено по отношению совнарсуда. Совнарсуд должен работать, как кассационная инстанция по гражданским делам, и, наконец, как суд первой инстанции! И здесь заседатели могут подбираться не по квалифицированному списку, неизвестно кем составленному, как в особых сессиях, а из председателей судов первой инстанции. Этим достаточно гарантируется квалифицированный состав, этим гарантируется, что этот состав будет так же жестоко расправляться с мелко-буржуазным окружением, будет пролетарским судом, который нам необходим. И если вы эту систему проведете, то я скажу, что трибунальная подсудность целиком тогда отойдет и нам не нужно будет строить параллельной системы исключительных судов, ибо они целиком и правильно будут рождены из единой системы судебных мест. Вот почему мне представляется, что вот такой совнарсуд явится тогда губернским центром, перед которым будут подотчетны: в порядке дисциплинарном, народные судьи, при которых великолепно будут работать нотариат и судебно-исполнительная часть, при котором будет работать адвокатура и им будет контролироваться, при нем будет прокуратура и не будет никакого места загубюсту. (Смех, аплодисменты) Вопрос, который стоит серьезно, это — вопрос, каким образом поставить эту систему особого исключительного суда. Здесь я должен сказать, что должны быть целиком сохранены те две формы трибунального производства, которые мы в нашей резолюции II-го съезда председателей ревтрибов признали необходимыми, форма развернутой и свернутой юстиции по степени тех процессуальных гарантий, которые даются обвиняемым. Мы знаем, что трибунал отличается не только суровостью мер, но также отличается правом недопущения представителей сторон, правом невызова свидетелей и т. д. Вот эти формы должны быть, в качестве форм пролетарской диктатуры, террора, сохранены. Но является вопрос, как строить дальше. Тут основной вопрос, по которому мне принципиально приходится оставаться в блестящем одиночестве среди работников Комиссариата Юстиции. Я строю таким образом и центр и говорю, что здесь должен существовать высший единый кассационный уголовный суд и этот высший единый кассационный уголовный суд назначается в своем составе Президиумом ВЦИК-а из работников, которые зарекомендовали себя стажем и работой на местах. Он делится на кассационное уголовное отделение для совнарсудов, как судов первой инстанции, и как орган надзора за кассационными решениями совнарсудов по протестам прокуратуры через Прокурора Республики. Это не кассационные жалобы, а протесты в порядке судебного контроля. Если прокурор губернский желает кассировать решение кассационной инстанции совнарсуда, он делает доклад, который проходит через Прокурора Республики, и только тогда он может быть внесен на предмет принципиального разяснения в высшем уголовном и кассационном суде. Третья функция этого высшего суда есть просмотр отчетности судебных мест, дисциплинарное производство против председателей губсовнарсуда и разре-

шение тех вопросов, которые угодно будет Прокурору Республики здесь предложить в связи с определенными вопросами, возникающими в судебной практике. При верховном уголовном суде должны быть его специфические отделения, которые все же необходимы, на что закрывать глаза нельзя, его военное отделение и военно-транспортное отделение, ибо эти отделения работают на фронтах. Мы против их создания в тылу, но на фронтах, где особая обстановка, они работать должны. Их система строения совершенно иная, поэтому строжайшая в этой области централизации их работы крайне необходима. Поэтому они идут по двум параллельным линиям, как два радиуса. Линия фронтовой политики—жестокая расправа во время военных действий и охрана транспорта по более суженной, сведенной к минимуму, по делам, угрожающим правильному действию железных дорог.

Что же остается тому, что называется сейчас Наркомюстом? Здесь целиком остается громадная область—с одной стороны, вся прокуратура должна безусловно возглавляться Наркомом, во-вторых, возбуждаемые вопросы относительно перемещения, отзыва и отвода председателей отдельных судебных мест, третья, громадная область—тюрьменно-исправительное дело, которое сохраняется за прокуратурой, и, наконец, законодательная работа, которая должна вестись в Наркомюсте, как в части государственного законодательного аппарата. Но та путаница, которая сейчас существует в Наркомюсте по вопросу о правах Наркома по надзору над судебными местами и административными его правами, при моей системе исключается. Вот та принципиальная линия, которая, я полагаю, должна быть принята. Если это слишком большая работа, ну, что же, большой работы мы никогда не боялись и бояться ее нет оснований. Наконец, отдельный вопрос о верхушке, как спорный вопрос, можно было бы сейчас отложить, но то, что я скажу в плоскости судебной реформы на местах, мне представляется в полной мере созревшим в настоящий момент.

Председатель. Товарищи Крыленко и Дьяконов приняли одну точку зрения, высказался тов. Крыленко, теперь дать ли слово тов. Дьяконову. Должен поставить в известность, что записавшихся 12 человек.

Дьяконов. По докладу моему есть подписи 20-ти товарищей, которые желают предоставить слово. Мой доклад отличается от доклада тов. Лунина. Если в общих чертах мой доклад сходится с докладом тов. Крыленко, то во многих местах он расходится с ним. Я считаю, что мне мое слово, как содокладчика, должно быть предоставлено.

Председатель. Я должен сообщить о поступившем заявлении по вопросу о судостроительстве, что товарищи Дьяконов и Крыленко стоят на одной точке зрения и предлагается, чтобы им был дан содоклад после тов. Лунина. Другая бумага поступила такого рода, где говорится о тезисах тов. Дьяконова, и просят дать слово. Так как вторая исключается первой, то мне кажется, остается поставить вопрос собранию. Предоставить ли второй содоклад тов. Дьяконову, или дать ему слово в общем порядке прений. Кто за предоставление самостоятельного содоклада? Кто против?—Очевидное большинство против.

Теперь нужно решить, будем ли мы придерживаться регламента. До перерыва у нас остается 5 минут. (Голоса: «Объявить перерыв»). Тогда дадим высказаться тов. Дьяконову 10 минут.

Дьяконов. Товарищи, я очень сожалею, что мое время будет чрезвычайно кратко, но должен, товарищи, сказать в утешение себе, что те основные положения, которые были выдвинуты в моей брошюре, вполне развиты тов. Крыленко, который стоит на единственно правильной, на единственно заслуживающей уважения и принятия точке зрения, что у нас должен как в центре, так и на местах существовать единый народный суд. Этот единый народный суд должен явиться тем краеугольным камнем, который должен лечь в основу всей нашей судебной системы. В этом отношении он дал убийственную критику докладу тов. Лунина и точке зрения Народного Комиссариата Юстиции, ибо такая разнокалиберность целого ряда судебных учреждений, самая разнообразная подсудность их приводит не только в центре, но, в особенности, на местах к полной дезорганизации судебной практики. Все это не может привести к высшему авторитету нашего народного суда. С этим, товарищи, нужно покончить совершенно и, в особенности, это пора в тот момент, когда мы переходим к системе новой экономической политики, когда основным базисом нашей внутренней политики мы ставим соблюдение максимума революционной законности. Здесь товарищи не останавливались на одном вопросе, по которому мы безусловно должны сказать веское слово и устранить какое бы то ни было применение наказания помимо суда. Мы должны в нашем постановлении вынести решение: наказание, как мера охраны общества от преступника, может быть вынесено исключительно судебным приговором. Никаких внесудебных приговоров быть не может и в этом отношении за органами ЧК, органами политической борьбы, ценными и необходимыми, ибо враг еще нас не перестал тревожить, мы должны оставить функции политического розыска, экономического розыска и функции пресечения преступлений как общеэкономических, так и политических. Как только дело сделано, оно должно переходить в суд, который должен решить окончательную судьбу того или другого преступника. Теперь, товарищи, я должен сказать, что если тов. Крыленко был прав в том отношении, что выдвинул систему единого народного суда, как в центре, так и на местах, в виду разнообразия судебных мест и судебных учреждений, то он был, товарищи, совершенно не прав и не последователен в дальнейшем развитии своей речи. Вышло, таким образом, что, в сущности говоря, он согласен пойти на компромисс и согласен признать название единого народного суда, но когда вы посмотрите на то, какие этот народный суд имеет еще суды и отделения, то придете к заключению, что при насуде имеется еще особый исключительный суд, заменяющий теперьшние губернские трибуналы. Кроме того, имеются еще железнодорожные трибуналы, водные трибуналы, те же самые различные ведомственные суды, которые меняют только название. Они возглавляются опять-таки теми ведомственными кассационными инстанциями в этой единой кассационной инстанции. При такой системе политика единая выдержана не будет совершенно. На одной и

той же территории, допустим, Самарской губернии пересекаются три важнейших пути сообщения—в Туркестан, Сибирь, в центр России и затем Волга с севера на юг. Там масса преступлений, связанных с железнодорожными и водными путями сообщения, и трудно установить подсудность—какие дела пойдут в железнодорожный трибунал или суд, какие в губернский местный суд или трибунал. Здесь будет происходить не только волокита, но постоянные споры, и совершенно различная политика будет находить свое оправдание, свою поддержку в верховной кассационной инстанции, которых будет чуть ли не три. Это приведет не к укреплению, а к ослаблению суда. Мы должны быть последовательными и стоять на системе единого народного суда. Если требуется для рассмотрения особых дел состав суда, так сказать, особо квалифицированный, политически особо выдержанный, может быть, наиболее сведущий, то этот путь особых сессий, который намечен практикой и намечен жизнью, необходимо, и должен быть сохранен. Особая сессия не нарушает собой принципа единого народного суда.

Вы, товарищи, прекрасно знаете, что эта особая сессия, если она не предусмотрена законом, то она закона не нарушает. Это тот же народный суд, только в интересах политики местная власть, губисполком, должен набрать соответствующих твердо-надежных заседателей, которые должны суд превратить в орган диктатуры пролетариата, в орган борьбы с мелко-буржуазной стихией, в орган защиты нашей Советской Республики.

Для чего иметь трибуналы, если народный суд будет иметь особые сессии? Если в данной территории имеются преступления, связанные с железнодорожными или водными путями сообщения, то мы можем выделить особую сессию по железнодорожным делам. Это нисколько не нарушает системы народного суда. Весь вопрос лишь в том, как будет подобрана сессия, какие заседатели войдут в этот народный суд, какой состав суда будет. Следовательно, товарищи, сохранение трибуналов, на котором тов. Крыленко здесь не настаивает, ибо он прекрасно понимает, что сохранение трибунала наряду с единым народным судом приведет к дезорганизации народного суда, ибо не может быть он авторитетным, когда существует такой суд, который может затребовать в любой момент от всех народных судов и отчетов, и изъятия какого-нибудь дела. Народный суд, при существовании такого конкурирующего как бы старшего суда, не будет в глазах власти органом диктатуры пролетариата. Если какое-нибудь лицо, обладающее большой властью, хочет придать своему учреждению особую авторитетность, оно подписывает на бумагах, что за нарушение подлежит суду революцион. трибунала, для того, чтобы утешить и напугать, а народный суд, это — ерунда, какой-то мировой суд, на который обращать внимания не следует. На самом деле, народный суд есть орган диктатуры пролетариата, если он до сих пор таковым не был, то мы должны добиться, чтобы он во что бы то ни стало таковым стал. Народный суд является защитником интересов трудящихся и другим быть не может, он не может быть каким-то институтом абсолютной справедливости и, следовательно, этот принцип должен быть проведен во что бы то ни стало,

ибо иногда рассмотрение гражданских дел будет иметь большое значение для отражения той опасности, которая грозит Советской Республике, а, следовательно, народный суд, в смысле защиты Советской Республики от этой опасности, будет иметь большее значение, чем рассмотрение в нем уголовных дел и больших преступлений.

Председатель. Ваше время истекло. (Голоса: «Просим, просим»). И голосую, кто за предоставление тов. Дьяконову 5 мин., прошу поднять руки. Большинство.

Дьяконов. Товарищи, теперь я скажу дальше. Если мы пойдем дальше за тов. Крыленко и создадим суд с так-называемым упрощенным судопроизводством, где не допускаются ни свидетели, ни обвинитель, ни защитник, мы должны сказать, что это совершенно невозможно и недопустимо, ибо мы переживаем такой момент, когда мы имеем возможность внимательно остановиться на каждом процессе. Свидетели, это есть одно из важных доказательств виновности или невиновности подсудимого. Очень часто показания свидетелей решают вопрос виновности, разве можно решить вопрос о виновности подсудимого и приговорить его к наказанию, не выслушав свидетелей, решить вопрос на основании бумажного производства. Разве можно не допустить в процесс обвинителя, как представителя государственной власти, которая считает необходимым осветить вопрос в интересах общественных? Разве можно лишить подсудимого защитника, ведь преступник, обвиняемый на суде, может быть, совершенно не преступник и после суда он может оказаться честным гражданином? Следовательно, защитник, как доказывающий невиновность подсудимого в том или другом деянии, в этом новом народном суде должен быть сохранен.

Теперь, товарищи, я должен сказать, что все народные суды отдельных губерний необходимо должны связаться единой кассационной инстанцией, ибо, если народный суд есть орган диктатуры пролетариата, есть орган нашей политической борьбы за интересы Советской Республики, то каждая губерния должна иметь единые руководящие принципы, которые она должна принимать во внимание при решении того или другого дела. У нас должна быть единая кассационная практика, исходящая из центра, обязательная для всех губерний. Эту форму единой кассационной инстанции, — не в той, конечно, форме, которая сейчас существует у Наркомюста, — я считаю неизбежной. Я не буду останавливаться на других вопросах организационного судостроительства, ибо они войдут в вопросы адвокатуры, прокуратуры и проч., скажу только, что в народные суды, в их борьбу с преступлениями, в их защиту общества от преступных элементов нужно вовлечь широкие крестьянские и рабочие массы. Должен быть сохранен и институт заседателей: на основании своей большой практики должен сказать, что участие активных заседателей, представителей трудящегося народа, связывает народные суды с населением и потому принцип народных заседателей должен быть сохранен во что бы то ни стало. Этот принцип должен пронизывать всю нашу судебную систему.

Председатель. Нам необходимо сейчас решить вопрос, как нам быть с 12-ю записавшимися ораторами. Переносим ли мы прения в секции,

или будем продолжать их в пленуме? Есть предложение после перерыва, т.-е. с 6 ч., предоставить возможность работать в пленуме по этому вопросу в течение одного часа, другое предложение—отвести этому вопросу два часа.

Лисицын. Товарищи, здесь высказано столько новых мыслей, что, несомненно, товарищи, как практики с мест, должны самым широким образом осветить вопрос судоустройства. Если мы передадим этот вопрос в секцию, основные положения товарища Крыленко не получат достаточного освещения. Я предлагаю отвести на прения в пленуме 2 часа, а затем только передать их в секцию, потому что у нас масса таких вопросов, которые в секциях решены бы, не могут.

Председатель. Таким образом, внесено 2 предложения. Первое предложение о том, чтобы перенести прения на один час, а другое—вести прения в течение двух часов по этому вопросу на вечернем заседании.

Орловский (Витебск). Я вношу предложение, что если обсуждать этот вопрос на пленуме, то обсуждать его до конца. Это центральный вопрос нашей работы и отделяться двумя часами смешно. Над ним надо подумать и уделить ему, может быть, несколько дней.

Председатель. Последнее предложение неприемлемо, ибо полагать, что это вопрос центральный и уделить ему несколько дней в ущерб остальным вопросам нашей работы недопустимо. Я ставлю остальные вопросы на голосование. Первое предложение—уделить из вечернего заседания один час по этому вопросу, а затем перенести его в секцию судоустройства и организационную. Второе предложение—уделить этому вопросу два часа. Кто за то, чтобы уделить один час, кто за то, чтобы уделить два часа? Итак, два часа из вечернего заседания посвящаются этому вопросу. (Объявляется перерыв.)

Вечернее заседание

27 января.

Продолжение прений о судоустройстве. — Доклад т. Крыленко о прокуратуре.—Содоклад т. Эстрина.

Председатель. Сейчас в порядке прений слово принадлежит тов. Вшивкову.

Вшивков. (Пермь): Сегодня в утреннем заседании было возбуждено несколько вопросов, которые будут, очевидно, принципиальными вопросами, вокруг которых разгорится спор до 8-ми часов вечера. Разрешите мне, товарищи, не пускаться в археологические давности, как это сделал докладчик Луниц по вопросу о судоустройстве, и предоставить это занятие тому, кто склонен к этому искусству и любит им заниматься. Я не буду останавливаться на мелочах, которыми оперировал тов. Луниц, по скажу только, что все положения, которые он выдвинул, не дают ничего нового, не открывают новых горизонтов и

перспектив, а являются повторением задов. Я полагаю, что повторение задов для нашего Всероссийского съезда не почтенное занятие, как и обучение элементарным понятиям о классовом и не классовом суде. Я полагаю, что основной вопрос—это вопрос поставленный тов. Крыленко. Я делегат из Пермской губернии и с тов. Крыленко не был знаком, но скажу, что все положения, которые он выдвинул, дебатировались у нас в Перми и мы пришли к тем же выводам, к каким пришел тов. Крыленко. Если мы оглянемся назад и проследим организационную работу, которая проделывалась Наркомюстом на местах, то мы увидим, что с первых времен был взят неправильный курс, тянувшийся в продолжение тяжелой революционной ломки, которая наблюдалась в последнее время: возьмите 21-й год и переход к новой экономической политике. Места были застигнуты врасплох и то же самое можно сказать про работников суда, которые не знали, как реагировать на это вначале, но, видимо, и Наркомюст был застигнут врасплох и не давал руководящих указаний на места. Но вот начинается горячая лихорадочная работа и, главным образом, в области, я бы сказал, установления особых сессий или дежурных камер, которые являлись незаконнорожденными детьми. Этот жалкий паллиатив, на мой взгляд, не разрешил определенных задач и не дал руководящих «директив» в тех условиях, в которые был поставлен судебный организационный аппарат. В этих условиях все-таки была увеличена канцелярская волокита и затяжка дел. Если революционный трибунал не признавал дело своей подсудности, то он передавал это дело в особую сессию, а та, признавая это дело не своим, передавала это дело в камеру ЧК. Таким образом, одно дело гуляло крайне долго, люди томились в тюрьме, а государственные органы ждали, когда будет разрешение дела и приходилось ждать целые месяцы. Это происходило потому, что дело скидывалось по разным камерам. Мне кажется, при проведении в жизнь начал революционной законности, при проведении в жизнь твердых устоев и кодекса, о котором говорил Николай Александрович, необходимо в корне произвести реорганизацию нашего судебного аппарата. Если мы так дальше будем продолжать, если мы так дальше будем вести нашу организационную работу, то безусловно ни о какой революционной законности речи быть не может и все судебные органы придется посадить на скамью подсудимых за волокиту. Волокиту можно устранить только упрощением нашего судебного аппарата, нужно придать ему гибкость, эластичность, чтобы он был бичем советского аппарата. На мой взгляд необходимо более резко и ярко выразить эту точку зрения. Мы, пермские работники, признаем, что существование камер при Ч. К. излишне. Особые сессии не достигают никакой цели. Чтобы устранить эти недостатки, необходимо произвести коренную ломку, нужно над всеми этими надстройками, являющимися излишним балластом в судебном организме, поставить крест, ибо время не терпит. Нужно создать единый губернский суд с административным и судебным присутствием, которое может подчинить трибунал и совнарсуд в один аппарат, предоставивши им те полномочия, которые теперь существуют. Без простого, элементарного, но крайне жизненного построения нам

не обойтись. Если кто будет возражать против данных положений, то безусловно не проработавши этот вопрос—и через год жизни заставит прийти к этому построению. Руководствуясь местным опытом, я заявляю, что средство тов. Лупина ничего не достигает. Он сделал открытие, что особые сессии приносят огромную пользу. Мы, местные работники, полагаем, что знаем лучшие средства к вовлечению населения в работу народного суда, и полагаем, что таким путем искусственного сращивания населения с нарсудом мы цели не достигнем. Нужно как можно скорее произвести кардинальную ломку судебного аппарата, дать ему гибкость, эластичность и простоту.

Лисицын. Товарищи, хотя тов. Крыленко предупредил, что его выступление будет неожиданным для тех работников, с которыми он до сих пор вел работу, т.-е. для трибунальчиков, но, несмотря на это предупреждение, его выступление было; действительно, неожиданно взорвавшейся миной и при взрыве на воздух полетело все, в том числе и сам т. Крыленко, потому что он взорвал трибунал. Товарищи, вспомним, что же до сих пор было. Если под влиянием взрыва этой мины я стану всматриваться, что там летит в воздухе, то я вижу программу Коммунистической партии, которая говорит о задачах народного суда и о задачах трибунала. Программа говорит, что наша задача — вовлечение трудящихся масс через суд в управление государством. Тов. Крыленко дал очень стройную, на первый взгляд, систему судоустройства, но я там не вижу участия трудящихся масс. По его тезисам в волостной народный суд заседатели будут назначаться уисполкомом, в губернский народный суд—губисполкомом... (Шум, возгласы). Я не успел прочесть тезисы, но прежней системы формирования через профсоюзы, через рабочие организации, мы здесь не видим; это чисто чиновничий принцип произвести формирование искусственно. Единства народного суда вы там не найдете, во всяком случае. Этого самого главного признака: формирования через определенные организации, там нет. Затем, разве программа Коммунистической партии говорит, что трибунал—это вечное учреждение? Она не говорит этого, но говорит, что на острый период гражданской войны нужен трибунал. Разве кончилась гражданская война? Можем мы сейчас перейти к системе нарсуда? Странно мне, работнику нарсуда, защищать трибунал от взрыва, который сделал тов. Крыленко. Я не против того, чтобы уменьшить количество трибуналов, но так решительно сделать переворот, который сделал тов. Крыленко, совершенно неприемлемо. Все разговоры об единстве, которые мы слышим, отдают некоторым либерализмом. Хорошо говорить: «Единый Народный Суд», а в действительности посмотрите, справится ли народный суд, если мы уничтожим трибунальский аппарат и вольем его в народный суд, справится ли он с задачами, которые, вообще, стоят перед судом. Я думаю, если подходить с государственной точки зрения, то эти проекты отзываются такими проектами, о которых на 9-м съезде тов. Ленин сказал, показывая на затылок: «эти проекты вот где у меня сидят». Дело не в том, чтобы переорганизовываться, а в том, чтобы подыскать хороший человеческий материал, с которым можно работать. Единый централизованный аппарат, а где же совет-

ская власть? Таким образом, нужно похоронить и нашу конституцию. В конституции написано, что во всех органах избираемые представители советской власти могут быть во всякое время отозваны органами трудящихся, органами советской власти. Значит, если мы будем строить стройную систему государственного аппарата со всеми фикциями несменяемости—в конце концов, тов. Крыленко не говорит, что в буржуазных странах существует полная несменяемость,—значит, аппарат будет централизованный, но будет он работать не в интересах трудящихся, а будет работать, как машина, которая будет работать только от тех толчков, что будет давать центр.

А что такое центр? Разве мы живем в такой период революции, что из центра можно все диктовать на протяжении всей Российской Федерации? Можно ли сочетать, например, шариатские суды, которые существуют в местностях с магометанским населением, с диктатурой из центра. Или действия Наркомюста Туркестанской республики? Все это говорит о том, что центрального судебного аппарата быть не может. Замок правосудия, который нам нарисовал тов. Крыленко, возглавляется сенатом. Статистические данные о работе Высшего Судебного Контроля Наркомюста показывают огромное число поступивших дел в полугодие. В этом судебном контроле работает два-три человека, а сколько работало в сенате, сколько «стариков» сидело в сенатских креслах? Вероятно десятки человек. Значит, в наших условиях немислимо этот замок воздвигать. Обратимся к практике, действительной практике. Я должен сказать про практику Верховного Трибунала, в чем она выражается. Да выражается в том, что Верховный Трибунал загружен работой, он так загружен работой, что не выдерживает этой массы кассационных жалоб, которые к нему поступают. Мы видим, в конце концов, что жалобы эти не рассматриваются в течение нескольких месяцев. Значит ясно, что никакой централизованный аппарат не выдержит. Товарищи, если строить здание, его нужно строить с первоначальной ячейки. Тогда мы подходим к мысли, можем ли мы изменить чтонибудь, что уже проводится в течение 4 лет. Можем ли мы отступить от списка заседателей? Не можем. Можем ли отступить от существования трибунала? Единый народный суд очень слабый, до сего времени скорее он работал в бытовых делах, а не в политической области. И ясно, что мы в этом отношении ничего из системы строительства суда пока не можем изменить. Единство народного суда заключается не в том, что мы будем перетряхивать назначение губернского народного суда отсюда, что председателя уездного суда будет назначать губисполком, волостного, я не знаю кто. Мы отходим от испытанного строительства и переходим по тезисам тов. Крыленко к какой-то смешанной системе. Он своей миной взорвал на воздух и все наши прежние принципы работы трудящихся в народных судах, но взорвал на воздух и свою собственную деятельность в трибунале. В конце концов, тов. Крыленко вчера выступает против самарцев, что они повернули руль при новой экономической политике в другую сторону. Сегодня он подает руку тем же самарцам. В нашей системе высшая мера наказания—разве она есть мера наказания? Это есть террор. Если

функции ЧК будут сужены, если все будет основано на судебном приговоре—без трибунала—можно ли проводить террор? Нельзя, товарищи. Тогда народный суд будет проводить высшую меру наказания. Это мы отрицаем. Тогда губернский суд будет иметь это право, а волостной не имеет. Но мы имеем единство судопроизводства, а поэтому очевидно эта мера будет применяться и волостными судами. Следовательно, со старыми взглядами на нормальную юстицию, на чрезвычайную юстицию, мы порываем. Прежде чем идти и взрывать мину под существующее здание, нужно подумать, что можно вместо этого здания построить. Не получим ли мы из тех кирпичей, которые останутся от взрыва, машину, которая будет работать не в интересах рабочих и крестьян. Тов. Крыленко, как художник, нарисовал мазками, углем структуру этого воздушного здания правосудия, по его мнению, но когда он станет рисовать детали, он скажет: действительно, технически это почти невыполнимо, но он говорит, а мы о технике не будем здесь спорить. Как раз вопросы техники заключаются не в том, чтобы проектировать, а чтобы найти людей, которые будут это проводить. Дело в том, что Наркомюсту дают 15 тыс. пайков. Это практическая действительность. Как вы из этой практической действительности выйдете, когда будете строить здание по примеру прошлого аппарата «правосудия». Теперь устанавливаются тов. Крыленко волостные народные суды, уездные народные суды, губернские народные суды и, в конце концов, сенат. Что это, что-нибудь новое? Здесь товарищи говорили, что тов. Лушиничего не сказал нового, он все повторял зады. К сожалению, мы и зады плохо знаем. Я думаю, что если хотите строить по государственному, то нужно опираться на существующий аппарат, на то, что уже проверено опытом, а не создавать нового.

Панкратов. (Орловская губерния). Товарищи, мы здесь говорим, что у нас есть единый народный суд. Получился не единый народный суд, получились надстройки: трибунал, особая сессия. Теперь давайте посмотрим, чем это вызвано. Вызвано это разными обстоятельствами: трибунал вызван гражданской войной и он был нам нужен. Трибунал оправдал себя. Особая сессия вызвана другими обстоятельствами и не проявила себя в работе своей столько, чтобы можно было оценить ее работу. И вот все эти обстоятельства разбили единый суд на несколько пристроек. Теперь значение трибунала всем известно, трибунал себя оправдал. Нужен был трибунал, как орган боевой, орган необходимый в период гражданской войны. И на него обращали больше внимания, чем на народный суд, который занимался мелкими делами. Трибунал активно участвовал в гражданской войне, защищал интересы трудящихся.

Следовательно, трибуналы окрепли, поставлены на должную высоту и пользуются авторитетом. Что представлял из себя народный суд? Он представлял из себя пустое место, ни больше, ни меньше. Потому что народный суд был, во-первых, заброшен, стоял на заднем плане и в народный суд шли такие люди, которые, может-быть, даже не пригодны, но там мало разбирали людей, которые шли туда: было занято место и ладно. Дальше, если кто-нибудь будет думать, что на-

родный суд не мог бы справиться с теми задачами, которые сейчас в большей части выполняет трибунал, то я скажу, что он может справиться. Но отчего он не справлялся. Корень зла кроется в том, что мы создаем все ударное, потому что та система суда, которая была построена, не укомплектована соответственным кадром работников, которых можно любую половину выбросить, поэтому народный суд не может оправдать своих заданий. Подсудность трибуналу — это развилось до того, что трибунал имел право изымать из суда любое дело, суд — мало того, что был слаб, — он еще стал терять свой авторитет. Кто судом только не понукал? Трибунал брал в свое производство всевозможные мелкие дела. В последнее время, я скажу это из собственной практики, какой авторитет был у трибунала. Если мы возьмем дела о продналоге, то каждый из вас, наблюдавший за жизнью суда, сразу может заметить, какое отношение к себе имел в деревне трибунал. Дальше тов. докладчик говорил об упрощении судебного аппарата. На самом деле мы должны этот аппарат не упростить, а сделать его гибким, жизненным, а мы видим, что делается разного рода надстройки, работать же будет некому. Что касается кассационной инстанции, то я думаю, что кассационная инстанция необходима единая, поскольку мы подходим к кодексу. Откуда же будет создаваться полный кодекс. Откуда Наркомост может взять материалы для составления полного кодекса, мы лично прислали ему материала очень мало, значит Наркомост оторван от мест и не имеет в своем распоряжении материала для составления гражданского и уголовного кодекса. Если мы, действительно, подходим к составлению кодекса, то для этого необходим жизненный материал, который может быть почерпнут только с мест. На самом деле мы видим, что по губерниям опять настраиваются инстанции, которые уже будут не кассационными, а апелляционными, т.-е. которые разбирают дело по существу. Относительно революционной законности товарищ Лукин говорил, что это будет проводиться на местах путем выездов. Я не представляю себе точно, но мне думается, что путем выезда вряд ли суд может это проводить. Мы знаем, что отдел юстиции смотрел за революционной законностью, но на деле никаких результатов не получилось. Тов. Крыленко сказал, что судам должна быть предоставлена полная инициатива, что суды могут вмешиваться во все. Если такую вещь допускать и вместе с тем, если суд не будет на должной высоте, то вмешательство его может быть неправильным и тогда на местах произойдет целая буча. Теперь относительно несменяемости. Мы знаем, что у нас есть несменяемость заведующих отделами юстиции — что сделал НКЮ: он провел декрет, но это вернее не декрет, а просто пожелание. Ведь, по существу, и председатель трибунала несменяем, но если захочет губком или исполком, то он всегда может сменить председателя.

Юдин (Смол. г.). Т.т.! Не надо бояться повторений, пусть каждый, кто сможет сказать что-нибудь новое, все-таки выскажется по этому важному вопросу. Ясно, что здесь борются две точки зрения: одни в лице докладчика Лукина говорят, что на Шипке все спокойно, другие во главе с тов. Крыленко бьют тревогу и говорят, что надо взяться за коренную

реорганизацию нашего аппарата. Но самый интересный вопрос, это — вопрос о народных судах. Тов. Крыленко говорит против единой идеи народного суда. Какую же идею докладчик вкладывает в идею народного суда? Он говорит, что нет волостных судов, нет департаментов и сената, нет разделений на сословия. Так ли это на самом деле? Конечно, нет, и докладчик сам себе возражает, что мы не можем вручить народному суду все то, что мы должны были бы вручить ему. Поэтому мы и создаем надстройку над народным судом. Прежде всего, мы должны посмотреть, равны ли все перед судом. Конечно, нет: постольку, поскольку этот суд строится в революционной обстановке, этот суд классовый, разбирая преступное деяние того или другого лица, необходимо считается с его классовым положением, т.-е., если под суд попадает пролетарий, мы к нему относимся совершенно иначе, чем если бы это был буржуа. Значит, та идея, которую вкладывает докладчик Лунин в свой доклад, лишена всякого содержания. Поскольку мы будем ставить точки над и, мы должны прямо сказать докладчику: давайте построим этот суд так, как он должен соответствовать требованиям момента. Особые сессии являются совершенно ненужными, излишними надстройками. Это уже нам показала практика: подчас, когда мы запрашивали их, — есть ли у них приговоры по общественным, политическим делам, они отвечали, что нет, и мы знаем, что, действительно, они разбирают всякие мелочи. Они либо не могут понять, что значит общественное политическое дело, либо таких дел в особых сессиях почти нет. Ясное дело, что такая надстройка существовать не должна. Прав тов. Крыленко, когда предлагает стройную организацию. Мы не сговаривались с Крыленко и пришли к тому же выводу. Революционные трибуналы имеют право на существование, как органы исключительные, как органы, которым дана в руки такая мера репрессии, как расстрел. И поскольку такая мера им не будет дана, они не должны существовать. Прав т. Крыленко, когда говорит, что должна быть организована единая судебная инстанция и к ней должны отойти все те отделы трибунала, которые не владеют мерой репрессии в виде расстрела. Кассационная инстанция по самому существу своему имеет право на существование тогда, когда она едина. Иначе она лишена смысла. Теперь с переходом к кодексу мы должны создать такую кассационную инстанцию, которая одинаково толковала бы этот кодекс по всей территории России. Ясное дело, что совнарсуд, как кассационная инстанция, не должен существовать. Должна быть в центре единая кассационная инстанция. Теперь возникает в связи с новой экономической политикой целый ряд гражданских дел, которые будут в значительной степени решать важные вопросы нашей экономической политики, и мы народному суду не доверяем, а создаем новые сессии по гражданским делам. Если вы хотите стоять на революционной точке зрения, то по гражданским делам вы можете не допустить заседателей. Вы можете рассматривать дела без заседателей. Вы говорите: позвольте, тогда будет нарушен тот принцип, что должно трудовые элементы приучить к суду. Дело не в том, чтобы приучить трудовые элементы к суду, а в том, чтобы приучить их к хорошему суду. Судебные работники Советской Республики являются работниками той власти, которая, как

марксистская власть, реальна. Она не боится делать скачки назад, как пантера, чтобы сделать новое нападение вперед, и в этом вопросе Крыленко выражает эту точку зрения. Пусть это будет скачек к старому суду, но не уподобимся мы купчихе Островского, которая боялась двух слов: жупел и металл. Прав тов. Ленин, когда сказал, что в настоящее время держаться цепко за старые принципы начала революции—это значит быть наименее революционными. Здесь было выражено, что нам не хватает людей, не хватает пайков—такая точка зрения для работников съезда неприемлема. Мы не должны исходить из точки зрения пайка, мы должны исходить из того, как правильно построить наш народный и подлинный классовый суд.

Смирнов (Москва). Я, т.т., остановлюсь одну минуту на словах последнего товарища, который приводил московскую купчиху. Перед ним выступал целый ряд товарищей, которые возражали тов. Лунину, что он старые вещи откопал. Разрешите выдержать до конца ту мысль, что мы должны, как марксисты, всегда реально учитывать все, что есть налицо. Я не знаю, почему т. Дьяконов и т. Крыленко сошлись под общим содокладом. Точки зрения т. Дьяконова и т. Крыленко абсолютно противоречивы. Я не знаю, где они сходятся. Правда, может-быть, они сошлись на ликвидации трибунала. Но я понимаю т. Дьяконова. Он по-моему, здесь доводит свою мысль до конца, когда говорит, что надо ликвидировать трибуналы, передать все дела в народный суд и никаких особых судов. В своей брошюре он проводит вместо карательной политики воспитательную политику. Но я, товарищи, не понимаю т. Крыленко. Я, товарищи, старый трибунальщик, 4 года в трибунале сидел, и не могу здесь осмыслить, в чем дело. Почему Крыленко подвел мину под собственное здание? Т. Крыленко сегодняшний день задал такого перца, что, может-быть, целый ряд ответственных товарищей, которые здесь сидят, и те не очувствуются. Я вам открою вторую Америку,—говорит он. И начинает открывать: уничтожить трибунал. (Крыленко: «Ничего подобного»). Дорогой тов. Крыленко, надо немного поосторожней на поворотах. Здесь упрекают докладчика надстройкой. Один из товарищей говорит,—давайте новое, ничего не хочу старого. Новость—хорошая штука, но нужно при всякой новости учитывать, проверить, посмотреть, на чем ты стоишь, и главное, проверить, что делаешь и в каких объективных условиях. Тогда можно говорить о новом. Мы, работники с мест, сейчас скромного хотим, что хотим? Вы помните, что у нас было несколько ведомственных судебных аппаратов, а теперь мы задаемся мыслью создать два судебных аппарата, пока что, т.е. оставить трибунал, потому что он нам нужен и в теперешних наших объективных условиях момента его оставить надо, и при этом единый народный суд. Пусть он будет с маленькой надстройкой, это не беда, это не несчастье, а это сведется к тому, что мы вылезаем из того положения, в которое вошли в продолжение 4-летней гражданской войны, и, может-быть, пройдет полгодика или годик и мы скажем, что особые сессии теперь, когда мы подсчитали свои силы по губерниям и проверили каждого персонально в отдельности, когда мы подобрали кадр политически-грамотных работников,—особые сессии нам не нужны. И

вот, когда мы скажем, что нам особые сессии не нужны, мы поднимем народный суд на ту высоту, на которой он должен стоять. Мы поднимем его, ибо все обстоятельства и все условия говорят за то, что надо поднять народный суд и мы поднимем, ибо партийные и центральные органы советской юстиции идут нам навстречу и мы с их помощью сделаем это и придем к выводу, что особые сессии не нужны. Может-быть, наступит время, когда мы скажем, что революционные трибуналы, как политические органы чрезвычайной репрессии сделали блестящую работу, но время идет и в них тоже миновала надобность. Но сейчас не надо тут, на 4-м Всероссийском съезде деятелей юстиции, кричать о новом, надо чуть-чуть, мелкими шагами, направляться по тому твердому решительному пути, который лежит перед нами, и только на 5 съезде сказать: да здравствует Единый Народный Суд, без всяких чрезвычайных политических органов, ибо к 5-му Вс. съезду Единый Народный Суд настолько окрепнет, настолько хорошо будет подобран кадр политических работников, что не будет никакой необходимости в революционном трибунале, а теперь он нужен. Я, как практик революционного трибунала, говорю, что сейчас без него нельзя. Тов. Крыленко говорит, что надо слить народный суд с революционным трибуналом, иначе не будет соблюдена сама система единого народного суда, или тот идеал, который мы провозгласили под лозунгом Единый Народный Суд. Товарищи скажут, что здесь будет путаница, нет, путаницы не будет. Мы в секции скажем, что трибуналу отводится такое-то поле деятельности. Особая сессия при совнарсуде необходима по многим основаниям. Я кончаю, мне хотелось бы развить дальше мысль, но я принужден кончить из-за экономии времени, и я ограничусь теми соображениями, которые я высказал, т.-е. существование особой сессии абсолютно не вредит практике народного суда. Существование особой сессии необходимо так же, как теперь необходим революционный трибунал. Я думаю, что тов. Крыленко поторопился и впопыхах подошел к разрешению этого вопроса. Может-быть, тов. Крыленко, как универсалист, будет по любому вопросу экспромтом выступать в данной аудитории, но надо посерьезнее отнестись к этому вопросу. Давайте, т.т., пойдем мелкими шажками, не торопясь, к новому и давайте, по возможности, совершать меньше ошибок, которые были нам присущи в эти 4 года. Давайте скажем на сегодняшнем съезде, что должно быть два судебных органа, это—единый народный суд и революционный трибунал, а остальное все отбрасывается.

Славин (Наркомюст). Т.т., когда были организованы особые сессии по уголовным делам, то было указано, что туда передаются наиболее важные дела из ЧК и из трибунала, в то время, когда не могло быть и речи об упразднении трибунала. Было естественно, что эти особые сессии будут тем местом, куда попадут наиболее важные дела. Теперь тов. Крыленко на нашем настоящем съезде, на 4-м съезде, но вернее на 1-м, потому что теперь собрались вместе деятели трибунала и народные судьи, он на этом первом съезде протянул руку народным судьям и сказал, что мы можем теперь передать в особые сессии все дела революционного трибунала, кроме военных и транспортных. И он говорит, что

он за единый народный суд. Что же могут ответить на это деятели Народного Суда? Могут ли они пожать руку и сказать, что мы приветствуем признание народных судов? Может-быть, это предложение сделано тов. Крыленко не от всех представителей трибуналов, которые имеются на с'езде, но мы все же можем считать знаменательным такое выступление. Здесь возникает дальше вопрос, более существенный, — не такой: как появилась особая сессия, законодательным порядком или не законодательным порядком, это вопрос не существенный — а существенно то, что предлагает тов. Крыленко, т.-е. узаконение такого порядка, когда все дела передаются сессии, и здесь возникает другой серьезный вопрос, можно ли, действительно, установить единую кассационную инстанцию. Можно ли для всех дел это установить? К величайшему сожалению, на этот вопрос приходится ответить отрицательно, — отрицательно хотя бы по тем техническим затруднениям, о которых упоминал тов. Крыленко. Нельзя, чтобы какой-нибудь народный суд в Иркутске или в другой отдаленной местности вынес приговор, а дальнейшей кассационной инстанцией для него служила бы Москва. В Харькове на Всеукраинском с'езде возникали сомнения даже по вопросу об упразднении районных советов народных судей, которые до недавнего времени там существовали. Тем более, если не будет промежуточного звена между первой инстанцией на месте и кассационной в центре. Тогда можно сказать, не своевременна ли апелляционная инстанция? Если я возбудил этот вопрос, то не для того, чтобы сказать, что нужна апелляционная инстанция, а для того, чтобы сказать, что наукой она уже давно отвергнута, и, следовательно, не приходится говорить о сохранении ее. Она уничтожена и возвращаться к ней мы не будем. Таким образом, вопрос, который кажется как-будто только техническим, на самом деле является чрезвычайно серьезным, но, может-быть, мы не будем опасаться слов, может-быть, мы возьмем конструкцию, которая раньше существовала. Пусть совнарсуд будет своего рода губернским присутствием, которое было для дел более мелкой подсудности, а более крупные дела, те, что ныне сосредоточены в особых сессиях по уголовным и гражданским делам, пусть они имеют единую кассационную инстанцию. И тогда эти дела вместе с делами, которые перешли из трибунала в особые сессии, составят эту кассационную единую инстанцию. В этой плоскости вопрос представляет большой интерес, потому что упраздняет губсовнарсуд. Для всех народных судов установить единую кассационную инстанцию является совершенно невозможным. (Возгласы: «Никто этого не говорил»). Мне указывают, что никто не предлагает установить такую инстанцию, но естественно, что когда говорят об единой кассационной инстанции в центре, значит, других промежуточных инстанций нет, а если нет, то нужно предусмотреть все технические затруднения, которые могут произойти. Тогда возникает вопрос о деятельности Высшего Судебного Контроля. Деятельность Высшего Судебного Контроля в настоящем виде страдает известными дефектами в том смысле, что он не представляет собою судебного места, а административное. Следовательно, является вопрос о корректировании его. До настоящего времени судебная практика еще не выработала тех

форм, которые могут повлечь отмену приговора в кассационном порядке и порядке надзора. Это очень трудно распознать и судебный контроль явился бы инстанцией высшей, кассационной для ударной подсудности и в то же время должен играть роль Высшего Судебного Контроля для дел обычной подсудности судов. Вот коррективы, которые можно было бы внести. Это дало бы возможность сохранения совнарсудов и создания единой кассационной инстанции для судов, которые образовались бы от слияния трибуналов и нынешних особых сессий.

Черлунчакевич (член Коллегии Н. К. Ю.). Не затем я беру слово, чтобы доказать, что на Шипке все спокойно. Мы видим наши недостатки и в то же время мы не можем не удивляться, когда товарищи, работающие в центре, не хотят видеть причин, которые мешали нашей работе, в виде военных действий, когда были очередные задачи, более значительные, чем строительство судов, когда нам не давали и не могли давать людей, потому что Республике нужны были люди для более важного дела, ибо в доме пожар, и когда горело, то не до обстановки в доме было тогда. Этого товарищи не хотят учесть. Нужно подойти к вопросу объективно. Для того, чтобы провести через Президиум ВЦИК'a декрет об усилении органов юстиции, для этого нужен был ряд настоячивых обращений в высший наш законодательный орган. Для того, чтобы сейчас оказалось возможным поставить вплотную вопрос о революционной законности, потребовалось изменение обстановки, и это изменение обстановки стал учитывать Комиссариат Юстиции в направлении внимания центра к органам суда. Никто другой, как Комиссариат Юстиции, сконструировал этот съезд, где впервые мы видим все 5 категорий работников, которые доселе были разобщены. Разве товарищи не понимают, что введение судебного приказа по проекту Уголовного Кодекса будет ударом по всей администр. внесудебной практике? Мы не словами боремся, а делом. Нужно подойти к делу объективно. Когда говорят, что не существует единой направляющей линии, то это неверно, ибо этой направляющей линией признан был Отдел Высшего Судебного Контроля. Но если мы не в каждый совнарсуд в состоянии послать своего представителя ревизора-инструктора, то это потому, что мы знаем положение мест и знаем, что мы не можем отрывать людей от их работы, а случайных людей мы не желаем брать. Мы подбираем партийных, испытанных работников, которые проводят колоссальную работу. Высказанное здесь непонимание этого заставляет нас привести цифры о работе, произведенной всего 5—6 работниками В. С. К. В этом органе за неполный 1921 год рассмотрено 4.441 дело по таким жалобам, как:

1. Жалобы на вошедшие в законную силу приговоры и решения нар. судов: по уголовным делам	852
по гражданским делам	484
2. Жалобы на приговоры трибуналов, в том числе по вопросам о применении амнистии	587
3. Жалобы на постановления Ч. К.	935
4. Жалобы на действия других административных органов (реквизиции, конфискации, превышение компетенции)	132

5. Жалобы на неправильное применение амнистии и ходатайства о помиловании	931
6. Расследование неправильных действий и злоупотреблений местной власти	53
7. О пересмотре дел по инициативе партийных организаций	39
8. Прочие вопросы, как-то: а) разъяснения по запросам, б) наблюдение за законностью лишения свободы, в) направление по подсудности поступающих в Н. К. Ю. следственных и судебных дел, г) ревизии судебных органов, д) жалобы на действия судей и следователей при производстве дел, е) визи-рование документов лиц, выбывающих за границу, ж) разнообразные вопросы, не укладываемые в рамки других отделов Н. К. Ю., но передаваемые в Отдел Судебного Контроля	428

Ведь, т.т., это же работа, которую мы не рекламируем, но которая имела определенные результаты. И если нам в ответ говорят, что нужно перестроить аппарат, чтобы существовал единый народный суд, то неужели вы достигнете этого при тех судах, о которых говорит тов. Крыленко. Уездные суды, городские суды, губернские суды и затем, как надстройка над всем—правительствующий сенат, ибо ничем иным, как сенатом будет та инстанция, о которой он говорит. Если даже один надзор будет осуществлять эта инстанция, то и в этом случае она не справится, но она должна быть кассационной инстанцией для губернских судов и особых сессий. Это называется единством, когда особые сессии будут состоять из постоянных судей, вместо заседателей из ударных списков. Мы считаем необходимым, чтобы народные суды и судьи, особенно не очинивничались, не бюрократизировались, чтобы они пополнялись новыми элементами, чтобы в них не притуплялась восприимчивость, которая необходима для народного суда. Наш принцип привлечения народных заседателей, изложенный в инструкции о составлении списков народных заседателей, напечатанной в 100-м номере «Узаконений» за 1920 год, есть величайшее достижение и так легко от этого отмахиваться нельзя. Переводить Народный Комиссариат Юстиции в орган назначающий, перемещающий судей невозможно. Таким образом, то, что предлагает тов. Крыленко, не есть единство суда, единство системы, то, что он предлагает, есть попытка перенести построение, которое он осуществлял в отношении трибуналов, на строительство народного суда. Попытка, конечно, явно не достигающая цели, явно обреченная на неудачу при отсутствии подготовленных работников. Мы поставили на очередь вопрос о систематическом обучении судей, чтобы достигнуть более высокого уровня своего персонала, это будет тем реальным практическим делом, о котором говорил тов. Смирнов. Этот вопрос требует серьезного подхода, а не митингового.

Председатель. Поступило предложение о прекращении прений, давать ли слово за и против?

С места: Мы начали нашу работу не в 6, а в половине 7-го.

Председатель. Т.т., кто за то, чтобы дать высказаться за и против прекращения прений? Кто за то, чтобы не давать? Больше.

Крыленко. — Товарищи, из всех тех упреков, которые были здесь брошены против тех тезисов, которые я выставил, самым большим для меня является упрек в том, что я подошел к этому вопросу не серьезно, с кондачка, по-митинговому. Но сказать, это еще не значит доказать, но поскольку это сказано, постольку придется с этим считаться. Что касается всех остальных упреков, то я их оставлю в стороне и скажу только пару слов по поводу остроты о той знаменитой мине, от которой, якобы, все полетело вверх тормашками. Если мое выступление явилось неожиданностью для деятелей Наркомюста, то это еще не значит, что моя мина оказалась таковой именно для деятелей с мест, и многие т-щи, именно из Смоленска и из Перми, говорили, что они на практике пришли к тем же выводам, что и я, пришли к установлению тех же тезисов. Значит, это оказалось миной только для работников центральных учреждений, которые во-время ее не усмотрели. Что касается вопроса о том недоразумении, которое заставило выступить тов. Смирнова, что, якобы, я предлагаю ликвидацию трибуналов, то я предлагаю вам одно из двух: трибунальная система строилась сепаратно, совершенно независимо от судебных мест. Я скажу, если ставить вопрос об объединении нашей судебной системы, то единственно мыслимый путь к этому объединению, это — путь, который я предлагал. Если на эту точку зрения не становиться, то со всей силой авторитета, который я могу иметь в центральных советских учреждениях, я буду отстаивать теперешнюю трибунальную систему от тех посягательств, которые кое-кем делаются, и чтобы не допустить в отношении трибуналов тех неуместных выпадов, которые печатались в «Еженедельнике Юстиции». Поэтому я ставлю сейчас вопрос принципиально так: хотите или не хотите вы серьезно подойти к вопросу о том, как должна быть построена единая судебная система?

Смирнов. — А вы как думаете, как она должна быть построена?

Крыленко. — Я сказал об этом уже. Но в чем же тут утопизм, о котором здесь говорили? Почему то, что я говорил, — музыка будущего? Кто же будет определять, когда настало уже время для реформы, а когда нет. Таким образом подходить к этому вопросу нельзя. Мы должны спросить себя: существуют ли дефекты в действующей системе или нет? Безусловно существуют и если я предлагаю определенную реформу путем законодательного рассмотрения этого вопроса, то я не понимаю, что тут митингового, где тут подхождение с кондачка? Вотум с'езда должен сказать, что именно в этом направлении должна быть произведена эта работа. Или деловым подходом вы называете, что мы маленькими шажками по-черепаши, как видно хочет работать в совнарсуде тов. Смирнов, будем подходить к разрешению этих крупнейших вопросов. Вопрос надо ставить деловым образом. Я повторяю, что мыслю себе следующую систему: первая инстанция — народный суд в составе 2-х заседателей и народного судьи, мне говорят на это, что я туда посадил мелко-буржуазного представителя. Ну что же, если вы не согласны,

внесите поправку, чтобы мелко-буржуазный представитель туда не по-
пал. Если я в своих тезисах, будучи недостаточно знаком с теперешней
структурой народных судов, сделал ошибку, то, ведь, можно внести по-
правку, но разве это колеблет хоть сколько-нибудь основной принцип.
Если 2-й формой является суд из 6 заседателей, разве это нарушает
единство системы, здесь противоречия нет, нужно только постараться,
чтобы из этих судебных работников, уже искушенных в горниле судей-
ской работы, действительно формировался тот состав, который вместе
с председателем совнарсуда формирует особую форму суда, необходи-
мую нам, как орудие диктатуры, взамен действующих сейчас трибу-
налов. Вы говорите, восприимчивость от этого пострадает. Какая вос-
приимчивость, отчего восприимчивость? Если это испытанный работник,
каждый день работающий в горниле судебной работы, то спрашивается,
почему он не будет тем квалифицированным судьей, который необходим
для работы этих особых ударных сессий, этих особых исключительных
судов, которые будут вводиться в систему единого народного суда, ко-
торые по принципу председательства, по очереди будут призываться для
разбора этих дел. Переходим теперь к вопросу о кассационной инстан-
ции. Тов. Славин слушал и не слышал. Я говорил, что только для этих
судов существует единая высшая инстанция, как кассационная ин-
станция; для остальных дел суда она является кассационной инстанцией
только по тем делам, которые восходят туда только в порядке протес-
та прокуратуры, восходят в законом установленном порядке и эти ее
решения являются уже обязательными для всех судов. Вот что я пред-
лагаю. Говорят, что я стремлюсь создать сенат, а другие говорят, что
вы хотите посадить туда стариков. Почему стариков? Только потому,
что сенат происходит от слова «сенекс» — старик. (Аплодисменты). Мы-
слимо ли это объективно? Насколько трудно это осуществить? — это дру-
гой вопрос. Говорят, людей нет. Это — старый аргумент. Когда мы спо-
рили с Дзержинским в 19-м году, то основной аргумент, который вы-
двигался им против меня, это тот, что не система В. Ч. К. плоха, а
людей нет. Дайте нам хороших работников, — говорил Дзержинский, — а
я говорю — нет, система родит людей и люди в определенной системе
действуют соответственно системе. (Аплодисменты). И когда мы сей-
час берем любого председателя выездной сессии какого-нибудь Кубан-
ского или Черноморского трибунала, то надо сказать, что там есть то-
варищи, которые ерунду выносят, мы спрашиваем, кто их учил; все-таки
эти товарищи знают, что по каждому делу на них есть контроль, есть
указания, они в этой работе воспитываются и я скажу, что любой из
наших председателей сейчас после года работы работник, такой, кото-
рым мы вправе гордиться. Поэтому я и говорю; что при правильно по-
ставленной системе люди будут. И здесь одно предлагаю. Я не пред-
лагаю здесь ни разрушать, ни взрывать, ни болтаться вверх ногами. Я
предлагаю съезду высказаться, считает ли съезд необходимой реформу в
таком-то направлении. Секция может детально обсудить тезисы и этим
дать материал для высшего законодательного учреждения — для апрель-
ской сессии ВЦИК'а.

Лунин. Т.т., совершенно неожиданно доклад о судоустройстве приобрел исключительно интересный характер, благодаря тому обстоятельству, что тов. Крыленко, может-быть, это не совсем входит в порядок прений, что я сейчас хочу сказать, ибо в прениях отвечают на то, что здесь говорят, но тов. Крыленко мне по дороге сказал, что его предложение было фугасом очень эффективным. Фугас, совершенно верно, по давайте подойдем, т.т., к вопросу с точки зрения тех объективных условий, о которых я говорил в начале своего доклада, я ждал возражений с мест, тех возражений, которые должны были дать места по основному нашему принципу,—взвесить, подытожить опыты нашей работы. Этого не было сделано. Что сказали представители с мест? Тов. Вшивков заявил—это зады. Это, говорит,—все старое. Нам подай новое, такое новое, чего до сих пор не было. Не для этого, товарищи, собирается съезд. Имейте в виду, что наш принцип подытожить работу, а потом говорить о новом. Тов. Вшивков указывает, что я создаю канцелярскую волокиту. Где она, в чем? Я говорю, что нужно в целях приближения народного суда к населению, к моменту совершения преступления, необходимо суд разгрузить от тех дел, которых он разрешить не может, и создать суд таким образом, чтобы он быстро реагировал на все преступления. Это основной момент. Он говорит, что камеру при Ч. К. нужно уничтожить. Но камеры ударные необходимы. Это говорит опыт. От этого мы не можем отказаться. А вы, товарищи, вы дали итог своей работы? Нет, вы ничего не сказали. Вы сказали—дайте новое, а старое мы знаем. Нет, мы не знаем, что у нас делается. Далее он говорит, что в моей конструкции нет гибкости, нет эластичности. Как-раз в моей конструкции есть и гибкость и эластичность. Дальше он заявляет, что пужен единый губ. нар. суд. А что это такое единый губернский народный суд? Вы вложили в него конкретное содержание? Другой товарищ сказал, что это окружный суд. Ах, так? И это вы называете приближением народного суда к населению? Вы говорите, что нам необходим единый народный окружный суд, который будет обладать широчайшей подсудностью. И вы это называете приближением суда к населению. Нет, я говорю, что необходимо выделить особые дела и передать их особой сессии. Это есть принцип приближения суда к населению. Тов. Вшивков не указал ничего конкретного. Тов. Юдин говорил об окружном суде и сказал, что необходима единая кассационная инстанция. Ехать из Сибири в Москву в кассационную инстанцию—это не приближение, а отдаление суда от населения, это—построение чиновничьего аппарата, отдаленного от пролетариата. Так вопросов ставить нельзя. Мы должны считаться с нашим опытом. Основного положения здесь никто не разбил. Возражал-ли кто-нибудь против того, что нам нужны суды высшей подсудности? Нет. И никто не мог возражать. Кто-нибудь сказал, что народный суд не нужно разгрузить от непосильных дел? Никто не возражал. Наоборот, нам сказали, что нет работников. Прав т. Крыленко, когда он говорит, что система рождает работников. Мы должны родить работников. Теперь подойдем к тов. Крыленко и посмотрим, чего он хочет. Он хочет народные суды трибуна-

лить. Надо сказать, что линия народных судов вполне установлена давно и напрасно тов. Вшивков говорит, что это повторение задов. Нет, это вещь полезная. Идея народных судов—идея великая и ее никто не отрицает. Она пользуется большой популярностью на Западе, там интересуются и читают наши брошюры и там структуру народных судов находят крайне интересной и это вовсе не зады старого, от которого надо лететь в заоблачные края. Поскольку мы устанавливаем, что нам необходимы суды с высшей подсудностью, что нам нужны суды по делам политическим, постольку революционные трибуналы мы должны оставить, и если, как хотел бы тов. Крыленко, народные суды и революционные трибуналы слились бы, то через два дня он сказал бы—лучше не надо. Мы должны учесть реальное, мы должны оградить народные суды от буржуазного окружения. Я не могу развить своей точки зрения, потому что я выступаю официальным докладчиком. Тов. Крыленко не отрицает, что нужны суды с высшей подсудностью, но мы в своей системе не можем отказаться от принципа народных судов и говорим, что там должны быть народные заседатели, как представители пролетариев, и от этого принципа мы не отступим. Еще тов. Лонин сказал, что наши суды должны быть пролетарские, это значит то, что рядом с судьей должно быть 2 или 6 представителей пролетариата, назначаемых по очереди. Теперь я останавлиюсь на одном вопросе и затем я кончаю, чтобы не утомлять вашего внимания. Это вопрос о создании кассационной инстанции, объединяющей народные суды и революционные трибуналы. По этому вопросу необходимо поговорить. Здесь тов. Черлунчакевич отметил официальную линию Наркомюста. Если будет создано объединение наверху, то здесь получится правильная система, бояться этого нечего. Одна система революционных трибуналов, вторая система—народных судов, с теми разветвлениями временными, какие представляют особые сессии. Эта двойная система объединяется сверху единой судебной высшей организацией. Ни один из выступавших товарищей не высказал серьезного возражения против тех предпосылок, на которых построен мой доклад. Я думаю, что остальные вопросы необходимо будет разобрать в секции и в секции ответить на те спорные вопросы, которые возникнут и которые возникли здесь.

Председатель. Сейчас в порядке дня доклад тов. Крыленко. Я полагаю, что сейчас никакого перерыва не будем устраивать, а перейдем к тому вопросу, который поставлен в порядке сегодняшнего вечера. Может быть, товарищи не станут возражать против непосредственного заслушивания доклада тов. Крыленко о прокуратуре и параллельного доклада.

С места. Я считаю, что раз прения закончены, надо сделать вывод, т.-е. надо голосовать или тезисы тов. Лунина, или Крыленко. При чем раз те и другие тезисы не размножены, их надо огласить.

Председатель. Мнение президиума за то, чтобы эти тезисы передать секции и там их подвергнуть разработке, составив, таким образом, тезисы для с'езда.

Крыленко. Я думаю, что сейчас голосовать тезисы не представится возможным, по крайней мере, мной, постольку, поскольку они набро-

сапы сегодня, и секции придется передать тезисы в более или менее обработанном виде. Я хотел бы свои тезисы подработать технически и редакционно, передав их секции. Я думаю, что мне это удастся завтра. Но если сущность ясна, поставить их на голосование.

Белорусов (Москва). Я считаю, что тезисы, которые мы обсуждали и употребили довольно значительное количество времени, должны быть все учтены и если мы их передадим секции, то секция должна иметь определенное мнение с'езда и в этом направлении должна работать. А раз так, то мы должны тезисы проголосовать, чтобы дать указание, как понимает свои задачи с'езд и как должна работать секция.

Председатель. Тезисы тов. Лунина никем не оспаривались и при их выработке участвовал тов. Крыленко, против них никто не возражал и они могут быть безусловно переданы секции. А вопрос заключается в докладе тов. Крыленко и в тех тезисах, которые он предложит завтра нашему вниманию. Что же мы будем сегодня голосовать?

С места. Работники с мест не принимали участия в прениях на пленуме, потому что предполагали, что детально этот вопрос будет разрешен в секции. Я полагаю, что трибуналам необходимо в секции об этом договориться и только тогда мы будем иметь свое мнение.

Лисицын. За основу нужно принимать разработанные тезисы. Тов. Лунин имеет тезисы, тов. Крыленко предлагает отсрочить до завтра и, по моему, нельзя класть за основу впечатления. Я предлагаю перенести на завтрашний день.

Председатель. Я ставлю на голосование. Кто за то, чтобы голосовать сегодня? Кто против того? Большинство. Теперь слово для доклада о прокуратуре предоставляется товарищу Крыленко.

Доклад тов. Крыленко о прокуратуре.

Крыленко. Товарищи, мой доклад о прокуратуре должен разрешить или вернее предложить к разрешению, прежде всего, вопросы практические, как в настоящих условиях, с настоящими средствами, какими мы обладаем, людскими и техническими, будет более продуктивно и больше достигнуто результатов для установления того, что называется революционной законностью. Поэтому, прежде всего, подлежит определению вопрос, что мы в общем и целом под этим понятием понимаем. Я полагаю, что если определение, которое я даю, будет страдать некоторой шероховатостью и неточностью, то в общем и целом оно будет все же правильно отражать сущность этого понятия. Если мы условимся под революционной законностью понимать такой установившийся правопорядок, при коем каждому будет обеспечена полная безнаказанность действовать, если он совершает то, что законом не воспрещено. И во-вторых—наказуемость для всякого, кто бы он ни был, при совершении деяния, воспрещенного законом. Если мы с этим определением будем согласны, то останется только практический вопрос, как должен быть построен орган, которому было бы вручено наблюдение за тем, чтобы обе эти возможности были, действительно, обеспечены для населения, ибо эта задача как-раз, прежде всего, лежит в основе тех

соображений, которые выдвинуты и поставлены на очередь в вопросе о создании прокуратуры, как органа наблюдающего за законностью. Параллельно встали вопросы о задачах, которые лежат на прокуратуре, как на таковой, относительно ее участия в судебном процессе в качестве стороны, обличающей всех тех, кто совершил деяния, воспрещенные законом. Вот две задачи и обе эти задачи должны быть разрешены новым органом удовлетворительно. Поставим вопрос—при каких условиях может быть разрешена удовлетворительно первая задача и при каких условиях может быть разрешена вторая задача. Первая задача—это правильная постановка обвинения на суде. В чем был недостаток существовавшей до сих пор системы обвинения? Во 1-х, в том, что оно было случайно, в том, что в известных процессах оно есть, в других процессах его нет. Конечно, при случайности самого факта выступления обвинителя на суде, вопрос об успешности или неуспешности является вопросом также случайным. Вот почему мы ставим первым тезисом, что обвинение в суде должно быть постоянно существующим, следовательно, оно должно быть постоянно функционирующим органом. Дальше если этот орган должен быть постоянно функционирующим, то спрашивается, где его строить? Возьмем современную систему, когда существуют столы обвинения и защиты и когда губюст или его подотдел назначает или допускает или указывает, по тому или другому делу, такого-то обвинителя для того, чтобы он выступил. Существуют ли в таких случаях тесная связь между этой выступающей стороной в процессе, или элемент случайности остается? Двух ответов быть не может. Элемент случайности остается. Чтобы не было элемента случайности, прокуратура должна быть при суде в качестве его основной, составной части. Это первое мое положение, если она должна быть при суде и связана с судом, то стоит вопрос о ее взаимоотношениях с судом и здесь я ставлю второй тезис—она должна быть рядом с судом. Она не может быть, по своей сущности, как сторона, она не может иметь какого-нибудь приоритета над судом, но не может быть подчинена суду. Значит, второй тезис—она должна строиться параллельно. Если мы станем на точку зрения, которую я привел в предыдущих прениях по предыдущему докладу, то там все есть ясно и определено. Система судебных мест определенным образом устанавливает и действующее и функционирующее рядом с ней обвинение.

Рядом с ней, параллельно с ней организованная, но на совершенно других, по существу ее задач, основаниях идет система прокуратуры. Здесь я являюсь, прежде всего, поклонником принципа полной назначаемости. Это есть орган, задача которого обличать преступников, тех, которые совершили определенное преступление, это есть орган, который, прежде всего, должен от имени государства, от имени организованного в государство трудящегося класса выставлять определенное требование: такое-то деяние карается так-то, такой-то совершил такое-то деяние и поэтому должен быть наказан так-то. Здесь централизация в смысле проведения во всероссийском масштабе единой политики трудящегося класса. Необходимо централизация эта выражается в системе отчетности прокуратуры по инстанциям, вплоть до Отдела Прокуратуры

при НКЮ, вплоть до назначаемости отдельных прокуроров из центра. Если вы хотите, чтобы государственная прокуратура была органом трудящегося класса, организованного в государстве, как таковом, чтобы она не была брошена без руля и без ветрил, то она должна общегосударственную политику проводить, прежде всего, твердо и последовательно и сама должна быть построена, как система строго централизованная и назначаемая сверху до низу. Это не значит, что прокурор в каждом деле, выступая, должен быть связан в отдельных процессах, в конкретном деле. Могут быть такие обстоятельства, когда он так же, как и судьи, несмотря на писанную букву закона, бросает на весы ту невесомую в физическом смысле вещь, как его революционная совесть. Поэтому в отдельных конкретных делах прокуратура, выступая на суде, не связана, свободна и несет ответственность за свои действия только в плоскости общего надзора, хотя я всецело допускаю такие возможности, что, в особенности, в наших условиях, может быть вызвано со стороны Прокурора Республики предложение об устранении такого-то прокурора от должности. Эта поправка должна быть введена в целях единства и выдержанности системы карательной политики. Одновременно должно быть установлено, однако, что это устранение за его деятельность на суде может иметь место только в таком-то порядке и ни в каком ином и никак иным. Параллельно должны быть подробно разработаны (это недостаток, который есть у НКЮ, что здесь не разработаны самые существенные вопросы нашей судебной практики) должны быть твердо определены моменты вступления в дело прокуратуры, разрешен вопрос о составлении обвинительного заключения, о формулировке обвинения, о праве прокуратуры принять ту или другую формулировку, об обвинительном заключении, составленном следователем и т. д. Эта сторона подлежит специальной разработке. Я поставил этот вопрос в связи с выработкой общего Уголовного Кодекса, которого до сих пор нет, и перейду теперь к основному второму вопросу. Если для первой задачи, для ее осуществления уже ставился вопрос о том, что прокуратура должна быть построена на началах централизации, независимости и в то же время назначаемости со стороны Прокурора Республики, тем более стоит вопрос 2-й о функциях прокурора, как наблюдающего за соблюдением закона. Те тезисы, которые есть у тов. Лунина о следствии, споров не возбуждают, ибо надзор за следствием должен лежать на прокуратуре, но те попытки, которые были до сих пор сделаны в области надзора за следователем, остались на бумаге — не были проведены в жизнь. Насколько обстановка, атмосфера теперь иная, я думаю, что сейчас их можно провести в жизнь. Остается 2-й основной вопрос — функции прокуратуры в качестве органа, наблюдающего за соблюдением законов. Это значит, что Прокурор Республики, губернский народный прокурор, товарищ народного прокурора, должны быть местом, куда может всякий идти с указанием на совершенное над ним с его точки зрения попрание прав, и, следовательно, должен этот орган иметь достаточно полномочия, чтобы иметь возможность исправить, указать и проверенное, действительно имеющее место правонарушение, и далее он должен иметь право это делать не только по чьей-

либо инициативе, но и по своей инициативе, не только в порядке пресечения, но и в порядке предупреждения правонарушения. Здесь нужно вопрос поставить так, как я его ставил в своей статье, со всеми точками над «и». Если этот орган вы хотите сделать имеющим все шансы, располагающим объективными возможностями вершить дела, которые поручены ему, он должен быть построен, во 1-х, как орган независимый от тех мест, учреждений и лиц, с которыми рядом ему приходится действовать, и, с другой стороны, как орган в достаточной мере полномочный, чтобы предупреждать и пресекать. Вот почему в этом коренится основной вопрос моего разногласия с целым рядом товарищей, с которыми мне приходилось беседовать, и с точкой зрения, предложенной в его проекте Народным Комиссариатом Юстиции. Я считаю, что прокуратура должна быть независимой от местных органов власти. Этот тезис я считаю кардинальным. Против меня выставляют 2 возражения, что это противоречит нашей конституции, что это есть увлечение главизмом, и 3-е, что это есть ничем не оправдываемый вотум недоверия местной власти. Разберемся во всех этих трех возражениях по существу. Первое возражение, что это противоречит нашей конституции. Что собственно противоречит нашей конституции? В конституции сказано, что все наши должностные лица являются избираемыми, во 1-х, а, во 2-х, в любой момент сменяемыми. Кем? Теми, кто назначает их, теми, кто их избирает. Другого ответа дать нельзя, и делать отсюда вывод, что они подлежат обязательному избранию или смене, или отзыву местными исполкомами нельзя. Никто не вытекает. Где вы найдете этот пункт? Это неверно и практика отнюдь нам этого не устанавливает. Возьмем мы область военную, с которой мы начали строить систему государственного централизованного аппарата. Мы отсюда ее начали, с этого конца. Дальше мы перешли к той же системе управления в области народного хозяйства. Сейчас мы на этот путь переходим в области землеустройства. Вспомните резолюцию 9-го съезда, что она гласит? (Ч и т а е т). Вспомните пожелание о губернских отделах юстиции и о начальниках милиции—мы всюду видим одну и ту же тенденцию, что является еще одним аргументом за это положение. Если бы мы стали на ту точку зрения, которая одно время проводилась в старом судоустройстве, что судью никогда нельзя сменить, это уже будет «абсолют», фетишизм, но мы, наоборот, этого не говорим, мы говорим, что прокуратура может осуществлять свои задачи только централизованно. Нам незачем прикрываться ширмами, а нужно смотреть в корень вещей: при этих условиях можно скверно исполнять свои функции, при таких условиях можно хорошо их исполнять, а при таких-то вовсе нельзя. Говорят, что это будет недоверие к губисполкомам, но ведь это не аргумент делового характера. Кому мы будем оказывать недоверие? Нужно иначе поставить вопрос, нужно сказать: нужна нам прокуратура или нет. Недоверие рассасывается, ибо сами органы власти понимают, что в той тяжелой неразберихе, которая у нас существует, нужно иметь орган, который постоянно был бы на страже, который бы своей фактической работой помог разбраться во всей имеющей место путанице. Вот почему вопрос о недоверии—пустой

вопрос. Тот, кому доверяют, и тот, кто себя уважает, — тому не страшно, что рядом с ним будет орган, наблюдающий за законностью, а тот, кто имеет повод для того, чтобы бояться этого наблюдения, тому, конечно, такой орган будет страшен. Тут вопрос общегосударственный, общей политики, а вовсе не вопрос доверия или недоверия, который должен быть выражен отдельным губисполкомам.

3-й упрек, который был брошен — это упрек в своеобразном главизме, который я, якобы, предлагаю. Тут тоже недоразумение. Против чего собственно мы боролись в области главизма? Главизм хочет всем управлять и всем распоряжаться из центра. Ничего подобного я не предлагаю. Мы тут имеем орган наблюдающий и только. Если этот наблюдающий орган построить иначе, то он уже будет наблюдать скверно. Вот почему мой первый тезис установления прокуратуры, независимой от местных губисполкомов, является для меня основным. И опять — говорят, что у нас нет людей. Стыдно тем, которые так говорят. Неужели мы так абсолютно нищи и бедны, что 100 человек народных прокуроров на 100 губерний РСФСР не наберем. Это смешной аргумент, который доказывает, что не хотят серьезно к этому вопросу подойти. Какие права прокурор имеет? Он должен с совещательным корпусом присутствовать в губисполкомах, он не будет там решать или голосовать, а все-таки свое мнение он выскажет. Сейчас мы имеем пример с растратой семенного фонда 12 губисполкомами. Есть закон, что известное количество семенного фонда забронировывается за Наркомпродом. Один из исполкомов, исходя из местных соображений, этот фонд растратил. Таким образом, создается определенное юридическое нарушение. Прокуратура, будучи на месте, сейчас же скажет: то-то и то-то на сей предмет в законе имеется, а за сим как вам будет угодно. Губернский прокурор сказал бы в данном случае, что вы, мол, совершаете определенное нарушение закона, о котором я по должности своей должен сообщить, и тогда, я уверен, на ¼ мы избежали бы тех так называемых добросовестных промахов, с которыми мы встречаемся сплошь и рядом. Дальше вопрос: может ли он один справиться со всем делом. Конечно, нет, вот почему ему необходимы помощники. Один помощник должен быть при трибунале, для постоянного участия в работах трибунала, 2-й помощник при совнарсуде и затем товарищи прокурора, которые могут быть либо районными, либо раз'ездными. Вот как мне представляются эти товарищи прокурора. Я бы сказал для последовательности, что все они иерархически должны быть соподчинены центру. На том же основании Прокурор Республики входит с правом совещательного голоса в Президиум ВЦИК. Там сплошь и рядом нужны юридические заключения, нужны справки, так как там громаднейшая масса судебных дел по вопросам о частичной амнистии, там обязательно требуется присутствие прокурора для того, чтобы политика амнистии ВЦИК представляла правильную линию, а не чехардообразные скачки. Кто может это лучше всего сделать? Конечно, только Прокурор Республики, который имеет в своих руках отчеты всех губернских прокуроров, которые он может передавать Президиуму ВЦИК. Вот та система прокуратуры, которую я предлагал бы построить. Мне здесь ставят 2-й

вопрос, как же быть с остальными действующими органами на местах? Здесь еще ставится вопрос об отношении прокуратуры к народным судам и трибуналам. Из той речи, которую я имел возможность произнести здесь относительно общих судебных мест, ясно то место, которое прокуратура занимает в отношении народных судов, и совершенно другой вопрос об отношениях прокуратуры к местным отделам юстиции. По этому вопросу мы много спорили с защитниками противоположной точки зрения. У меня сейчас есть проект, который предлагает по этому вопросу тов. Эстрин. Я должен сказать, видимо, тов. Эстрин сугубо постарался найти хоть что-нибудь, чем можно аргументировать необходимость сохранения губернских отделов юстиции. Увы! он ничем этого не аргументировал. Вот его первый тезис: «Отделы юстиции существуют для того, чтобы объединять все местные органы советской юстиции и осуществлять те задачи последней, которые по своему характеру не могут быть возложены на какой-либо из прочих губернских органов юстиции, имеющих каждый свои специальные функции».

Так, следовательно, для этого нужно доказать, во-первых, что существуют такие отделы юстиции, работа которых никаким другим органом не может быть исполнена. Это нужно доказать, а не выставлять в качестве первого тезиса. Во-вторых, нужно доказать, что необходимо создание особого объединяющего центра, помимо действующего. Я указываю, что совет народных судей так, как я его предлагаю, или взятый так, как он есть сейчас, если мы на место председателя совнарсуда посадим заведующих губотюстами, то в таком случае функции, которые несет по объединению и руководству политикой губотс и которые, якобы, должны лежать на этих отделах юстиции—прекрасно тот же самый персонально товарищ выполнит, как председатель совнарсуда. Что же остается, кроме этого? Здесь тов. Эстрин подробно перечисляет—финансово-хозяйственная часть... Я указываю, что финансово-хоз. часть прекрасно может идти непосредственно через совнарсуд. Он говорит—адвокатура. В докладе об адвокатуре мы будем тоже спорить. Мне представляется построение адвокатуры при совнарсуде с подчинением и передачей ему тех же самых функций возможным и для этого не нужно создания специального органа. Затем карательно-исправительное отделение. Я считаю, что правильно поставленное наблюдение за правильным содержанием под стражей, за правильным распределением категорий арестованных, за соответствующим их переводом—это есть функции прокурорского надзора в лице его помощников, наблюдающих за этой частью жизни тюрьмы, и в этом отношении передача этого отделения в ведение прокуратуры всецело укладывается в мою систему. Судебно-исполнительная часть? Я полагаю, что это точно также при правильно построенной судебной системе может уложиться в рамки совнарсуда. Что же в таком случае остается от завед. губернским отделом юстиции? Ничего. Это жизненный факт, с которым уже теперь нужно считаться. Эти отделы возникли в эпоху перестройки, в эпоху разрушения, когда приходилось, прежде всего, прийти и разогнать старых судей, адвокатов, прокуратуру и потом нужно было строить заново. Хотя бы таким путем, что взять Петра или Ивана и назначить.

сюда и туда и сказать—ты новый судья, но ты еще не умеешь работать, приходи мне делать отчеты. Вот этот период первых шагов по устройству нового суда и вызвал существование заведывающих губернской юстицией. Теперь это логический нонсенс в нашем теперешнем понимании. Заведующий судом, что он может делать по отношению к суду? Приказать он не может. Сообщать о неправильных приговорах—это дело прокурора. Что же ему остается? Назначать он не может. С минованием этой эпохи организационной ломки и организационного строительства для завгубов места совершенно не остается. Теперь далее: «В период организационной перестройки аппарата нашей юстиции, при которой видоизменяются как отдельные ее органы, так и компетенция последних и создаются новые органы с новой компетенцией, существование общего организационного центра Советской юстиции в губернии особенно необходимо».

Здесь корень вопроса.. По проекту Народного Комиссариата Юстиции, прокурор действовать должен через отдел юстиции. Я усматриваю, что это совершенно не нужно, это не из чего абсолютно не вытекает и ничем это нельзя аргументировать. Между тем, в проекте НКЮ всюду та же самая двойственность—Прокурор Республики является членом коллегии Наркомюста, свои предположения вносит через коллегию. Свои доклады о деятельности получает через местные отделы юстиции. К чему эта сложность? К чему эта чрезвычайная запутанность? Я предлагаю решение вопроса простое. Прокурор Республики есть Нарком. Он выделяется из числа членов коллегии Народного Комиссариата Юстиции. Я усматриваю тут в проекте ту же самую болезнь, которая характеризует все проекты, которые в настоящее время выходят из НКЮ,—и проект о прокуратуре, и о судеустройстве, и об адвокатуре—боязнь слишком резко ставить вопросы, боязнь серьезно и глубоко поставить вопрос. Может-быть, это потому, что существует печальный вопрос с 15 тыс. пайками. Может-быть, по другим соображениям. Но все эти проекты отличаются этой основной чертой. Я считаю, что если вопрос ставить так, что суд должен быть поставлен на должную высоту, то ему сейчас и место, и честь, и все то, что этому месту и чести принадлежит, и поэтому смелая, последовательная, стройная и выдержанная работа в этом направлении во всех областях—и в области прокуратуры, и в области адвокатуры, и в области судеустройства—вот лозунг. Хотя бы взять немного примера с других органов, которые проявляют не раз очень много смелости, за которую приходится потом платить. Но здесь ее нужно проявить и я полагаю, что с'езд ее в этом отношении проявит. Мои тезисы заключают в себе — независимость, централизация, самостоятельность прокуратуры и ее полномочность в области наблюдения за теми двумя категориями явлений, из которых сочетается понятие революционной законности.

Содоклад т. Эстрина о прокуратуре.

Товарищи, я вначале своего с'одоклада должен оговориться, что разрешение вопроса о том, входит ли прокуратура в отдел юстиции, ко-

нечно, связано с тем, быть ли отделам юстиции или не быть. Разрешение этого вопроса зависит от вашего ответа на настоящий пункт судостроительства. Поэтому я этого вопроса коснусь лишь вскользь, потому что приводить доводы о моих тезисах по вопросу об отделах юстиции, значило бы доказывать, что тов. Крыленко не прав, говоря и предлагая создать единую систему судебных мест в настоящий момент. Я считаю, что если такая единая система будет проведена в жизнь, то наступит момент для упразднения отделов юстиции, и тогда все содержание моих тезисов, кроме 19 пункта о назначаемости, потеряет всякий смысл. Я считаю, что тов. Крыленко поторопился сейчас потому, что достаточно ясно выразил Смирнов, что еще не время проводить единую систему судебных мест. Если вы дадите ответ, совпадающий с тов. Луниным и Смирновым, то вы должны сделать выводы, что отделы юстиции должны быть оставлены и что в их состав должны входить прокуроры. Я считаю, что тов. Крыленко не опровергнул те тезисы, которые вам предложены, и считаю, что если мы поставим вопрос об адвокатуре и скажем, что она должна существовать при судебных местах и, если их будет два, то я спрошу вас, — где она будет и кто будет организовывать ее — совет ли народных судей или революционный трибунал, или же оба? Для нас вопрос об укреплении адвокатуры важен и важно то, чтобы туда не вошел нежелательный элемент, но если при существовании и совета народных судей, и революционного трибунала нежелательный элемент не впустить в двери совета народных судей, то он все-таки войдет в окно революционного трибунала. Я считаю, что по вопросу об адвокатуре придется сохранить объединяющий орган, при котором будет адвокатура. Более существенный вопрос — это вопрос о необходимости единой линии репрессии на местах. Тов. Крыленко сказал, что суд нуждается в единой директиве, которая указывается кодексом и в указаниях из центра. Я считаю, что в этом отношении большую роль играет та или иная обстановка. Я полагаю, что если мы встречаемся с губернией, в которой усилилась преступность, и с необходимостью разрешения вопроса борьбы с уклонением от продналога, борьбы с бандитизмом и т. д., то все эти вопросы не могут быть разрешены вне зависимости от политической обстановки и вне связи с мнением тех политических органов, которые ответственны за губернию. Если вы настаиваете на совете народных судей и на революционном трибунале, то вам нужно будет иметь при губернском исполнительном комитете орган, который выработал бы единую советскую линию репрессий на местах. Такая работа необходима, ибо Москва не может решать всех вопросов за Алтайскую губернию. Либо вы скажете, что прав тов. Крыленко, и тогда надо будет отделы юстиции ликвидировать, либо вы скажете, что должна быть двойная система судебных учреждений, но тогда без объединяющего органа вы не обойдетесь. Вопрос, на котором я остановлюсь более подробно — это вопрос о независимости прокурора. Вопрос в том, должен ли он назначаться из центра, или быть работником, более тесно связанным с местами, с своей губернией. Здесь позволю нам осветить вопрос, как мы смотрим на вопрос обеспечения законности. Мы говорим, что прокурор должен обеспечить законность, но

является ли он, прокурор, двигателем, который всю законность пускает в ход, или он является передаточным механизмом, через который передается законность всей нашей Республики. Я считаю, что прокурор является тем инструментом, который мы создаем для обеспечения законности. Я знаю, если воля к законности на местах есть, то ею обладают органы советской власти на местах и тем более прокурор. Если на местах есть воля к законности, то надо эту волю оценить, и здесь ошибка в том, что прокурор противопоставляется местам, и я протестую против такого противопоставления, потому что оно создает рознь, и эта рознь нам нежелательна и вредна. Я полагаю, что нам необходимо, чтобы прокуроры были бы связаны с местами и сохранили бы независимость. Вопрос очень сложный, трудный и спорный. Но способ подойти к его разрешению есть. Тов. Крыленко говорил в своей статье, что разница есть в положении прокурора и в положении судьи. Он говорил, что для судьи важен способ его смены, а для прокурора важен способ назначения. Я очень внимательно и несколько раз перечитал это место и не мог уяснить, почему с одной меркой тов. Крыленко подходит к судье, а с другой меркой подходит к прокурору. Ведь, как-будто и тот, и другой орган являются обеспечением законности. И ясно, что если места заинтересованы в беззаконии, то они это беззаконие будут проявлять в суде, будут напирать на свой местный суд, чтобы он это беззаконие покрывал. И если тов. Крыленко предлагает, чтобы прокурор назначался без участия мест, то он должен был бы быть более последовательным и сказать, что судья также должен назначаться из центра. Поскольку это не говорится, то значит, что вся аргументация виснет в воздухе, что решение это есть какой-то порочный излом мысли; но отсутствием аргументации, по моему, нельзя пользоваться, как аргументом. Почему т. Крыленко считает, что независимость контроля возможна только при отсутствии связи с местами? До сего времени мы во многих случаях ставили вопрос о контролях. У нас контролирующие инстанции были в виде ЧК и в виде Р. К. И. Мы подходили и к той, и к другой чрезвычайно серьезно, мы пытались создать гарантию работы и одного, и другой и что касается работы ЧК, то мы знаем, что они в своей области работали энергично и успешно, и несмотря на то, что они были строго-централизованным аппаратом, тем не менее они назначались местами и только утверждались центром и если это имело место в отношении коллегии ЧК, то я не вижу оснований почему это не может иметь место в отношении органов прокурорского надзора. Тут тов. Крыленко говорил, что довод о неконституционности введения прокуратуры, оторванной от мест и назначаемой из центра, что этот довод, не стоящий внимания, но мотивы тов. Крыленко основаны на простом софизме. Конечно, если говорить, что в конституции требуется избрание, но не говорится кем, то ясно, что может избираться и ВЦИК'ом. Но конституция перечисляет отделы, которые существуют при местных исполкомах, и вы знаете, что понадобилось специальное постановление 9-го с'езда, чтобы уничтожить отделы юстиции в уездах. 9-ый с'езд советов считал, что без его постановления такие отделы не могут быть уничтожены. И вот, товарищи, вам здесь предлагают

уничтожить отделы юстиции и передать главную массу их функций прокуратуре. По конституции, если вы, уничтожая отдел юстиции, ставите прокурора, значит—он должен сохранить то отношение к губисполкому, как и отдел юстиции. Вы можете дать ему и другие отношения, но тогда будьте добры проводить через 10-ый съезд уничтожение отделов юстиции и образование прокурера, не связанного с местами. Важно не то, как назначается прокурор или судья, а важно, чтобы он не мог быть устранен благодаря тем или иным интригам или давлению мест. Это в моих тезисах, в пункте 12, оговорено. Я полагаю, что при всяком ином решении вопроса вы войдете в противоречие не столько с конституцией, что было бы еще не так страшно, но вы войдете в противоречие с потребностями жизни. Жизнь требует, чтобы все вопросы о революционной законности у нас были тесно, дружно и едино связаны в органах советской власти и в органах юстиции. А вы предлагаете сказать, что места принципиальные беззаконники. Почему? Разве потому, что центр пишет законы, а места проводят их в жизнь, применяясь к местным условиям. Вы не можете сказать, что места 100%-ой пробы беззаконники, а центр 100%-ой пробы законник. Говорить, что места в этом деле ничего не могут сделать и могут обеспечиваться только центром, это значит ошибаться и очень печально ошибаться.

Председатель. Сейчас 10-ый час, мы должны прекратить занятия, но, может-быть, собрание пожелает открыть прения?

Якубовский. Я предлагаю занятия продолжать, так как завтрашняя повестка дня очень обширная.

Крыленко. У нас на повестке дня остался еще доклад о следствии, который все-равно нужно перенести, поэтому я полагал бы, может-быть, более целесообразно отложить, и я думаю, что раз мы сегодня выслушали уже дебаты по организационному вопросу, может-быть, лучше передать прямо в организационную секцию.

Председатель. Кто за то, чтобы продолжать сегодня работу? Кто против? Огромное большинство.

Тов. Курский делает информационный доклад о II сессии ВЦИК'а, после чего заседание закрывается.

Утреннее заседание 28 января.

Прения о прокуратуре. — Доклад т. Лунина об организации следствия.

Председатель. Объявляю заседание открытым. В порядке дня у нас сегодня прения по докладу тов. Крыленко и содокладу тов. Эстрина и доклад Лунина об организации следствия. Предлагаю приступить к прениям. В порядке записаны следующие ораторы. Первый Дьяконов (его нет), второй Торчинский (его нет). Следующий Смирнов.

Смирнов. Товарищи, разрешите несколько минут остановить ваше внимание, по-моему, на очень существенном вопросе: почему нам стала нужна прокуратура? Я на этом останавливаю ваше внимание одну минутку. Когда, товарищи, этот вопрос в наших кругах судебных работников, практических деятелей, встал во всю высь, я не знаю кто, но я, по крайней мере, и многие другие со мной, товарищи, перепугались немножко страшному слову «прокуратура». Я в то время махнул рукой. Прокуратура—что-то старое, нового ничего нет. И вот жизнь выдвинула этот прокурорский надзор и диктует нам в сегодняшний день, этот прокурорский надзор в самый ближайший и кратчайший срок не на словах, а на деле соблюсти, чтобы этот прокурорский, как хотите, институт или аппарат, скорей наладить, и чем скорее мы проведем в жизнь наше решение, тем скорее подвинемся к своей цели. Вы слышали вчера, содокладчиком выступал тов. Эстрин. Если встать на точку зрения Крыленко, то, понятно, тов. Крыленко категорически поставил вопрос и совершенно правильно и всесторонне глубоко осветил его. Я в двух словах сообщу результат по этому вопросу Московского губернского съезда народных судей, где ставился вопрос таким образом. На съезде Крыленко выдвинул свой проект и я его защищал. На съезде также был выдвинут проект Наркомюста и дополнительный проект, если хотите, проект с известными изменениями тов. Эстрина, который получил кажется не больше, не меньше—6 голосов. Все остальные голоса работников съезда отданы за проект Крыленко. Очевидно, товарищи с мест учитывали и взвешивали все и отчетливо сознавали. Посмотрите, товарищи, проект Наркомюста, что он нам предлагает. Я останавливаю ваше внимание на двух примечаниях; первое—

губотюстам предоставляется право намечать кандидатов на должности народных прокуроров, доводя об этом до сведения НКЮ, и второе—

помощники народного прокурора назначаются отделами юстиции, причем народный прокурор имеет право отвода.

Эти два примечания характерны для проекта о прокуратуре, выдвигаемого Наркомюстом. И посмотрим дальше. Я останавливаю ваше внимание, что говорит Эстрин.

Если жизнь диктует нам необходимость создания прокуратуры, надо создавать серьезно, и Эстрин, и Наркомюст к серьезному государственному вопросу несерьезно подходили, т.-е. так, как продолжалось у нас 4 года. Нужно или создавать прокуратуру, или поставить крест. Вы предлагаете создавать не прокуратуру, а, если хотите, инструкцию, по которой будут ездить по провинциям и будут докладывать, что там делается. Народный прокурор и помощники его утверждаются губюстом. А вот что говорит Эстрин. Тов. Эстрин говорит, что прокурор должен быть обязательно член коллегии отдела юстиции. Наравне со всеми членами коллегии всегда входит с докладом в отдел юстиции о том, благополучно ли у него или неблагополучно, но имеет право не согласиться, и в исполком входит с совещательным голосом. А заведующий от-

делом юстиции что будет делать, с каких голосом он входит в исполком. Тов. Эстрин отстаивает самостоятельность, контроль и надзор за всем отделом, включая и прокурора, значит, нужно заранее сказать, — отдать отделам юстиции на с'едение прокурора и ничего не делать так же, как не делали вы, отделы юстиции, в продолжении 4 лет. Так было, так не может быть дальше. Теперь, т. т., вопрос настолько важный и серьезный, что я никак не мыслю и не верю тому, чтобы наш всероссийский с'езд стал на тот путь, по которому нас тащат, по этим двум проектам — Наркомюста и т. Эстрина. Я понимаю задачи некоторых заведующих отделами юстиции, я понимаю, в конце-концов, задачи Наркомюста, который, очевидно, прав, хотя тов. Эстрин вчера в своем содокладе заявлял и указывал тов. Крыленко, что вот, если вы пойдете за товарищами Луниным и Смирновым в смысле организации единого народного суда, то, говорит, конечно, тогда вы пойдете за мною в смысле организации прокуратуры. Тут немного другое, тов. Эстрин. Если я вчера призывал черепашими шажками, потихонечку идти в этом направлении, потому что жизнь ничего не сказала в этом направлении, жизнь продиктовала только одно, это — оставить судебные органы, трибунал и народный суд, то здесь нам жизнь давно уже сказала, что нужно за счет отделов юстиции какой-то более жизнеспособный аппарат организовать, а 4 года нам достаточно показали, что отделы юстиции ничего не сделали в направлении проведения в жизнь той или иной революционной законности. Если вам мешали объективные условия, то это так, но отчего же теперь Наркомюст не хочет согласиться с жизненными требованиями, почему он говорит — опасно ломать. А вот теперь еще будут защищать эти тезисы и доказывать, что нельзя ликвидировать отделы юстиции. Вы знаете, многие совнарсуды уже способны и хотят взять к себе судебно-следственный отдел, что же вам остается делать тогда. Товарищ Эстрин в своей статье о прокуратуре пишет, что часть работы отдела юстиции перейдет к прокуратуре. Тогда вам что делать? Тов. Эстрин на губернском с'езде заявлял на этот вопрос, — так ведь что же, голубчики, а вот пайки распределять, а вот сокращение штатов идет, это — задача серьезная. Это ваши слова, тов. Эстрин (смех). Я указывал, что с такой аргументацией если вы хотите удерживать отделы юстиции, то это не серьезно, а смешно; и, понятно, тов. Эстрин понимает, что отделы юстиции сыграли свою историческую роль, сделали, что можно было, и нужно на их место создать сильный, самостоятельный, независимый прокурорский надзор, поставить дело серьезно и надолго, чтобы революционная законность была не на словах, а на деле. Здесь мы разбираем, как нужно создать прокурорский надзор, — независимый или зависимый, и те товарищи, которые защищают существование отдела юстиции, они говорят: позвольте, как же вы отрываете их от мест, у них будут всегда раздоры с местным исполкомом. Я думаю, т. т., жизнь и здесь нас научила. У нас были созданы рабоче-крестьянские инспекции, аппараты, казалось бы, на первый взгляд, достаточно основательные и серьезные, а что сделали Р. К. И., выполняли ли они хотя бы ту роль, которую должны были выполнить, сделали ли они хоть кое-что. Нет. А почему?

Жизнь опять говорит, что тут-то и нужно создание самостоятельного аппарата. Нужно, чтобы и прокурор, который будет распространять свои права на территорию губернии, чтобы и он был в целом подчинен Прокурору Республики, и прав был тов. Крыленко, ставя вопрос, что прокуратура должна быть создана самостоятельной и на правах Наркомата. Только таким образом будет осуществлен прокурорский надзор. Если отделы юстиции будут ликвидированы, то $\frac{3}{4}$ работы перейдет к прокурору, не будет тормазы и не будет параллелизма, который мы наблюдаем в течение 4-х лет, когда отделы юстиции делали одно, а совнарсуды делали другое; отделу юстиции нечего делать и он губернию берет к себе... Я спросил, когда в совнарсуд пришел, что вы делаете, давайте нам народных судей, а мне говорят: ну, здесь губерния и они связаны с отделом юстиции. Мы недавно разрешали вопрос в коллегии, где должна быть статистика, и я категорически доказывал и докажу, что вся работа должна быть при Совнарсуде, а не при отделе юстиции. Я спрашиваю, зачем существуют отделы юстиции, зачем допускать то, что мы 4 года допускали. Как только председатель совнарсуда и заведующий отделом юстиции попадутся мало-мальски равных сил, сейчас же начинается склока. Я думаю, т.т., историческая роль отделов юстиции выполнена, с ликвидацией их вся работа, которая касается народного суда, включая и защиту, должна перейти в совнарсуд, все остальное должно перейти к прокурору. Только тогда, я мыслю и думаю, что товарищи с мест согласятся со мной, мы изживем тот параллелизм, который все время существовал в нашей работе. И тогда, т.т., мы сумеем, хотя бы маленькими шажками, а все-таки сделать больше, чем сделали за это время, и это нам необходимо.

Торчинский (Иваново-Вознесенск). Товарищ Смирнов приглашал сегодня к серьезности товарища Эстрина, вчера приглашал к серьезности тов. Крыленко, а завтра он, может-быть, будет приглашать к серьезности 3-го и 4-го. Весь вопрос не в том, чтобы мы издевались друг над другом или призывали к серьезности, а вопрос в том, чтобы учесть практический опыт с мест: Тов. Смирнов утверждает, что жизнь, т.е. практический опыт, показывает необходимость уничтожить губотюст. Вчера тов. Крыленко доказывал, тоже на основании практического опыта с мест, хотя мне непонятно, откуда у него появился этот опыт, он доказывал необходимость уничтожения рев. трибунала. Тов. Дьяконов присоединился к этому. Завтра, может-быть, с точки зрения практического опыта нужно будет уничтожить губсовнарсуд. Т.т., нельзя подходить с точки зрения чисто логической стройности и теоретических соображений к вопросу о необходимости тех или иных реформ.

Нельзя тормозить, постоянно расстраивать государственный аппарат. Раз мы устраиваем какой-нибудь государственный аппарат, то должны быть, действительно, серьезные причины, которые указывали бы и подтверждали бы необходимость реорганизации этого аппарата. Вы знаете, т.т., на местах, как эти реорганизации, реформы тяжело отражаются на деятельности местных аппаратов. Мы не успели приспособиться к одному состоянию, как начинается второе, 3, 4-е и т.д. Не успели приспособиться, как нам декретируют новую реформу. Товари-

щи, нужно сказать с полным сознанием действительной правильности этого вывода, что на местах никакой склоки, той склоки, на которую ссылался тов. Смирнов, не существует. В частности, — я сам работаю на местах и констатирую, что у нас совнарсуд с губревтрибуналом не ссорился и совнарсуд не ссорился с губотюстом и, если не с точки зрения отдельных случаев, а с точки зрения общей работы государственных аппаратов вы посмотрите на этот вопрос, то вы увидите, что никакой склоки нет, и эта перетасовка, необходимость карательный отдел отдать прокурору, а судебно-следовательский отдел окончательно передать губсовнарсуду, не выдерживает критики, так как губсовнарсуды являются исключительно судебными аппаратами. От этого нам нужно отказаться и особенно необходимо отказаться от общей перетасовки, когда мы подходим конкретно к вопросу о прокуратуре. Мы должны будем отложить в сторону вопрос о реорганизации органов и будем говорить исключительно о прокуратуре. Прежде всего, необходим ли прокурор и что такое прокурор? Прокурор с точки зрения старого дореволюционного времени представляет собою одно, а прокурор с точки зрения нашего современного правосознания, конечно, должен представлять собою другое. Если мы учтем опыт мест, то прав тов. Эстрин, говоря, что нам придется констатировать следующее, что на местах в течение 4-х лет аппараты советской власти тоже имеют отношение к революционной законности. У нас нет органов, где работали бы дяди, собранные с бору да с сосенки, нет комиссаров, которые являются чорт знает откуда и делают что угодно. У нас этого нет. В старых пролетарских центрах — а такими являются многие из губернских городов — в подавляющем большинстве случаев сидят старые работники, понимающие всю революционную законность, и если они нуждаются в чем, то не в том, чтобы над ними висел Дамоклов меч сверху, а в том, чтобы вовремя подойти к ним с компетентным указанием. Вот такие прокуроры нам нужны. Нам нужны авторитетные товарищи, которые имели бы возможность оказывать юридическую правовую помощь нашим учреждениям. Это, прежде всего.

Председатель. — Ваше время окончилось. (Голоса: довольно!). (Продолжает). Обвинение необходимо, это верно, необходимо также наблюдать за предварительным следствием, но все это не будет созданием одиозной фигуры, на которую было указано в проекте тов. Крыленко. Необходимо это учесть и сказать, что проект Крыленко невыполним с точки зрения организационной. Скажу еще, что я не согласен с тов. Эстриным, что это противоречит существу нашей советской конституции.

Дьяконов. — Товарищи, я думаю, что вполне доказана необходимость существования обвинительной власти, народной прокуратуры. Тов. Крыленко привел к этому вполне исчерпывающие аргументы и останавливаться на этом вопросе здесь не приходится, лишь следующие вопросы являются спорными: нужно ли оставлять губотюсты или нет. Я не буду останавливаться на тех доводах, о которых говорил тов. Смирнов. Не буду ссылаться только на собственный опыт, но и на опыт других товарищей, и скажу, что губотюсты во всех местах являются ис-

точником недоразумений. Для всех это ясно, а если посмотреть, какую роль играют они, как проводники революционной законности, то я скажу, что только за исключением 2—3 губерний, где попадаются товарищи, наиболее стойкие и упрямые, почему они являются мишенью так-называемой склоки, то закон об усилении местных органов юстиции остался только бумажкой. Эти органы не являются проводниками революционной законности. Если Наркомюст признал необходимость сохранения отделов юстиции, то посмотрим, кто победил—отделы юстиции или исполкомы. Конечно, исполкомы. Я должен сказать, что такая постановка дела сохранения прежнего порядка абсолютно не улучшает положения дела и на местах мы не будем иметь сильных, авторитетных аппаратов, которые могут сказать: «баста, я протестую против такого положения, я переношу дело в высшую инстанцию». Такие органы нам нужны. Этого требует наша советская конституция, которая построена на централизованном принципе. Если нашим местным органам в некоторых областях дано право самоуправления, то в области законодательно-пролетарской политики самоуправления быть не может и нет более централизованной страны в этом отношении, чем наша Советская Республика, и поэтому эта область диктатуры пролетариата на местах должна быть сильно и авторитетна. Проект Наркомюста в этом отношении недостаточно удовлетворяет этой нужде и я считаю, что соглашение с исполкомами абсолютно делает наши органы бессильными. Во главе должен быть сам Нарком, а на местах по его представлению уполномоченные, получившие это право от ВЦИК, центральной нашей власти в стране, и тогда они будут пользоваться авторитетом. Они должны иметь мандаты от ВЦИК и должны сыграть роль комиссаров юстиции на местах. В этом отношении требовать создания народных прокуроров этого мало, это должны быть комиссары юстиции, которые будут проводить на местах законность.

Губюсты, это есть временный (в начале революции) организационный орган, который сейчас теряет свое значение. Если мы признаем систему единого народного суда, а вы должны ее признать, хотя бы согласились на сохранение трибуналов, и вы должны будете трибуналы включить в совнарсуд, даже при сохранении трибуналов, если будет принят проект в такой формулировке, как предлагает тов. Крыленко, единая система несколько не пострадает. Тогда будет суд авторитетный и единовластный, если при нем будет хорошо организованная прокуратура. Губюсты нужно уничтожить и чем скорее, тем лучше. Они никакой организующей роли не играют, они являются не организующими органами, но дезорганизующими. Теперь я перейду к другой стороне. Меня не совсем удовлетворяет это построение обвинительной власти. Прокурорский надзор построен по принципу централистическому. Это нужно и необходимо, чтобы проследить и добиться, чтобы на местах законы центральной власти исполнялись. Это необходимо, но в то же время надо дать и встречное течение обвинительной власти на местах. Это только бюрократический проект. Надо дать самим трудящимся инициативу в обвинении на суде. Здесь должна быть наша обвинительная власть, идущая от центра, но также и идущая с периферии. Должен быть проведен

принцип, что каждому гражданину должно быть предоставлено право обвинения на суде, если он признает необходимым. Между прочим, этот принцип сейчас отчасти имеется в законодательстве. По закону о революционных трибуналах каждый гражданин, недовольный мягкостью приговора, может выступить с обвинением. Этот принцип должен быть установлен. Здесь, наряду с государственным обвинением, необходимым обвинением, обязательным обвинением, в том случае, когда государственный обвинитель почему-либо отказывается от обвинения, или считает невозможным взять на себя обвинение, ибо он занят, у него много дела, должно быть предоставлено трудящимся, обществу выступать обвинителями на суде. Может исполком выдвинуть своего обвинителя, местная власть выдвигает своего обвинителя. В особенности, может давать кадр обвинителей институт правозащитников, к которому может каждый гражданин обратиться и просить выступить обвинителем, хотя бы по частному или государственному делу, которое почему-либо, прокурор считает второстепенным. Не нужно пугаться двойственности и наряду с государственным обвинением нужно установить обвинение общественное. Эти два принципа должны быть поставлены в основу нашего обвинения. Но это обвинение прошу не смешивать с прокуратурой. Функции прокуратуры гораздо шире, она является, кроме того, оком законности; общественному обвинению, которое выступает только на суде, должно быть предоставлено полное право, ибо это соответствует всей структуре нашего пролетарского суда. А губотюсты, чем скорее уничтожатся, тем лучше. Если на месте оставить две власти или три власти, мне вспоминаются слова одного председателя, который сказал, что имеется в губернии три «я»: я—губюст, я—председатель совнарсуда и я—трибунал, и происходят споры. Единой авторитетной судебной власти нет. Единая система, единая судебная власть, вот что должно быть результатом нашего съезда.

Председатель. Есть два предложения. Одно о прекращении прений, другое об ограничении времени ораторов. Голосую прекращение. (Прения прекращены). Для заключительного слова тов. Эстрин.

Эстрин. Я первым долгом должен сказать, что я здесь защищаю свой проект, те тезисы, которые от моего имени опубликованы, за проект, который был ранее опубликован Наркомюстом, я в такой мере ответственности на себя не принимаю. Но, кажется, Наркомюст в настоящее время поддерживает эти тезисы. Так, по крайней мере, говорил тов. Черюнкачевич. Те товарищи, которые здесь высказываются за необходимость ликвидации отделов юстиции в связи с организацией прокуратуры, считают, что прокуратура будет тем, как бы по древней мифологии, Атласом, который на своих плечах может выдерживать всю тяжесть законности.

Я считаю, что та прокуратура, о создании которой мы говорим, этой тяжести одна не выдержит и не выдержит потому, что тов. Крыленко и сам отметил, что нам важно поставить суд на высоту. Если суд будет поставлен на высоту, тогда законность обеспечена. Поскольку суд на этой высоте вполне не стоит, законность не обеспечена. Я спрошу вас, товарищи, стоит ли сейчас суд на той высоте, на которой он дол-

жен стоять. Нет, не стоит. Значит его нужно ставить, ставить в продолжение довольно значительного срока. Кто его будет ставить? Какими мерами мы можем ставить суд на высоту? Понятно, мерами административными. Я не спору, что эти административно-организационные меры должны осуществляться в первую голову совнарсудом. Это и предлагается моими тезисами. Но я считаю, что с передачей того органа—судебно-следственного п/отдела,—который призван был осуществлять эти меры, совнарсуду, нужно дать ему время переварить этот новый аппарат, нужно дать ему время приспособиться к его работе и нужно на время этого перехода, по крайней мере, сохранить наблюдающую руководящую роль того органа, который этим делом в свое время ведал. Иначе получится перебой и перебой получится и по другим причинам. Мы говорим сейчас о новой постановке следствия. Мы говорим о том, что следственный аппарат теснейшим образом должен быть связан с прокуратурой. Но с другой стороны мы знаем и остаемся на той же точке зрения, что и раньше, что следственный аппарат должен быть не менее тесно связан с судом. Выходит, товарищи, что здесь как-будто бы два конкурирующих органа, из которых каждый будет тянуть следствие в свою сторону.

Как вы разрешите те трения, которые неизбежно между ними возникают? Может-быть, так, что кто сильнее, тот и победитель, кто палку взял, тот и капрал. Но это не разрешение вопроса. Надо создать организационные формы, чтобы иметь возможность организационным путем устранять конфликты, выглаживать те неровности, которые возникают. Те, кто предлагают уничтожить отдел юстиции, как-раз ставят дело так, что уничтожают всякую возможность организованного разрешения конфликтов, уничтожения тех неровностей, которые оказываются на пути юстиции. Но тут еще больший вопрос возникает в связи с вопросом о следствии. Как мы знаем, ЧК до сих пор вела следствие и в некоторых областях будет вести его и дальше, хотя значительную часть работы передает нормальным следственным органам. Как это урегулировать, как урегулировать их взаимоотношения? Нельзя же в самом деле думать, что мановением палочки из центра все будет сделано и все вопросы детальные, но имеющие важное значение будут разрешены. Если вы подходите серьезно к решению того вопроса, как вам это здесь рекомендовали, вы скажете, что это вопрос очень важный и нужно иметь орган, который занимался бы решением этого вопроса наряду с другими вопросами. У нас еще вопрос следствия тесно связан с вопросом уголовного розыска, с аппаратом, который не является по существу аппаратом судебным, и который вы призываете взять в свои руки. Может-быть, вы признаете, что это должно быть передано в ведение Наркомюста. Кто будет это делать? Прокурор, с одной стороны, а с другой—следователь. Тут нужен орган, который был бы связан с органами местной советской власти и поддерживал бы с ней контакт, знал бы ее потребности и нужды, вполне очевидно, что орган, назначенный из центра с этой задачей справиться не может. Затем самое существенное то, что нам нужно извлекать новые свежие силы для юстиции и перераспределять эти силы, поскольку вы признаете, что нельзя ликвидировать три-

бунал и совнарсуд, вы согласитесь, что возникает вопрос о распределении сил между трибуналом и совнарсудом. В этом, несомненно, заинтересована юстиция и, если вы скажете, что формально вы этого на завгубюста не возлагали, то нужно признать, что по нашей инициативе это делалось, и тов. Смирнов этого не будет отрицать. Но если это должно делаться, то кто будет проводить все мероприятия губисполкомов. Очевидно, тот орган, который тесно с ними связан. Говоря о совнарсуде, я исхожу из того, что этот орган остается, как равноправный с трибуналом орган, и ставить совнарсуд, как центр, тоже невозможно. Сейчас ставить вопрос о ликвидации нельзя. Это значит предполагать, что у нас сейчас ставится на очередь какая-то перманентная реорганизация, уже даже не в квадрате, а в четвертой степени. Мы вводим кодекс. Суд с точки зрения революционного правосознания переводим на точку зрения связанности с законом. Это очень серьезная перестройка. Вы вводите прокурора и предлагаете поставить его на место отдела юстиции. Вы предлагаете ликвидировать объединяющий орган в губернии, который до сих пор худо или хорошо (отдел юстиции за эти 4 года сделал не мало, никто не скажет, что он ничего не сделал, и если сказать, что за эти 4 года эти органы ничего не сделали, то это нужно признать, как преступление советской власти, что она так долго оставляла орган ничего не делающий, а такого преступления мы не совершали и в таком преступлении партия не виновата)—справлялся со своей задачей. Третья перестройка состоит в том, что вы предлагаете ликвидацию трибунала, и четвертая, что вы ликвидируете ЧК. Если все эти перестройки одновременно производить, это значит, над единым живым телом юстиции одновременно производить страшную операцию. Какие спазмы будет испытывать при этом живое тело нашей юстиции? Я говорю, может-быть, каждая из этих операций нам необходима, но производить их все сразу вещь немислимая. Не все сразу, товарищи, по разделениям, товарищи. Дайте время, сделайте одну перестройку, потом другую, тогда, товарищи, может-быть, что-нибудь выйдет. Нам говорят: прокурор справится со всем делом. Ему можно подчинить исправительно-трудовой п/отдел. Но вопрос, как это сделать? Говорят, карательная политика может быть вся в руках прокурора. А вы знаете, что это дело тесно связано с местными нуждами; работа для заключенных, экономические условия,—все это можно оставить в стороне? По-моему, так сделать нельзя. Прокуратура должна быть тесно связана с местными органами управления. И с этой задачей не может справиться человек, назначенный из центра. Я кончаю следующим: юстицию нашу, советскую, нельзя, не время разбивать на кусочки. Ее нужно оставить единой, объединенной и нужно оставить орган, который ее бы объединял. В виду всего этого, я полагаю, прокурора создать необходимо, но он должен входить в общий аппарат юстиции и объединяться со всеми остальными органами. Тов. Крыленко считает, что в таком случае прокурор кастрирован. Нет, товарищи, этой операции над прокурором производиться не будет, этого бояться нечего и он будет действовать сообща с юстицией и при этом сохранит свою независимость и поддержит силу закона.

Председатель тов. Курский. Прения прекращены. Я попрошу решения минут 10 занять, чтобы обосновать и нашу точку зрения.

Курский. Товарищи, то обстоятельство, что первоначальный проект Народного Комиссариата Юстиции затем был видоизменен, так как фактически Комиссариат считает более обработанным и подлежащим детальному обсуждению проект, который защищал тов. Эстрин, составленный на основании проекта Народного Комиссариата Юстиции, но переработанный,—я объясняю тем, что вопрос о прокуроре—вопрос чрезвычайно трудный и сложный в системе советских учреждений. Уважаемые товарищи, которые выступали здесь в защиту абсолютной независимости прокурора, на страницах печати широко дискуссировали этот вопрос, высказывались даже за то, что будущий прокурор может приостанавливать постановления губисполкома. Такая точка зрения решительно противоречит основам Советской Конституции. Мы не должны забывать, что мы верховным органом по Советской Конституции имеем наш Всероссийский Съезд Советов и мы знаем, что 7, 8-й, в частности, 9-й Съезд подтвердили положение, что на местах высшей властью является Совет и его исполнительный орган—губисполком. Если вы будете строить орган юстиции таким образом, что он будет над губисполкомом, а фактически к этому сводится такая структура, то вы создадите утопичное построение и никакая сессия ВЦИК'а никогда не санкционирует такого построения. Если мы строим по принципу централизма, то все диктуется из центра. Вы знаете, что постановление съезда дает право губисполкомам приостанавливать даже распоряжение Наркома, вот что может сделать местная власть. Создавать на местах орган, который будет над Советом—позиция совершенно неправильная. Но ясно, что в составе губисполкома мы должны иметь голос. При всех объективных условиях там, где заведующий был членом исполкома, все-таки легче жилось нашему органу. Поэтому мы в губисполкоме должны иметь свой голос. А разве таким голосом будет прокурор и, особенно, если вы назначите его из центра? Большого извращения в советской системе я себе представить не могу. Просто на просто товарищи увлеклись желанием создать твердую опору революционной законности, но так подходить к вопросу нельзя. Возьмем с верхушки. Народный Комиссар Юстиции. Если вы меня спросите, в чем моя работа, то я скажу, что моя работа в участии в законодательной работе наших высших законодательных органов. Вот моя работа. Имеет ли губисполком такую область законодательной работы? Непременно имеет. Возьмите, например, декрет о торговле. Как регулируется торговля? Она регулируется обязательным постановлением губисполкома. Местное обложение. Опять-таки обязательные постановления губисполкома. Относительно промышленности местной то же самое. Мы, значит, должны иметь там орган, который будет технически, прежде всего, эти самые функции губисполкома выполнять. Если вы создадите прокурора, а отдел юстиции уничтожите, то губисполком должен будет создать себе какой-нибудь отдел, ну, скажем, не отдел юстиции, так юридический отдел, на котором будет лежать выполнение этой работы. Вполне правильно тов. Эстрин указал, что мы имеем сейчас период перестройки и в этот период строить все

из центра или возлагать это на совнарсуд или на прокурора, который является новой фигурой, было бы, конечно, по меньшей мере, неосторожно. Мы должны использовать тот аппарат, который у нас уже имеется, чтобы провести эту задачу. Конечно, нужно дать этому новому органу известную независимость, чтобы он мог выполнять эту задачу серьезно, но вы не должны забывать, что прокурор, о котором мы так много говорим, прежде всего, должен быть тем лицом, которое даст направление делу, даст ход каждому заявлению о преступлении, которое поступает. Он будет руководить следственным аппаратом—вот задача, которая лежит на прокуроре. У нас раньше много ответственных товарищей считали, что нужно обратиться в ЧК, когда бывало простое уголовное дело. Прокурор должен быть таким органом, к которому будут обращаться—это будет его основная роль, а не роль чиновника, стоящего над местной властью. Мы можем, товарищи, наметить сейчас тот путь, по которому пойдет дальнейшее развитие и дальнейшая эволюция отдела юстиции. Уже на Всероссийском Съезде Советов определенно выдвигалась идея объединения административных отделов губисполкома. Мы имеем сейчас отделы управления, отделы юстиции, РКИ; все эти 3 органа производят часто параллельную работу. Возьмем отдел управления, он также борется с преступностью, словом осуществляют одни и те же функции все эти 3 отдела. И вот путь, по которому пойдет объединение работы—это не отдел юстиции, не отдел управления, не РКИ, а один административный орган и тогда, когда это будет, то я скажу, что давайте закрывать отделы юстиции. К тому времени мы и наш народный суд сумеем поставить на должную высоту, но для этого нужно пройти этот организационный период. Нельзя и сказать: «да будет готово, сотворили». А вот что даст жизнь, во что это отольется? Поэтому, товарищи, я полагаю, что с известными поправками, которые будут детально обсуждены, но в основе должен быть принят проект, который защищает товарищ Эстрин и который, как переходную меру, считает необходимым сохранение отделов юстиции.

Крыленко. Товарищи, я не мог, по причинам от меня не зависящим, прослушать прения полностью, но осведомился у товарищей, о чем говорили оппоненты, когда я не был, и заслушал часть заключительной речи тов. Эстрина и Дмитрия Ивановича. Я принужден сгруппировать все возражения, которые были выставлены против той точки зрения, которую я защищаю, в 2 категории. Одна категория возражений юридического характера—о чем говорили тов. Эстрин и Дм. Ив.—относительно нарушения нашей конституции и другая категория относительно практического характера и соображений не о необходимости этой реорганизации, а о нецелесообразности ломки сразу всего аппарата, при наличии на местах целого ряда других особенностей работы, которые могут вынудить необходимость сохранения руководящих местных центров в виде губостов. Эти две категории соображений нужно рассмотреть внимательно и подвергнуть критике. Прежде всего, относительно того, противоречит ли эта реорганизация нашей конституции или, как сказал Дмитрий Иванович относительно извращения всей ее схемы, которая будто бы предлагается тем проектом, который я защищаю. Пре-

жде всего, я должен сразу отбросить от себя упрек отдельных выступлений товарищей, которые говорили, что я будто бы защищаю право прокуратуры приостанавливать решения губисполкомов (голоса: «этого не было сказано»). Такой точки зрения я никогда не защищал, не выдвигал и никогда не поддерживал. Мы видим, таким образом, что этот основной и главный аргумент падает, потому что он направлен не туда, куда следует, не по адресу. Я утверждаю, что представитель прокуратуры не есть фигура, управляющая на местах, не есть фигура, действующая на местах в области той сферы и компетенции, которая предоставлена губисполкому, а я только утверждаю факт, и говорю, что это должен быть наблюдающий орган, который может предварить то, что с точки зрения действующего закона является неправильным, который может сказать, что такое-то постановление или мероприятие незаконно, а за сим благоволиите действовать так, как вам заблагорассудится. Это право прокуратуры я отстаиваю целиком и полностью и утверждаю, что правильно поставлено это дело действительного наблюдения и предупреждения может быть только при условии, если эта фигура прокурора будет непосредственно связана с центром и им назначаться. Вот почему я полагаю, что для того, чтобы парализовать то, что имеется у нас налицо в нашей жизни, в нашей действительности, что всегда у нас превалирует, должна быть создана известная прокуратура, которая ставится не выше исполкома, а рядом с ним, и следит за соблюдением писаных норм права и закона. Вот почему я не усматриваю в этом предложении противоречия с нашей конституцией, не усматриваю нецелесообразности, а усматриваю прямую целесообразности. Что касается возражений, которые были приведены относительно того, что в местных центрах могут быть соображения, требующие применения особенной местной карательной политики, например, по вопросу о продналоговой политике, по вопросу о бандитизме, требующих ослабления или усиления репрессий в том или другом месте, то позвольте вас вернуть к кодексу, где нет ни одной статьи, которая бы указывала просто на санкцию, а если есть санкция не ниже и не выше, то есть определенный простор, в котором может действовать данная судебная организация. Спрашивается, если по соображениям местного характера, скажем, по вопросу о внесении продналога или по вопросу о бандитизме, явится необходимость усилить или ослабить репрессии в том или другом месте и если такая необходимость признана губисполкомом, на заседании которого прокуратура присутствует с совещательным голосом, сознается прокурором, видящим это положение вещей, сознается совнарсудом, непосредственно подводящим итоги карательной политики, спрашивается, на какой предмет здесь нужен губюет. На тот предмет, чтобы собрать всех судей, прокуроров и им об этом сказать. А что, разве нет другого способа в этом отношении? Я усматриваю здесь только желание подвести хоть какой-нибудь фундамент под абсолютно пустое место (апп.). Мне кажется, что в этом отношении нужно смотреть прямо и сказать, что кодекс предоставляет нам возможность выйти из этого положения. Если прокурор сознает необходимость усиления или ослабления репрессий, а исполком на это не идет, то он может сооб-

щить в Наркомюст или ВЦИК, которые дадут соответствующие распоряжения об усилении или ослаблении карательной санкции и не в местном, а в общероссийском масштабе. Тов. Эстрин спрашивал, можно ли допустить, чтобы Москва распоряжалась Алтайской губ. Он попал как-раз не туда, куда нужно, ибо как-раз и нужно в Алтайской губ. распорядиться, потому что губисполком Алтайской губ. постановил запретить судам принимать кассационные жалобы (смех). Это соображение местного характера привело к тому, что граждане не имели гарантий, данных им законом. Что же, спрашивается, местный прокурор, непосредственно связанный с губисполкомом, как он будет реагировать в данном случае? Местный председатель трибунала телеграфировал: «я подчинюсь» (смех). Я спрашиваю вас, как на этот конкретный пример необходимо реагировать? Только путем вмешательства прокуратуры, независимой от мест. Товарищи, я полагаю, что по местным соображениям этого сейчас делать нельзя, а когда будет прокуратура, это будет можно, тогда прокурор сообщает в центр и таких казусов не было бы и потому аргумент тов. Эстрина попал не туда, куда следует. Остается только один аргумент, что нельзя все сразу ломать и разрушать. Никто этого и не предлагает. Никто не предлагает сразу все пустить на воздух. Здесь собрались деятели юстиции со всей Советской России и ставят вопрос, как лучше организовать дело юстиции, так или этак. Если так, то что делать с такими-то органами, а если этак, то как с такими-то? Это будет материал для разработки центральным органам. Предлагается сказать свое мнение и что тут ужасного, опасного, о каком взрыве здесь идет речь? Я не настаиваю, что необходимо взять рассматриваемый проект, я ведь готового проекта не предлагаю, а беру тезисы и вношу 2 поправки. Основная поправка состоит в том, что прокуратура, правильно построенная, поглощает губюсты и здесь нечего бояться,—переименуем тов. Эстрина и больше ничего; и 2-я поправка, что прокуратура должна быть независимой (апп.). Эти две поправки я и предлагаю.

Председатель. Объявляю перерыв на 15 мин.

* * *

Курский. Товарищи, по докладам, которые были заслушаны, о судостроительстве, о прокуратуре и об отделах юстиции, президиум, обсудив поступившие конкретные резолюции, предлагает с'езду принять по вопросу о судостроительстве прежде всего следующую резолюцию, которую огласит тов. Черлюнчакевич.

Черлюнчакевич. Согласованная с докладчиками резолюция, принята президиумом.

С'езд, учитывая объективные условия... (читает. См. стр. 5 «Резолюций»).

Как ближайшую задачу для проведения в жизнь, с'езд принимает тезисы тов. Дунина. Таковые перед с'ездом оглашены не были. Я их сейчас оглашаю: 1) Принципы революционной законности... (читает. Там же).

Председатель. Товарищи, вот резолюция, которую президиум предлагает принять без дальнейших прений, так как президиум учитывает,

что, повидимому, в этой резолюции то мнение, которое выявилось в прениях раньше, оно уже нашло себе отражение. (Шум. Голоса: «нет!»).

Смирнов. Товарищи, я одну справочку вставляю в эти тезисы: не тезисы тов. Лунина, а тезисы губернского съезда московских судебных деятелей.

Председатель. Тогда я ставлю на голосование вопрос: будем ли мы открывать прения по этой резолюции, которую предлагается принять от имени съезда, она согласована, между прочим, и с тов. Крыленко, или же эта резолюция еще подвергнется дальнейшему обсуждению, причем я вас должен предупредить, что в голосовании участвуют только товарищи с решающими голосами и голосуют красными билетами.

Якубовский. (От бюро фракции). Товарищи, бюро фракции всецело поддерживает вносившего эту резолюцию.

Курский. Я сначала голосую вопрос о том, будем ли мы открывать прения по внесенной в президиум съезда резолюции, или нет. Кто за то, чтобы по внесенной резолюции не открывать прений, прошу поднять красные билеты? Кто за дальнейшие прения по этой резолюции. Большинство.

С места. Я вношу предложение, чтобы здесь не занимать внимание пленума съезда, а передать постоянную резолюцию для обсуждения в организационную секцию и потом уже по окончании пленума заслушать.

Крыленко. Товарищи, приходится прямо говорить о том, что, конечно, эта резолюция является резолюцией компромиссной и резолюцией, которая те основные вопросы, о которых шли дебаты на съезде, не ставит с той остротой и отчетливостью, с которой они были поставлены на съезде. Это совершенно ясно. Но вопрос у нас сейчас стоит таким образом: в президиуме, когда мы голосовали по этому вопросу — ставится или не ставится вопрос об упразднении отделов юстиции, как вопрос сегодняшнего дня, — толковали так, что если принять резолюцию и сказать, что с сегодняшнего дня упраздняются отделы юстиции, то, хотя сие и законодательное предположение, тем не менее на местах это будет понято так, что отделы юстиции после того не существуют. Это было мнение, которое было вынесено и поддержано большинством президиума. Вот почему при решении вопроса, когда вопрос шел об этой точке зрения, я высказывался, что, если товарищи так понимают, я согласен сказать, что не считаю возможным сегодня их упразднить, но одновременно устанавливается, что при дальнейшем построении и укреплении судебной системы и введении прокуратуры таковые подлежат упразднению. Вот та формула, на которой я лично согласился и за которую я голосовал. Второй вопрос — основной вопрос, вопрос относительно создания единого кассационного центра. Он выражен в резолюции следующим образом: считается необходимым направить политику НКЮ так, чтобы в центре был создан авторитетный высший судебный орган, объединяющий кассационную деятельность судов. Этот тезис нашел полное выражение в этой резолюции. Когда я предлагал свои тезисы в разработанной форме, я принужден был согласиться, что в той форме они представляли из себя по существу законопроект, а не тезисы, и что по сему поводу обсуждать законопроект и голосовать со всеми деталями здесь невозможно. Поэтому президиум вы-

сказался, что эти тезисы нужно отпечатать в 4 или 5 № «Еженедельника Юстиции» и разослать на места. Вот тот компромисс, на который согласился президиум. Другого выхода не было, потому что ставить вопросы на обсуждение в другой плоскости в секции, значит поднимать всю эту музыку сначала. Важно ответить, подлежат или не подлежат упразднению отделы юстиции и, затем важно ответить, подлежит ли созданию высший кассационный орган. Но этим вопросам у нас соглашение достигнуто и выразилось в этой резолюции. Вот те мотивы, по которым я считаю, что нужно эти тезисы принять.

С места. Я предлагаю перенести вопрос на обсуждение фракции.

Председатель. Только что высказанное вами предложение поддерживает и президиум. Я предлагаю этот вопрос перенести на обсуждение фракции. (Предложение принято). Теперь вопрос о прокуратуре.

Крыленко. По вопросу о прокуратуре вместо тезисов, опубликованных тов. Эстриным, я выдвигаю только три вопроса и эти три тезиса ставятся на голосование. Принята в этом отношении та точка зрения, которую я отстаивал. Первый пункт. Прокуратура назначается и отзывается исключительно распоряжением центра. Второй пункт. Прокуратура присутствует с совещательным голосом на заседаниях губисполкома. И третий пункт: прокуратура не связана решениями отделов юстиции, откуда таковые существуют. Вот третье предложение. И эти три предложения приняты президиумом съезда и предлагается их принять, как тезисы или поправки для дальнейшей детальной разработки законопроекта, который будет вырабатываться Комиссариатом Юстиции.

Председатель. Я предлагаю принять без прений только что оглашенные три предложения. Кто за то, чтобы без прений голосовать резолюцию в целом? Большинство.

С места. Я по существу этой резолюции из трех пунктов.

Председатель. Она уже проголосована.

Голоса с мест. Вы лишаете права делегатов вносить предложения.

Дьяконов. Я вношу дополнительное предложение к этой резолюции.

С места. Эти три пункта являются компромиссом. Если тот пункт об отделах юстиции мы перенесли во фракционное заседание, то значит и этот пункт надо подвергнуть критике во фракционном заседании и, может быть, он будет отвергнут.

Смирнов. Я категорически против этого потому, что тут абсолютно никакого компромисса нет. Тут указано, что пока существуют, а если завтра не будут существовать, значит, никто ничем не связан. Я думаю, что то, что предложено тов. Крыленко, было принято и зафиксировано съездом, поскольку съезд уделял внимание словам тов. Крыленко.

Дьяконов. Я всецело разделяю принятую резолюцию. В своей брошюре я указывал и указывал в своей речи, что наряду с государственной прокуратурой необходимо допущение общественного обвинения, а именно по инициативе мест, ибо есть целый ряд вопросов, целый ряд преступлений, которые совершенно не могут быть освещены удовлетворительно государственной прокуратурой, и поэтому я вношу дополнительное предложение: наряду с представителями государственного обвинения должен быть проведен в жизнь принцип допустимости публичного общественного обвинения и общественного преследования.

Председатель. Сначала мы примем окончательно вопрос, который только-что подвергнулся голосованию, о дальнейшем ходе направления внесенных предложений, чтобы этот вопрос передать во фракцию. Есть предложение, которое сводится к следующему: настоящее голосование вопроса от имени съезда считать решенным. Кто за то, чтобы этот вопрос считался решением съезда по вопросу о прокуратуре? Огромное большинство. Таким образом, этот вопрос уже в основном получил разрешение. Имеется дополнительно предложение т. Дьяконова, отвергнутое президиумом. Кто за то, чтобы к принятым предложениям внести дополнение. Меньшинство. Следовательно, дополнений больше не внесим. Переходим к следующему докладу тов. Лунина об организации следствия.

Доклад тов. Лунина об организации следствия.

Товарищи, вопрос о следствии—вопрос достаточно важный, но и достаточно ясный, поэтому я постараюсь в своем докладе не особенно затруднять ваше внимание и быть кратким. Прежде всего, нам необходимо с четкостью и ясностью отметить и установить, что следствие есть часть судебного процесса и основная его часть и органы, производящие следствие, являются органами судебными. Этот пункт никем не оспаривается, настолько он ясен. Далее мы должны установить, что организация прокуратуры, издание уголовного кодекса, общая перестройка судебных мест дают возможность в достаточной степени ясно определить нарождающиеся формы следственных органов. Если взглянем, что сейчас в этой области делается, то, исходя из только-что предложенного вам основного принципа, должно сказать, что предварительного следствия в полном смысле слова у нас сейчас не имеется. Какие основные органы, производящие следствие, имеются у нас? Я не буду говорить о тех следственных органах, которые рождаются незаконно при многих учреждениях и организациях. Нам известно, что существуют особые следователи, например, при Наркомпочтеле,—явно незаконнорожденные и о них мы говорить не будем: также существуют следователи при отделах охраны труда. Мы будем говорить о тех следственных аппаратах, которые существуют законно, и здесь мы видим пять таких аппаратов, отделенных от суда. Основным следственным аппаратом до сих пор в Республике был следственный аппарат ЧК. Ясно, что в период гр. войны этот следственный орган должен был преобладать над всеми следственными и розыскными органами. В связи с изменением функций ЧК, о чем говорил тов. Курский, ликвидация ее следственного аппарата уже предпринята. Мы должны сказать, что следственный аппарат по уголовным делам в ЧК должен быть ликвидирован. В связи с этим встает вопрос о следственном аппарате трибунала. Я называю этот аппарат таким именем не формально, так как там имеются следователи-докладчики, выполняющие дополнительное следствие. Все поступающие заявления в революционный трибунал передаются для производства по ним следствия в чрезвычайную комиссию. Таким образом, формально следственного аппарата при трибуналах не имеется. Это установлено положением. Но положение учло, что следствие с судом так тесно связано, что совер-

шенно отделять их нельзя, и это же положение указывает, что можно производить дополнительное следствие по делам, которые поступают из ЧК. На практике получилась картина, совершенно противоположная; следственный аппарат трибуналов фактически стал производить следствие и принимать дела, возбуждаемые непосредственно коллегией трибунала. Например, в Петрограде революционный трибунал организовал следственный аппарат, параллельный ЧК. Это известно всем трибуналистам и на этом не приходится останавливаться. Жизнь и теория толкают к тому, что следственный аппарат должен быть при суде и находится от него в непосредственной зависимости. Следующим аппаратом является следственный аппарат уголовного розыска. Идея революционной законности привела уже к уничтожению этого следственного аппарата. Приказом Главмилиции по Центроросыска этот аппарат в уголовном розыске уже уничтожен. Свою работу он передает нормальным следственным органам, находящимся при суде. Затем мы должны сказать о следственном аппарате, состоящем при губюсте.

Поскольку мы считаем, что следственный аппарат должен быть аппаратом судебным, постольку должны сказать, что следователи этой категории должны быть подчинены суду. Затем я забыл упомянуть о главном следственном аппарате, — следственный аппарат народного суда. По положению о народном суде (ст. 28) все дела, которые предусмотрены ст. 7 и нуждаются в предварительном следствии, ведутся следственным аппаратом этой категории. К чему свелась деятельность следственного аппарата народного суда на практике? Если мы обратим внимание на эту сторону вопроса, то идем к выводу, что эти аппараты можно было бы назвать скорее следовательскими, это — «следователи» и «прекратители». Статистика показывает, что за 20-й год дел, направленных к прекращению, было 45 проц. и только 38 проц. было передано в суд. Если мы посмотрим, как народные следователи принимали и проводили расследование дела, то увидим следующее. Подлежащие органы обнаруживают преступление, дело поступает из уголовного розыска в ЧК. Далее в трибунал, если последний находил в распорядительном заседании, что дело подлежит народному суду, оно передавалось этой инстанции. Вот общий порядок попадания дела к народному следователю. Часто народные судьи, недостаточно внимательно рассмотрев поступившее дело, передавали его народному следователю без точных указаний, что требуется исследовать. Что касается приема народным следователем дел по сообщению милиции или должностных лиц, то это является исключением и, как общее правило, таких дел не велось. Вот в общих чертах, товарищи, те следственные аппараты, которые до сих пор имели место, отделенные от суда и не находящиеся в непосредственной связи с ним, а если и находящиеся, то крайне ограниченные в своих правах и ведущие следствие лишь дополнительно, а не непосредственно. Ясно, конечно, что мы не о таком следственном аппарате говорим. Мы говорим об аппарате, находящемся при суде, являющемся судебным органом, который непосредственно вступает в дело по возникновении преступления, который руководит органами дознания. Так нам мыслится в общих принципах постановка следственного аппарата. Каким образом мы можем

построить следственный аппарат? Мы должны исходить из системы наших судебных мест. Если возьмем мы за основу те тезисы, которые мы здесь принимали, и если мы посмотрим на систему наших судебных мест в теперешнее время, то мы увидим, что она заключается в следующем: судебным местом, принимающим к своему производству дела политические, дела по государственным преступлениям, является трибунал; затем, как общее правило, народный суд и временная надстройка над ним—особая сессия. Вот три системы или, вернее, одна система и три разных вида суда, в зависимости от подсудности. Совершенно ясно, что это наталкивает нас на мысль о необходимости трех веток следственного аппарата. Районный следователь, я даже назвал бы его судебный следователь, которому подследственны все дела, возникающие на данной территории, которые находятся в непосредственной связи с органами производящими дознание и розыск. Ему, как общее правило, подследственны все преступления, возникшие на данной территории, но, однако, по тем преступлениям, которые подсудны трибуналу, он может приступить к следственному производству с санкции прокурора или по поручению трибунала. Это—основа нашего следственного аппарата. Второй веткой являются следователи по важнейшим делам, которые, как общее правило, производят следствие по преступлениям, имеющим ветки, распространяющимся на несколько участков, и производят следствие по делам, имеющим исключительную важность, подсудным особой сессии. Этот следователь принимает дела по предложению ряда учреждений. Третья категория следователей, это—следователи при трибунале. У нас возникал вопрос об уничтожении этих следователей. Но поскольку я говорю о том, что следователи находятся непосредственно при судебном месте, а, очевидно, мы должны будем признать, что нам требуется суд по делам политическим, где мы будем проводить определенную карательную, испытательную линию,—поскольку мы должны будем сказать, что такие следователи при этих органах должны быть. Вот три вида следователей: как общее правило,—районный следователь, которому подследственны все дела на данной территории; затем следователь по делам о преступлениях, имеющих распространение на несколько участков, и третья категория—следователи при трибунале. Сейчас мы должны перейти к наиболее важному вопросу, к вопросу, который должен нас заинтересовать и который получил в своем разрешении небольшое количество голосов на Московском съезде деятелей юстиции,—вопросу о передаче уголовного розыска в ведение Ком. Юстиции с подчинением его прокурорскому надзору на местах. С точки зрения практической мы должны применить к уголовному розыску ту поговорку, которую тов. Ленин применил по отношению к Ч. К., сказав, что достоинства стали их недостатками. Работа уголовного розыска ценная, построенная правильно, приближает следствие к розыску, но страдает целым рядом недостатков, которые являются продолжением их достоинств. Достоинства эти дают возможность быстро схватывать преступления, ловить преступников и т. д., достоинства, которые мы видим за органами чрезвычайной борьбы, стоящими на страже революции: сейчас мы должны сказать, что функции уголовного розыска кончаются в такой-то

момент, а в дальнейшем производство по делу должно перейти следственной власти. И мы это предрешили на нашем 3-м съезде деятелей юстиции в резолюции о следствии, в которой мы приняли, что общее руководство органами розыска и дознания должно быть возложено на следователя. К этому вопросу не будем возвращаться, а, может-быть, мы вернемся к нему, поскольку его коснутся прения. Но, как общее правило, я выдвигаю принцип, что уголовный розыск должен быть подчинен Комиссариату Юстиции с подчинением его на местах прокурорскому надзору, тем самым прокурор будет иметь орган, который будет следить за проведением законности. Касаясь органов, производящих дознание, мы должны констатировать, что в этом смысле нам нужно прививать принцип революционной законности, потому что этот принцип всегда нарушался. В частности, я коснусь вопроса о предварительном задержании. Есть закон, по которому любой задержанный гражданин должен быть допрошен в течение 24-х часов, и законность его пребывания под стражей в течение 24-х часов должна быть закреплена. На самом деле этого никогда не бывает и во многих местах, говорят нам, проделать всю эту комбинацию в 24 часа совершенно не представляется возможным. Мы должны стремиться к тому, чтобы ни один гражданин не был задержан больше 24-х часов в порядке предварительного задержания, но если в течение 24-х часов еще не добыли улик для предъявления обвинения, то задержание такого гражданина должно быть санкционировано прокурорским надзором и, во всяком случае, никто не может быть задержан в порядке предварительного задержания больше 2-х недель. Эту линию мы должны проводить и все ссылки на то, что сейчас такая расхлябанность, что мы не можем этого сделать, не должны быть. Взаимоотношения прокурорского надзора, с одной стороны, с судом, с другой стороны, с органами дознания, с третьей стороны, права и обязанности прокурора и следователя, — требуют издания Кодекса. Инструкции следователям трибунала и народным следователям не согласованы между собою и не могут явиться руководством, на основании которого проводилась бы революционная законность. Обращаясь сейчас к следственным актам наших народных следователей, мы должны обратить внимание на то, что ни в инструкциях народным следователям, ни в другом месте не преподаны единообразные формы ведения предварительного следствия. Мы должны зафиксировать, что нужно предписать народным следователям определенное единообразие формы ведения предварительного следствия. Такой единообразной формой ведения следствия я считаю возможным взять за основу принятые формы следственных актов, введенных в трибунале. Мы должны поговорить еще, товарищи, о характере нашего предварительного следствия. Наука в этом отношении знает два вида предварительного следствия: розыскной вид и обвинительный — с введением принципа состязательности. У нас в Москве раздавались голоса о том, что нам необходимо ввести в следствие участие сторон, начало состязательной борьбы. Мне думается, что так ставить вопросы мы не можем. Даже в период буржуазного порядка такой профессор, как профессор Случевский, в своем курсе «Уголовный Процесс», указывал на то, что при тогдашних условиях невозможно было

вести это состязательное начало, а тогда порядок в смысле права был уже установлен, но он говорил о том, что адвокатура еще не была признана достаточным сознанием публичности своего назначения. Сейчас у нас адвокатура только начинает развиваться и практика показала, что она была поставлена у нас довольно уродливо. Поэтому мы не можем ввести это состязательное начало и ломать свою систему, не давая власти единолично следователю. У нас процесс поκειται на принципе, так сказать, инквизиционном, и участие сторон здесь нежелательно. Это можно сказать, с точки зрения теоретической и практической, и мы должны сказать, что здесь власть следователя должна быть единоличной и он должен подчиняться только прокурору. Он является судебным органом, подчиненным суду, и его действия находятся под контролем прокурорского надзора. Только так можно ставить вопрос: как можно провести технически это положение? Оно должно вылиться в статьях нашего кодекса, а теперь мы выставляем только общий принцип. Если мы рассматриваем вопрос о предварительном следствии, как о части процесса, если мы говорим, что от предварительного следствия зависит весь исход процесса, то важность этого положения говорит за то, что нужно обратить самое серьезное внимание на работников по следствию. Вы должны сказать, что сложность работы по следствию, необходимость обладать колоссальными знаниями требует от следователя того, чтобы эти работники стояли на высоте своего положения, и это признают как все теоретики, так и практики, так что останавливаться на этих требованиях, которые должны быть предъявлены к следователю, мы не можем, а как практики, мы должны взвесить вопрос, имеется ли возможность в Республике найти кадр таких следователей. Если говорить о цифрах, то у нас следователей имеется достаточное количество. В старое время судебных следователей имелось 1,883 человека, а вместе с мировыми судьями и кандидатами на судебные должности, исполнявшими обязанности следователей, было всего 2,188. Если обратимся к следовательскому аппарату нашего времени, то у нас наберется 3,000 следователей, разбросанных и прикрепленных к тем или другим судебным и административным органам. Ясно, что эти следователи во многом отношении не стоят на высоте, но если мы их профилируем, то все-таки найдется достаточный кадр следователей, стоящих на высоте. Но этого мало, сейчас мы должны сказать, что сложность ведения судебного процесса заставляет многих представителей из рабочего класса, работающих в судебных органах, говорить: «пора бежать, мне с этим не справиться». Это заставляет нас обратить сугубое внимание на следователей. Наш суд пролетарский и должен быть по составу пролетарским. Мы должны сказать, товарищи судьи из пролетариата и товарищи следователи, вышедшие из пролетариата и прошедшие работу в судах и трибуналах, вы должны подтянуться и быть теми следователями, которые могут работать для пользы судебного дела Республики. Чтобы поднять следователей на должную высоту, мы должны сейчас же объявить мобилизацию в партийном и советском порядке всех товарищей, которые имели следовательский опыт. Затем мы должны весь состав этот профилировать, перетренировать, организовать краткосрочные курсы, потому что мы

должны помнить, что от предварительного следствия зависит весь процесс, оно помогает суду разобраться в деле. Мы должны проверить состав следователей и поставить их на должную высоту. До сего времени этого не было. Если взять положение следователей в буржуазных странах, то они там приравнены к членам суда. Это фигура политическая, общественная, а у нас на следователя смотреть так не привыкли, ими помыкает, кто хочет. Мы должны сказать, имея в виду сложность ведения судебного процесса, что следователи должны быть поставлены на соответствующую высоту. Перед нами стоит только вопрос, можем ли мы сейчас произвести эту ломку. Наш съезд организационный, учредительный. Мы сейчас переходим постепенно на правильные рельсы и ставить вопрос о том, что немедленно необходимо все ломать, — нельзя. Мы не можем заниматься головотяпством. Мы должны иметь необходимые предпосылки. Какие же предпосылки необходимо иметь для реорганизации следовательского аппарата? Это, прежде всего, создание кодекса, создание и укрепление прокурорского надзора, как контрольного аппарата над следствием, иначе последнее будет болтаться в воздухе, затем необходим подбор тех людей, которым мы можем доверить это дело и которые будут иметь серьезное отношение к своим задачам. Вот основные предпосылки. Этот вопрос решить сразу, конечно, невозможно. Мы только можем рассмотреть его с точки зрения теоретической и практической и сказать, как должен быть построен следовательский аппарат. Мы должны поставить так вопрос и затем постепенно укреплять те вехи, которые будут намечены этим съездом. С укреплением прокурорского надзора, с подбором определенного кадра следователей, с укреплением наших судебных мест мы можем достигнуть того, что сможем перейти к единому следственному аппарату в Республике.

Председатель. — По данному докладу тов. Лунина записалось три оратора.

Цикель (Тамбовская губ.). Докладчик, говоря о предварительном следствии, указал вам на то, что, по его мнению, допущение состязательности на предварительном следствии, которое уважаемый докладчик считает очень важной частью процесса, с его точки зрения недопустимо. Мотивировка была товарищем упущена, но он сделал ссылку на то, что как в практике, так и в истории, в науке права есть очень много противников взгляда благожелательного на допущение на предварительном следствии защиты. Я позволю себе отнять у вас несколько минут для освещения этого вопроса и полагаю, что докладчик с этой точки зрения безусловно неправ. Неправ потому, что, если уделять предварительному следствию, как и следует, важное место в уголовном процессе, то, несомненно, предварительное следствие надо поставить в такие условия, чтобы дела, которые могут быть прекращены, дела, которые в данном случае могут попасть на судебное следствие недостаточно подготовленными, чтобы они вовсе прекращали свое существование именно в этой стадии процесса. Я позволю себе указать, уважаемые товарищи, что нет никакого сомнения в том, что необходимо положение обвиняемого обеспечить от неправоудия, от произвола. Ведь, следователи — люди. И сейчас мы слышали о том, что на 3 тысячи следователей

возможно, что придется половину заменить. Возможно, следовательно, и поверхностное, легкомысленное отношение следователя, а равно возможно, что тут будет—и это, действительно, бывало. Все мы знаем—закосневшая привычка следователи обращать подозрений в известную предубежденность. Следователи, это—люди со всеми недостатками и достоинствами человеческого рода. И таким образом, только таким путем, путем введения защиты на предварительном следствии возможно обеспечить обвиняемого или вернее подозреваемое лицо от могущих произойти скверных ошибок. Вопрос очень старый. И если уважаемый докладчик говорил о том, что есть противники введения на предварительном следствии защиты, то—есть и защитники этого вопроса. И кроме того, есть действующее право. В одной из европейских стран—я позволю себе указать на старый закон 8 декабря 1897 года во Франции, который допускает защиту на предварительном следствии,—что-то неслышно, чтобы от этого пострадало правосудие, ибо я позволю себе указать, что если на предварительном следствии будет участие защиты, то, несомненно, во многих случаях следователи будут ограждены от нареканий, что в данном случае стремление оградить следователей и поставить в надлежащее положение будет достигнуто только в том случае, когда на предварительном следствии сторонам будет дано право защищаться законными способами. Поэтому допущение на предварительном следствии защиты является вопросом назревшим. И Тамбовский съезд судебных деятелей разрешил этот вопрос в том смысле, что желательно обсудить его в виде предложения и безусловно решить в положительном смысле.

Андреев. Я хочу остановиться на вопросе, который докладчик, по-моему, упустил, это — вопрос о взаимоотношениях в некоторой части следствия и прокуратуры. Раньше, при старом режиме, следователь составлял заключительное постановление, передавал прокурору, прокурор составлял обвинительный акт. Сейчас у нас некоторые следователи пишут заключительное постановление, а некоторые не пишут заключительного постановления. Обвинительный стол, насколько я знаю, почти нигде не составляет обвинительного акта. В большинстве случаев дела прямо попадают в народные суды. Поэтому с введением прокуратуры будет весьма полезно, если по каждому делу будет обвинительный акт. Это в значительной степени облегчит работу народных судей. Кто должен составлять этот обвинительный акт? Должен ли его писать следователь в виде заключительного постановления, или должен писать прокурор. И прежде, когда прокуроры составляли обвинительные акты, в громадном большинстве случаев фактически они почти переписывали заключительное постановление следователя. И мне кажется, нет надобности двум человекам проделывать совершенно одинаковую работу. Следователь, проводивший следствие, великолепно знает дело, ему написать заключительное постановление в другой форме, в форме обвинительного акта и указать свидетелей, подлежащих вызову в судебное заседание, нет никакого труда. Нет надобности возлагать эту задачу на какое-то новое лицо, а мне кажется, что теперь обвинительный акт необходимо иметь для того, чтобы сразу присутствующий судья мог рассмотреть дело и был бы в курсе, в чем состоит обвинение

и какие нужно принять предварительные меры, хотя бы в стадии предшествующего рассмотрения дела.

Теперь о положении следователей в трибунале. Я согласен с докладчиком, что, пожалуй, сейчас следователей при ревтрибуналах нужно оставить, но их нужно оставить не как докладчиков, которые исполняют обвинительные функции, а как лиц, которые должны заниматься своим непосредственным делом. Конечно, и трибуналу можно передавать дела к следствию или к исследованию народными следователями. Но бывают такие дела, которые трибунал не считает возможным по тем или другим соображениям передавать народным следователям. Остается или усилить состав следователей по важнейшим делам, которые ведут дела не только в нескольких районах, но и дела, действительно, наиболее важные и которые при теперешних условиях можно поручить обычному народному следователю или же передавать такие дела обыкновенным следователям, особенно опытным по делам. Но я думаю, что сейчас временно пока все-таки надо при трибунале двух-трех следователей сохранить, которые вели бы специально трибунальные дела, потому что тут могут быть часто дела, поступающие из Ч. К., по которым следователь не захочет передавать дело, так что думаю, что следователи должны быть оставлены. Теперь небольшое замечание по поводу слов предшествующего оратора о допущении защиты на предварительном следствии. Это все хорошо в теории, а на практике мы сейчас бедны и средствами, и людьми для того, чтобы дать всякому обвиняемому защиту на предварительном следствии, а давать только богатому, который может нанять адвоката. Нет необходимости.

Лышков. Если во время гражданской войны можно было допустить разбросанность нашего следственного аппарата, мне кажется, теперь этому, ненормальному положению должен быть положен предел. Я вполне соглашаюсь с доводами тов. Лунина о единстве следственного аппарата, оставляя небольшую часть следователей для трибуналов, но в связи с этим необходимо обратить внимание с езда и на вторую часть его предложения, это — разработка процессуального кодекса. Действительно, я во время доклада тов. Лунина слышал о том, что двухнедельное содержание во время предварительного следствия является чрезвычайно обременительным. Мне кажется, что при более усовершенствованной технике судебного дела и две недели содержать под стражей без основания или при известном подозрении нет никакого смысла. Совершенно прав тов. Луний, что предъявление обвинения должно быть сделано задержанному лицу в течение 24 часов. Это, может быть, применимо для Москвы, но для уезда такой срок необходимо будет удлинить. Я полагаю, что принципиально признавая необходимым и своевременным разработку издания процессуального кодекса не только для следователей, но, главным образом, для следственного аппарата, необходимо будет обратить внимание и точно выяснить взаимоотношения следственных властей с властями розыскными, как, например, общегородской милицией, так как в работе общей милиции на местах за последнее время получилась чехарда, в результате которой вся более или менее стройно построенная система полетела вверх тормашками, кроме того, несогласованность действий Главмилиции и Наркомюста в области изда-

инии инструкций по следственно-розыскному производству вчетверть за собой на местах столкновения, как милиционного состава, так и следственного состава. Я, со своей стороны, здесь высказываю пожелания, чтобы эта разногласия в действительности НКЮ и Главмилиции была устранена и чтобы издание инструкции по розыскному делу принадлежало исключительно НКЮ, и, таким образом, сохранить единство, оставивши за Главмилицией руководство только по строевому и административному управлению. Кроме того, в делах большого придания жизне-способности и жизнедеятельности нашему следственному аппарату съезду необходимо высказаться о том, чтобы розыскной аппарат уголовной милиции был непосредственно подчинен прокурору и, кроме того, выполнял всецело задания следственных властей. Другими словами, уголовный розыск подчинить НКЮ и, таким образом, дать прокурору те функции, которые необходимы ему будут в процессе его тяжелой непосильной работы. В заключение я хотел бы обратить внимание съезда только на выступление тов. Цикеля. Безусловно прав тов. Андреев, говоривший, что хорошо в теории говорить об участии защиты в предварительном следствии. Это хорошо говорить с трибуны, но попробуйте на местах. Мы работники с мест. Мы знаем условия работы, работников и их уровень. С другой стороны, можно предположить а priori, какие методы и способы будет применять защита для того, чтобы можно было вывернуть того или иного, имевшего удовольствие или несчастье попасть в руки следователей. Там, безусловно, будут применяться все способы, чтобы запутать следствие. Я предлагаю, что защите в предварительном следствии места быть не должно. Это—акт недоверия не только к следователю, но и к прокурору, и даже дальше.

Смирнов. Я два слова по 8-му пункту тезисов, которые приняты на Московском губернском совещании деятелей юстиции. Этот пункт такой: уголовный розыск должен быть подчинен НКЮ. Нечелесообразность этого подчинения съезд должен учесть и вынести свое решение, что уголовный розыск не должен быть подчинен НКЮ, который с этой задачей не справится, и эта задача, во всяком случае, не подлежит ведению НКЮ, а Комиссариату Внутренних Дел, ибо все розыски,—по крайней мере, как я мыслю построение,—должны быть непосредственно и тесно связаны с Комиссариатом Внутренних Дел. Это замечание, на которое я хочу обратить внимание по пункту 8-му. Что касается до допущения защиты к следствию, это для нас преждевременно и такую роскошь позволить нам, рабоче-крестьянской диктатуре, не следует. Это, во-первых, не говорит о том, что это будет свидетельствовать в пользу обвиняемого. Мы из практики 18-го года наблюдали часто, когда защитник сидит и путает и самого обвиняемого, и того следователя, который его допрашивает. Я не знаю в каких буржуазных странах (я юридически слабее), где этот вопрос разрешен в положительном смысле, чтобы хвалебно относиться к этому. Этот вопрос ни с какой точки зрения не выдерживает никакой критики и нам, в особенности, это не нужно.

Председатель. На этом сегодняшнее утреннее заседание объявлю закрытым.

Вечернее заседание 28 января.

Речь Председателя ВЦИК т. М. И. Калинина.

Товарищи, позвольте приветствовать 4-й съезд деятелей юстиции. Товарищи, хотя и происходит по счету уже 4-й съезд, но, несомненно, этот съезд у вас, действительно, будет очерчен особенно яркими штрихами и иначе не может быть, ибо как раз наступает момент, когда юстиция вступает, если можно так выразиться, в свои права. В первые моменты революции решающим фактором права, разумеется, являлась прямая непосредственная вооруженная сила. Вооруженная сила определяла право. Следующая стадия—это чрезвычайные органы, которые выступают вслед за военной силой и начинают внедрять, укреплять те права, которые завоевываются или внедряются победителем. И наконец, последней стадией являются органы юстиции. Если мы сейчас рассмотрим развитие нашего права, то мы увидим то же развитие этих трех этапов. Сначала военная сила, затем чрезвычайные комиссии и после вступают в свои права органы юстиции. Несомненно, что 22-й год будет тем годом, когда, я думаю, целый ряд дел, которыми ведали органы ЧК, будут переданы органам юстиции. Основы судопроизводства—основы отношений, как граждан между собою, так и по отношению граждан к государству. Органы юстиции, до сих пор не игравшие сравнительно большой роли, или, по крайней мере, доминирующей роли в органах советской власти, в настоящее время приобретает это доминирующее значение в области проведения не только директив советской власти, но и принципов советской власти, ибо теперь органам советской власти нет оснований прибегать к чрезвычайным средствам, и всюду, где можно этих чрезвычайных средств избежать, где можно принять решение более или менее правовое, обсуждаемое со всех сторон, где можно дать полную гарантию гражданину или лицу, там, несомненно, государство эти гарантии даст. В настоящий момент органы юстиции приобретают огромное значение и не только в том отношении, что внедряют законность, но они еще, внедряя советскую законность, вырабатывая новое право, дают выражение непосредственному народному творчеству в этой области.

В органах юстиции, хотя и принимается в отдельных случаях субъективное мнение, но здесь должен всегда приниматься во внимание и коллектив, должен приниматься во внимание обычай, целый ряд прецедентов, которые случаются, наконец, до известной степени, мировоззрение окружающего слоя, где явление происходит. Ведь не даром же царское судопроизводство, когда суд касался непосредственно низов, крестьянства, там свод законов оказывался недействительным и государственный суд решал дела на основании обычая, который развивался у самих крестьян, обычаев, вырабатывавшихся и существовавших в течение десятков и сотен лет. Несомненно, в этой области, в юридической области, если можно так грубо выразиться, мы тоже подошли к новой экономической политике. Здесь будет новый подход. До сих пор

был только один подход: все, что мешает непосредственно укреплению советской власти, должно быть разрушено. Все к этому подогаялось. Время было военное. В настоящий момент вырабатывается, действительно, народное самосознание. Как оно будет выражаться,—это трудно сказать. Насколько широко разовьется народное творчество, об этом сейчас говорить нельзя. Но я вижу здесь тов. Лисицына среди присутствующих, который сам руководил народным судом и при объезде со мной России сам удивлялся тем своеобразным формам, до известной степени красивым формам, которые принимались на местах в решениях того или иного вопроса. Он говорил,—это развивается революционное творчество,—и теперь, если хотите, революционное творчество это будет одним из наших рычагов до укрепления советской власти. Если до сих пор ЧК служила одним из мощных органов укрепления советской власти, то сейчас это учреждение, как такой рычаг, отмирает. В настоящее время должен быть более гибкий, более приспособленный к современным условиям орган, который может влиять, развивать и внедрять принципы советской власти. Этот орган—юстиция.

Поэтому сейчас не пустой звук, когда говорят о революционной законности. Это не пустой звук, очевидно, органам народной юстиции, действительно, в этой области предстоит проделать огромную работу. В чем должна быть эта огромная работа? Это заставить население уважать законы. Одной из трудных задач будет составить такие законы, которые мы могли бы выполнить, а другая задача заставить выполнять эти законы, ибо тогда только закон выполняется, когда этому закону целиком все подчиняется. Разумеется, многие привыкли в процессе борьбы, как военной, так и непосредственно политической, привыкли до известной степени утрированно понимать слово «законность», говоря, что мы свертываем на буржуазную точку зрения, когда говорим «законность, законность, законность». Законность постольку целесообразна, поскольку ее формы имеют значение, поскольку совпадают с той целесообразностью, которая вытекает из того или другого положения. Но, т.е., я думаю, что эти 4 года, когда законность не имела должного значения, я думаю, что в настоящий момент она имеет для нас огромное значение. Если посмотрим развитие закона в Западной Европе,—возьмите такую классическую страну, как Англия,—если посмотрим, там, где правительство, несомненно, могучее, сильное, которое располагает колоссальной властью, которое поддерживается огромными, могучими, культурными силами, правительство и окружающие слои великолепно друг друга понимают, воспитаны на одних и тех же принципах и все-таки, когда происходит какой-нибудь судебный процесс, как тщательно правительство стремится выполнить все процессуальные формы. Почему это? разве в буржуазном правительстве нет давления на суд? Есть давление и, несомненно, большее, чем в Советской Республике. Однако, почему они так внимательно выполняют эту процессуальную сторону? Да только потому, что суд—это одно из могучих орудий буржуазного правительства; выполнением процессуальных форм они внедряют в сознание масс уважение к суду; когда человек идет на суд, у него известное субъективное уважение, которое всасывается воспитанием с молоком матери. Для нас,

представителей государства, имеет ли это значение? Несомненно, раз буржуазное государство имеет возможность эти органы юстиции приспособить для себя и заставить их служить для себя, то, несомненно, и рабочий класс, и крестьянские массы сумеют создать такие органы юстиции, которые будут служить и рабочему классу, и крестьянству. И я думаю, что наши органы юстиции находятся в таких же благоприятных обстоятельствах, как и все наши органы. Возьмем Красную армию. Всюду и везде управляющие органы армии, вся их организация, цель их организации есть подготовка к порабощению, к угнетению, к корыстным целям тех классов, которые они защищают. А наша Красная армия? Наша Красная армия готовится для величайших идеальных целей, для освобождения человечества, для защиты угнетенных классов. В соответствии с этим составляются требования, которые мы предъявляем к Красной армии. То же самое в юстиции нашей. Какие цели она преследует? В конечном счете, она преследует цель защиты рабочего класса, защиты крестьянских масс и укрепления их власти. В конечном счете, идеальная это цель или нет? Несомненно, идеальная, несомненно, только укрепление рабоче-крестьянского класса у власти даст возможность дальнейшего слияния и освобождения угнетенных классов. И в соответствии с этим бояться, что наши органы юстиции выльются в чиновничий аппарат, что они могут выдумать бюрократические мертвые формы, которые будут душить жизнь, душить вырабатывающееся правосознание рабоче-крестьянских масс, мне кажется, этого бояться нет никакого основания. Здесь впервые разворачивается то правосознание, которого ни у кого в мире не было. Только у нас будут намечаться те, действительно, идеальнейшие отношения, за которые мы боремся, как в отношениях человека к человеку, так и в отношениях гражданина к государству. Поэтому бояться, что будет бюрократизм и что эти органы будут мешать укреплению диктатуры пролетариата, нет оснований. Юстиция есть один из вспомогательных органов рабоче-крестьянского класса для укрепления его диктатуры и эти органы в момент ожесточенной борьбы и военной схватки, разумеется, они были слабы, ибо тогда, когда хватают за горло, когда вопросы решаются с оружием в руках, в это время не место голосу третьего человека. Для борющихся людей—этот голос в такой момент не имеет никакого значения. Суд по существу есть третье лицо между двумя сторонами и, разумеется, для того, чтобы к третьему лицу было уважение, чтобы человек, который был обвинен или оправдан, имел это уважение, несомненно, внешние процессуальные формы должны быть так поставлены, чтобы в них была возможность этим сторонам защищать свои интересы. Выгодно для государства или нет чтобы в его руках были эти органы, которые будут третьим лицом? Несомненно, выгодно. Является ли это могучим орудием? Я думаю, для всех ясно, что это одно из могучих орудий советской власти и возглавляющей ее коммунистической партии для проведения тех принципов, которые мы хотим внедрить в сознание рабочих и крестьянских масс. И перед вами раскрывается, несомненно, широкая дорога. Мы сами великомерно понимаем, что целый ряд дел сейчас еще не ведет народная юстиция, не ведет народный суд...

Возьмите огромную часть в высшей степени сложных дел—это земельные дела, которые в высшей степени своеобразны и интересны, где обычай, экономические условия играют огромное значение. Когда я принимаю бесконечное число людей по этим вопросам, я всегда чувствую недостаток в том, что эти дела решаются не незаинтересованными лицами, не нейтральными,—чтобы крестьянин знал, что решает его дело нейтральное лицо,—а земельными органами, которые занимают административное положение. Терпимо ли это? Нет, нетерпимо. Если целый ряд дел из ЧК перейдет теперь в органы юстиции и если целый ряд дел, решающихся сейчас отделами исполкомов, будут переданы в народные суды, то я думаю, что это будет лучше, а в будущем, когда наши законы немножко кодифицируются, и суд явится могучим двигателем развития самой нашей конституции, потому что суд и в европейских государствах является могущественным двигателем тех государственных форм, которые там складываются, то, несомненно, и у нас это будет так. До сих пор органы юстиции в области конституционного творчества сравнительно немного сделали. Только теперь, когда мы подходим к мирному строительству в этой области, перед судом, перед органами юстиции открывается широкая дорога. Что у нас отделы юстиции не имели большого значения, это может быть было лучше. У нас этот комиссариат не являлся федеральным комиссариатом, насколько я знаю, я не ошибаюсь, а возьмите другие федеральные государства? Возьмите, напр., Германию? Там мы можем наблюдать, что уголовный закон и гражданское уложение общие: и это дает возможность правильно вести экономическую деятельность.

Это одна из возможностей раз'единения федеративных частей. Мы этого раз'единения пока не чувствуем, потому что у нас органы юстиции еще слишком слабы, но наступает время, когда должно быть достигнуто большее единение. Вот те краткие слова, с которыми я хотел обратиться к вам. Я могу засвидетельствовать, что в органах правительственной власти все более и более сознается важность работы Комиссариата Юстиции и органов Народного Суда. Это значение Комиссариата Юстиции среди правительства все сильнее и сильнее ощущается. Несомненно, что собравшийся съезд этим же сознанием, которым проникается все больше и больше центральное правительство, должен проникнуться, и это сознание нужно распространить на губернские и уездные исполнительные комитеты, это одна из главных задач, и я не сомневаюсь, я думаю, что пройдет сравнительно немного времени, ибо в революционный период процесс созревания проходит скорее, чем в мирное время, я не сомневаюсь, что сознание важности и значения органов юстиции наступит скорее, чем можно ожидать, и вам, работникам юстиции и народным судьям, нужно быть готовыми к выполнению задачи, которая возлагается на органы юстиции. Позвольте мне пожелать вам на этом новом пути полного успеха, ибо я великолепно понимаю, что, по существу говоря, от успехов органов юстиции будет зависеть укрепление советской власти. Как градусник показывает состояние тепла и холода, так и органы юстиции будут указывать степень укрепления советской власти. Позвольте поже-

лать, чтобы эти мысли глубоко проникли в ваше сознание и не только в органы юстиции, но в наши исполкомы и в сознание рабочих и крестьянских масс. Когда мы достигнем того, что наши крестьяне и рабочие безраздельно будут верить суду, а суд будет рабоче-крестьянский, тогда мы скажем, что Советская власть укреплена и ваша работа имеет в этом отношении доминирующую роль. Позвольте еще раз пожелать вам на этом поприще успеха. (Долгие продолжительные аплодисменты).

Утреннее заседание 29 января 1922 г.

Доклад т. Саврасова о современной карательной политике.—Прения.—Доклад т. Черлунчакевича об адвокатуре.—Прения.

Саврасов. Товарищи, того времени, которое мне предоставлено, как докладчику, в сущности хватит только для обоснования тех тезисов, которые напечатаны в 4 № «Еженедельника». Но я считаю необходимым даже в ущерб обоснованию тезисов остановиться некоторое время, по возможности меньшее, на общем вопросе о наказании. И на том, какие изменения внесло в виды наказания то, что называется новой экономической политикой.

Определение того, что такое есть наказание с нашей точки зрения, было дано в программе Российской Коммунистической Партии в самых общих чертах и развито в «Руководящих началах уголовного права». В последних понятие наказания в достаточной мере выпукло, ясно и подробно определено, тем не менее я должен констатировать и думаю, что товарищи со мной согласятся, что ясного представления о том, что такое наказание с социалистической точки зрения, у нас нет. До сих пор весьма и весьма силен и распространен взгляд на наказание, который приличествует отнюдь не социалистическому строю, а строю самому мелко-буржуазному—взгляд на наказание, как на устрашение, взгляд на наказание, как на нечто такое, чем возможно больнее ударить. Очень многие товарищи совершенно забывают пункт программы Российской Коммунистической Партии, гласящий, что наказание должно свестись как можно быстрее к системе воспитательных мер, что тюрьмы являются учреждениями исправительно-воспитательными. Для большинства товарищей это все слова, которые можно парадно сказать, которые можно изложить в том или ином отчете, в той или иной статье, а когда доходит до дела, то получается следующее. Когда, например, на местах начинают говорить, что следовало бы устроить колонии для лишенных свободы, говорят: «вот еще что выдумываете—дачи! Скажите, пожалуйста, для преступников дачи!» Это не в одном, не в двух местах, это в очень многих местах так говорят. Даже в Москве мне приходилось слышать такие вещи, что надо отобрать у Карательного Отдела колонии и передать кому-то. «Помилуйте, говорят, арестантов держать под Москвой! Их надо посылать в тундры, их надо посылать в Сибирь».

Затем дальше—относительно каторги у нас многие начинают высказываться, что недурно бы устроить нечто вроде каторжных тюрем. И считают, что это вполне социалистично, что так должен думать всякий коммунист. Вот это я считаю необходимым констатировать. Я боюсь, что при так называемой новой экономической политике, когда мы порядочно позиций сдаем мелкой буржуазии, как бы не начали мы скатываться к ее взгляду и в этом вопросе—в вопросе о наказании. Поэтому я считаю необходимым остановиться на нем более подробно. Мелко-буржуазная точка зрения на наказание исходила из природы мелкого собственника. Для мелкого собственника всякое посягательство на его добро—это такое преступление, за которое не жалко никакой кары, и человек, который совершил такое деяние, считался заклейменным на всю жизнь. Вы все помните великолепно фигуру, выведенную у Гюго в его «Отверженных»—это фигура Жана-Вальжана, который всю жизнь не мог освободиться от позорного клейма за то, что он с голоду украл хлеб.

Мы за 4 года эту мелко-буржуазную точку зрения изжили. Вы знаете, что отбывающие наказание в тюрьме у нас работают бок-о-бок с нами. Оporочение это само по себе наказание не дает. Мы в этом отношении привыкли уже смотреть на лишенного свободы, на заключенного, на отбывающего наказание и уже отбывшего, как на человека, а не как на парию. Это очень крупное завоевание революции. И его сдать никоим образом нельзя. К сожалению, не только среди чуждых юстиции работников, но и среди деятелей юстиции, начинает крепнуть (а может быть, и прежде был) взгляд, что мы перебарщиваем; эти товарищи говорят: «само собой, конечно, нельзя допустить, чтобы у нас были такие же тюрьмы, как в царское время, но вот, пример, у вас театры устраиваются—это уже роскошь, слишком свободно заключенные ходят по тюрьме, получают отпуска на дом для свидания с родными—это уже сентиментальность». В этих, с виду не очень серьезных нападках, я усматриваю серьезную опасность. Ведь, очень легко, начиная с театра, лекций, перейти к тому, чтобы потребовать запертых камер для всех заключенных, потребовать, чтобы среди тюрьмы, в особой клетке стоял надзиратель, вооруженный револьвером. Затем недурно потребовать наручники, потом кандалы с подкандальниками... катиться в этом направлении некоторые уже начинают. Я знаю, что в некоторых губерниях—к счастью, не деятели юстиции, а деятели уголовного розыска и уголовной милиции—кандалы применяли. Я по этому поводу протестовал, но не ручаюсь, что кандалы не пошли в ход. Я думаю, что народному суду нужно иметь ввиду, что в вопросе о наказании надлежит становиться на социалистическую точку зрения, что он в этом отношении должен удержаться и не превращать наказание в месть, в кару, в возмездие, в отпущение, и помнить о том, чем наказание должно быть с нашей точки зрения.

Среди наказаний различаются два вида: собственно исправительно-воспитательные и наказания в виде так называемого юридического исправления. К первому относится лишение свободы, когда человек при-

знается опасным и подлежащим изоляции от общества, подвергается различным видам исправительного воздействия.

Другой род исправительных мер, меры юридического исправления— это принудительные работы без лишения свободы, штраф, общественное порицание, краткосрочный арест, словом, меры, где человек непосредственно не подвергается обработке, приспособлению, а где ему дается почувствовать, что то, что он делает, влечет неприятные для него последствия: «пусть ни тебе, ни другим повадно не будет».

Если сравнить эти два вида мер, то было бы правильнее подвергать всех преступников мерам настоящего исправительного воздействия. Но это—утопия и в наших условиях тем паче. Разумеется, мы не можем отнюдь всех преступников подвергать мерам исправительно-воспитательным. Для громадного большинства преступлений приходится оставить меры юридического исправления. Вот почему, если вы взглянете в кодекс, вы увидите большое усиление мер юридического исправления.

Я говорил о том, что в наших условиях подавно невозможно широко осуществлять меры и методы исправительно-воспитательного воздействия. Я имею в виду то бедственное, ужасное положение, в котором оказалось ведомство юстиции в отношении мест заключения. Конечно, было бы странно, если бы среди всеобщей разрухи и упадка, у нас процветали места заключения, как бы они ни назывались, какие бы имена им ни придавались. Конечно, тюрьмы всегда будут соответствовать тому состоянию, в котором находится, вообще, страна. В последнее время, когда мы при новой экономической политике переходим к учету и переходим к твердому государственному бюджету, выяснилось, что государство может дать на всю юстицию, включая сюда и суды, и трибуналы, и отделы юстиции, и бюро юстиции, и следователей, и места заключения, с обслуживавшим их персоналом, может дать настолько ничтожное количество денег, что говорить о развитии сети карательных или исправительно-трудовых учреждений, как мы их теперь называем, конечно, не приходится. Нам приходится говорить не о развитии, а о возможном сокращении их, чтобы поставить эти сокращенные численно исправительно-трудовые учреждения в мало-мальски приличное состояние, чтобы не скатиться в такое положение, в каком уже давно находятся места заключения, подведомственные Наркомвнуделу, так называемые арестные дома, где, напр., частенько заключенные получают только одну соль и кипяток: ни хлеба, ничего другого. Разумеется, нам попасть в такое положение было бы совсем недопустимо при наших разговорах о том, что тюрьмы для нас не есть тюрьмы, а учреждения исправительно-воспитательные.

До сих пор мы очень щедро записывали в тюрьмы кого ни попало. Товарищам уже вероятно надоело читать те циркуляры и всякие отношения, всякие приказы о необходимости возможно большего сокращения притока заключенных, следственных, главным образом. У нас сделалось правилом по каждому пустячному поводу, прежде всего, человека посадить. Когда я думаю, что же это за причина, которая вызывает эту чрезмерную любовь избирать мерой пресечения заключение под стражу, то мне начинает думаться: не потому ли это происходит, что у нас

слишком легко выходят из мест заключения. В самом деле, каково работнику юстиции видеть, что тот, которого он только-что осудил, вдруг попадает под амнистию или экстренную разгрузку. «Что ж, думает он, следственных амнистий не касается, так может быть в виде подследственного подержать его»? Я, конечно, не говорю, что он сознательно так мыслит, но иначе право, нельзя понять, почему, имея дело с человеком, который крепкими нитями связан с данным местом, его все-таки считают необходимым посадить под стражу.

Если мы посмотрим, какой контингент преступников предполагает теперь давать новая экономическая политика, по сравнению с тем, что давала старая, то мы увидим, что население тюрем уже теперь отличается от прежнего, — а в дальнейшем оно будет все больше и больше отличаться. Прежде был, с точки зрения тюремной администрации, «благонадежный» элемент в тюрьмах, не опасный в смысле побега и насилия под надзором. Это — прежде всего, спекулянт, тот, который из торговца в буржуазном строе, превратился в злокозненного спекулянта в течение первых лет революции и который, постепенно, сейчас превращается опять в торговца по разрешению власти. Вот тот тип, который поддерживал тюрьму своим присутствием. Он, я должен сказать, товарищи, был использован, нужно признаться, администрацией в достаточной мере в том направлении, чтобы тюрьма не совсем разрушалась. За счет этого спекулянта и, вообще, подобного привилегированного элемента подкармливались остальные заключенные, на которых в свое время выдавалось только $\frac{1}{4}$ ф. хлеба, а подчас и $\frac{1}{8}$. Здесь что-то происходило, порою неуловимое. Хотя, как следует, вникать в эти дела и было трудно... но я думаю, что, конечно, такой спекулянт арестантское белье и арестантские бушлаты и лапти не носил. Если в тюрьме было 1.000 человек, а из них 600—800 спекулянтов или должностных преступников из числа спекулянтов и только человек 200 воров с Хитрова рынка и т. п. уголовников, если принять во внимание, что милиция в то время не умела с ними справляться, то я думаю, что эти 200 человек, пользовались фактически всем, что предназначалось для тюрьмы, в виде определенного числа хотя бы голодных пайков, и что должно бы распределяться между всеми заключенными. Теперь это положение изменяется, так как, с одной стороны, количество спекулянтов, а с другой, преступников по должности, сокращается. Когда государство выпускает из своих рук целый ряд учреждений и предприятий, то само собой понятно, что и должностные преступления, как бы закон широко их не понимал, все-таки уменьшаются, если принять во внимание те в достаточной мере солидные оклады, которые присвоены лицам, переходящим в разные тресты и в частные, и в получастные предприятия, то я думаю, что всякого рода слишком явные хищения и злоупотребления, которые ведут в тюрьму, значительно сократятся. Словом, мы вправе и имеем все основания ждать, что тюрьмы у нас заполнит, главным образом, «уголовщина», то, что на тюремном жаргоне называется «шпаной», или преступники из числа рабочих и крестьян. Это будут исключительно самые беднейшие элементы населения. И тут уже надеяться на то, что при голодных пайках, при отсутствии одежды и обуви эти содержащиеся в тюрьмах,

как-то сами по себе будут добывать недостающее путем передачи от своих родственников или знакомых, это, конечно, утопия. Можем ли мы это количество заключенных накормить, как следует, чтобы они могли приучаться к труду, можем ли мы их одеть, чтобы они могли работать, можем ли мы их отопить? Нет, на те средства, которые государство отпускает, мы мало-мальски прилично содержать их не можем. Приличным я называю тот минимум, который необходим, чтобы человек, находящийся в месте заключения, мог быть приучаем к труду и мог подвергаться другой обработке в смысле прохождения политической грамоты, прохождения простой грамоты и т. д. Выход отсюда один (другого не придумаешь)—это необходимость максимального сокращения числа попадающих в места заключения. Только те, которые безусловно, абсолютно нуждаются в изоляции, только те туда и должны поступать. Все остальные пускай подвергаются мерам юридического исправления, как напр., принудительные работы без лишения свободы. Краткосрочный арест нам не по карману. Краткосрочный арест, как мера юридического исправления не может быть осуществлена в общей камере, ибо это чистейший разврат, если вы на 2 недели посадите человека за какую-нибудь ерунду в общую тюремную камеру, там он, в этой обстановке, в среде развращенных соседей, может только испортиться. Если же устраивать так, как нужно, т.-е. содержать приговоренных к аресту в одиночных камерах, то у нас средств не хватит. У нас в одиночках сидят по 6 и по 8 человек.

Есть другой выход, который предлагают некоторые увлекающиеся товарищи. Они говорят: «знаете что? переведите нас на хозяйственный расчет, мы тогда не будем стоять государству ни копейки». Это я объясняю исключительно увлекающимся характером и тем, что они очень неопытны. Это обычная история, что человеку, который появился у новой работы, все кажется, какие, дескать, все неосновательные и бесплодные люди—мои предшественники. Вот какой легкий выход из положения они предлагают: перевести тюрьму, как фабрику, на начала хозяйственного расчета. Я не имею времени доказывать, но думаю, что тех товарищей, которые будут обуреваемы такими радужными надеждами, я окачу холодной водой на том совещании завито, которое будет после съезда.

Я думаю, нам придется как можно больше ограничить количество людей в местах заключения, дабы использовать возможно интенсивнее те средства, которые дает государство, чтобы путем развития работы и колоний получить подсобные средства для содержания этих заключенных и, таким образом, постепенно вылезть из того тупика, из той трясины, в которую мы заплели.

Теперь перейду к тем видам наказания, какие у нас есть в кодексе, и к тому, как они будут применяться в жизни. Те наказания, которые были указаны в «Руководящих началах уголовного права», сокращены по кодексу. Вместо 14 видов наказания оставлено 7. Нам пришлось отказать от наиболее характерного, что было в перечне наказаний, приведенном в «Руководящих началах» от того вида наказания, которым все восторгались, а именно, обязать человека, совершившего правонаруше-

ние, выполнить какую-нибудь работу, которая сама по себе не есть наказание. Сколько писалось и сколько говорилось по этому поводу! Мы восхищались этим оригинальным видом наказания и, в конце концов, нам пришлось от него отказаться, потому что это нам не по карману. Ведь, для того, чтобы судить таких людей, которым достаточно пройти политическую грамоту или украсить могилу вождей революции цветами, для таких людей у нас аппарата не хватит. Мы еле-еле в силах охватить более серьезных преступников. Ведь, когда вместо 40,000 пайков, которые полагались на судебных работников при самых скромных штатах ведомства юстиции, нам дали 20, а потом сократили до 15,000, тут не развернешься. Как бы ни были преданы делу наши судьи, но из одного двух-трех сделать мы не можем, и суды не могут справиться со всеми делами, которые должны были бы решаться при более значительном числе судебных учреждений.

Поэтому нам пришлось отказаться от индивидуальных наказаний, таких интересных и своеобразных, как те, которые были указаны в «Руководящих началах уголовного права». Пришлось вернуться к старым, испытанным веками, средствам и только постараться вложить в них содержание такое, которое отличало бы их от наказаний буржуазного строя.

Самым страшным наказанием (я опускаю применение высшей меры наказания), самым строгим наказанием исправительного характера является лишение свободы со строгой изоляцией. Строгая изоляция подразумевает помещение преступника или в особую изоляционную тюрьму (таковых у нас в настоящее время имеется только одна, но, вероятно, число их придется увеличить), или помещение в общем исправительном доме, но в более строгих условиях, а именно: лицо, осужденное со строгой изоляцией, во-первых, помещается отдельно от остальных заключенных и, по возможности, в камерах (я говорю, по возможности, так как едва ли это всегда осуществимо), затем они не могут быть переводимы из низшего разряда в высший, т.-е. в разряд исправляющихся ранее срока, указанного в «Положении об общих местах заключения», отпуска им могут разрешаться лишь тогда, когда они перейдут в разряд образцовых, а из того, что я говорил раньше, вы видите, что срок этот, пока они не могут получить отпуск, очень значителен; на работы ни в какие советские учреждения или предприятия они не отпускаются; в колонии переводятся лишь после перевода в разряд исправляющихся. Таким образом, по отношению к этой категории принцип прогрессивной классовой системы применяется с большей осторожностью, имея в виду особую опасность данных преступников для общества.

Лишение свободы, отбываемое в исправительном доме или колонии, вам всем известно, и на нем я останавливаться не буду. Я только особенно подчеркиваю, что этот вид наказания ни в коем случае не может быть одинаково применяем ко всем преступникам. Здесь целый ряд моментов, которые определяют, куда именно поместить преступника и какой режим к нему применять. Общей мерки здесь быть не может. Вор-рецидивист, карманник и т. п., если и может быть переведен в колонию, то лишь в том случае, если сможет доказать свое серьезное исправление.

Но лицо, совершившее должностное преступление, лицо, преступившее против порядка управления, вообще, случайный преступник,—все эти лица, конечно, могут направляться в колонии, ибо такие лица, связанные с местностью, лица оседлые опасности побега не представляют. Органы, совершающие распределение заключенных, должны внимательно рассматривать каждого человека. Те льготы, которые предоставляются заключенным за их хорошее поведение и трудолюбие, также не могут применяться одинаково ко всем лишенным свободы без строгой изоляции. Опять-таки индивидуальная мерка здесь необходима. Представьте себе человека—случайного преступника, приговоренного за то или иное деяние. Он переводится в разряд исправляющихся и по правилам имеет право отпуска. Он—человек оседлый, местный, у вас нет никаких оснований предполагать, что он в один—два дня повторит преступление, совершенное им раньше, и у вас, таким образом, является полная возможность дать ему отпуск. Представьте теперь себе вора-карманника: прекрасно себя ведет, давно переведен в разряд исправляющихся и как будто бы определенно исправляется. Представьте себе, что вы его отпустили на одно воскресенье в отпуск и он сел в трамвай. Уверены ли вы в том, что у него не явится искушение проделать вновь то, что он делал раньше? Конечно, вы не уверены. И поэтому, как это ни прискорбно для заключенного, вы ему в отпуске должны отказать. Для заключенных этой категории одной мерки у вас быть не может.

Мы спроектировали положение о «переходных исправдомах» (в ближайшее время оно будет опубликовано, пройдя через коллегию Наркомюста), туда будут направляться заключенные из общих исправдомов по переводе их в разряд исправляющихся или образцовых. Это будут своего рода колонии, устроенные не в деревне, а в городе, где отчасти работы будут идти внутри самого исправдома, а отчасти, и даже, главным образом, заключенные будут направляться в предприятия и учреждения без конвоя, с обязательством возвращаться по окончании работ в исправдом с тем, чтобы подвергаться дальнейшим мерам воздействия—культурно-просветительным. Администрация такого исправдома устанавливает тесный контакт с теми учреждениями, где работают эти заключенные, устанавливает контакт с ком'ячейкой, комитетом служащих и пр. и путем постоянного наблюдения старается влиять на заключенного и дать ему возможность быть представленным к досрочному освобождению. Эти переходные исправдомы есть те «учреждения для испытуемых, подлежащих досрочному освобождению», которые мы мыслили еще в 18-м году во «Временной инструкции о лишении свободы, как мере наказания» и которых осуществить до сих пор не могли. Для таких переходных исправдомов наиболее подойдут освобождающиеся концентрационные лагеря.

По имеющимся у меня сведениям, число заключенных там лиц значительно убавилось. Затем, вероятно, будет решен вопрос, поставленный еще 3-м с'ездом на очередь,—вопрос об объединении всех мест заключения для отбывающих наказание в руках Наркомюста. Если этот вопрос будет решен, то он, вероятно, будет решен в пользу Наркомюста, а не Наркомвнудела, и тогда эти лагеря будут в наших руках, и мы там сможем устроить эти переходные дома со смягченным режимом. Я

сказал: **вероятно**, перейдут, **вероятно**, будет признано, что в юстиции должно быть сосредоточено дело исправления преступников. Я должен сказать, что такая осторожная моя формула вызывается тем, что Наркомвнудел и его деятели до сих пор придерживаются той точки зрения, что дело юстиции судить, а применять наказание, это—дело органов управления. Само собою разумеется, если лагеря будут переданы в ведение исправтрудотделов, они не останутся, как лагеря, ибо с пенитенциарной точки зрения концентрационные лагеря, лишённые какой бы то ни было системы и плана, где все решительно свалено в одну кучу, и нет разницы между человеком, отбывающим наказание за трудdezертирство, и крупным уголовным преступником или вором-рецидивистом—являются **уродливым учреждением**.

Теперь я хочу остановиться на одной из главных мер наказания, которую, **вероятно**, придется применять судам в большом размере. Это—**принудительные работы без лишения свободы**.

Какова природа этого наказания? При лишении свободы, которое само по себе есть наказание, труд не есть принудительный. Труд в местах лишения свободы обязательный, но труд, как средство воспитания, должен быть по возможности, по склонности и по способностям человека. Такой труд, это—главнейший фактор и главнейший элемент воспитания. Это очень важно. У нас не каторжные тюрьмы, у нас места лишения свободы с обязательным трудом, который является и фактором исправления и приспособления преступника. Другое дело—**принудительные работы**. Здесь лишения свободы нет, но здесь зато труд принудительный. Пускай человеку не повядно будет повторить преступление. Для этого ему назначается работа не по его желанию, такая, которая ему неприятна, и этот подневольный труд, который он должен вынести месяц, три или шесть,—это и есть для него наказание.

Теперь посмотрим, как обстоит дело с принудительными работами практически. Все поголовно говорят, что с тех пор, как бюро принудительных работ отошли в отделы управления, получают такие истории. Приговорен судом к наказанию человек, который получал небольшое жалование, получал маленький паек. Зарегистрировался он в бюро, и его направляют в учреждение, где великолепный паек, великолепное жалование. Раньше нельзя было свободно переходить с места на место, и вот для того, чтобы улучшить свое положение, для этого нужно было совершить преступление. И до сих пор продолжается то же самое: не обращается никакого внимания на то, чтобы это наказание было наказанием. Принудительным оно называется только потому, что человека принишут к тому или иному учреждению. Эта нелепость должна быть устранена. Все паллиативы, все заплаты, которые мы накладывали, ничего не дают. Единственное правильное решение, которое предусматривается проектом уголовного кодекса, это—передать принудительные работы в ведение органов юстиции. Это не будет значить, что сама работа будет назначаться органом юстиции. Она может предоставляться отделом труда, но характер работы обязательно должен указываться органом юстиции.

Проект кодекса различает два вида наказания: принудительные работы по специальности и принудительные работы неквалифицированного грубого труда. Если по отношению ко второму наказанию, вероятно, никаких сомнений не возникнет, то по отношению к первому возникают сомнения,—какое же это наказание, когда работа по специальности. Здесь нужно отметить следующее: работа по специальности—это не значит исполнение той работы, которая исполнялась раньше до приговора. Эта работа должна быть такого же вида и характера, но не такая именно. Скажем, бухгалтер ставится на работу счетовода-контролера, это—работа по той же специальности, но с понижением; или, например, слесарь-инструментальщик ставится на работу подручного слесаря. Если к этому прибавить обязательные сверхурочные работы и обязательный перевод на другое место, то характер принудительности и в этом слабом виде наказания все же остается. Я мыслю еще один вид наказания, но в этом отношении я мало встречаю поддержки. Он заключается в том, что принудительную работу по специальности осужденный отбывает в другом городе. У нас есть большой спрос на технических канцелярских сотрудников в наших автономных областях и на окраинах. Огромный спрос—и мне казалось, что если бы человека, присужденного к принудительным работам по специальности на полгода, отправить туда, это было бы хорошо; тогда не нужно было бы заботиться о том, чтобы переводить его на менее оплачиваемую работу, потому что этот момент наказания был бы заменен принудительным помещением в другое место жительства. Я встречаю этому моему мнению возражения, потому что считается, что это было бы уже ссылкой.

Следующий вид наказания типа юридического исправления, это—штраф. До сих пор штраф применялся в весьма незначительном размере и это вполне понятно. Теперь это положение изменилось и я думаю, что штраф,—и это показывает проект кодекса,—получит очень и очень большое развитие. Для нас этот вид наказания один из самых удобных по вполне понятным основаниям: ничего не стоит и даже даст доход. Не буду останавливаться на других мерах наказания, во-первых, потому, что они достаточно очерчены в кодексе, во-вторых, у меня времени мало.

Я вначале говорил, что мы мыслим, в строгом соответствии с программой нашей партии, лишение свободы, как меру исправительно-воспитательную. Она может быть таковой только тогда, когда сроки наказания будут достаточны для того, чтобы действительно применить эти методы. Наивно было бы воображать, чтобы взрослого человека в 1—2—3 месяца можно было бы перевоспитать или приспособить. За этот срок с ним и познакомиться то не успеют. Поэтому кодекс предусматривает, что минимум лишения свободы должен быть 6 месяцев. Второе условие правильного функционирования исправительно-трудового учреждения, как именно исправительного, это—постановка такого учреждения в нормальные условия жизни. Я пропустил то, о чем мельком упомянул раньше: это—недопустимость никаких разгрузок. Действительно, судебные работники вправе возмущаться: только посадили человека, а его уже выпускают через другую дверь. Руки отваливаются,—говорят они. Они правы. Это такое дискредитирование суда и наказания, и нашего

принципа, что тюрьма не есть угроза, а есть мера воспитательная, что, я думаю, не найдется никого, кто бы стал утверждать противное. Всякие амнистии, индивидуальные помилования и экстраординарные разгрузки должны быть как можно скорее прекращены.

Перехожу к нормальным условиям. Каковы же должны быть нормальные условия, чтобы исправдом был действительно исправдомом? Прежде всего, надо, чтобы не было таких случаев, когда в одиночной камере, в которой с трудом могут поместиться двое, помещаются десять человек. Это ясно. Как это сделать? Это сделать можно только так, как я говорил. Пока следственные и судебные органы не изменят своего взгляда на арест, как на меру пресечения, до тех пор мы не избавимся от скученности. Надо быть смелее. Ну, пускай из 100 человек 10 скроются от суда и следствия и их придется разыскивать. Это будет все-таки лучше, чем если из 100 человек осужденных вам нужно будет 90 человек через месяц освободить. Затем практический вопрос, очень существенный и важный. Государство дает в лице снабжающих органов для мест заключения ничтожное количество снабжения. Например, на всю Республику для 90 тысяч содержащихся в наших местах заключения было отпущено всего 100,000 аршин ситцу, по аршину на человека; из этого аршина надо шить одежду, несколько комплектов белья, из этого надо сделать сапоги и шапки. Вы представьте себе это положение! В таком же размере отпускаются топливо и прочие предметы снабжения. Мы добились в Совнаркоме, чтобы нам можно было докупать на деньги то, чего не отпускают снабжающие органы, губпродкомы, земотделы, совнархозы и проч. Но, ведь, это, — в конце концов, в достаточной мере пустые фразы. Мы можем покупать, но на что, когда кредитов слишком мало? Необходимо, чтобы съезд подчеркнул, что деньги, заработанные местами заключения, не должны сдаваться в доход казны. Получается, что все, что заработано от колоний, от мастерских, все это немедленно попадает в финотдел, но когда доходит до того, чтобы в скромных пределах отпускаемых губотюсту кредитов он мог что-нибудь получить, то оказывается, денежных знаков нет. Это — нелепость, но ничего не поделаешь. Мы не можем ничего возразить, так как это — закон. Но этот закон должен быть изменен. Тюрьмам должна быть разрешена и предоставлена возможность обращать выработанные деньги в свою пользу, а не сдавать их казне.

Теперь дальше вопрос о людях. Некоторые воображают, что мы можем поставить мастерские так, что они будут не только кормить заключенных, но и окупать само содержание тюрем, отопление, освещение и т. д. Но как это произойдет, если у нас не будет людей?

Положение тюремных служащих ужасно; об этом говорить нечего. Работа год от году становится тяжелее. Если еще в начале некоторые из старых элементов чувствовали себя в своей среде, находясь среди контр-революционеров, среди спекулянтов, то теперь этого нет. Прежний контингент заключенных исчезает. Удовольствие получить нож в бок или удар от какого-нибудь бандита все больше и больше увеличивается. Идейных работников в области тюремного дела всегда и везде мало. Нечего предаваться машиловским мечтаниям, что их будет очень много.

Этой скучной, тяжелой работой в тюрьмах заниматься мало кто хочет. Если, например, у учителя есть возможность пойти в школу, пусть плохо отапливаемую, грязную, и заниматься там с детьми, то для чего он пойдет в тюрьму? Чтобы иметь возможность лицезреть преступный элемент? Ясно, что необходимо воспитателей в тюрьмах поставить в лучшие условия. Возьмите инженера, возьмите техника—все те элементы, которые нужны тюрьме, они должны быть поставлены в лучшие условия, чем такие работники, которые работают на свободе. Надо учесть этот момент специальных условий работы в местах заключения. Между тем, как разрешили вопрос, который поднят ЦИТО уже давно, о том, чтобы было введено специальное премиальное вознаграждение служащим мест заключения за развитие работ и именно всем служащим, ибо в развитии работ принимают участие решительно все тюремные служащие? ВЦСПС нашел, что надзиратели и воспитатели отношения к производству не имеют никакого и проект ЦИТО отклонил. Но, ведь, если надзиратель выведет во-время заключенных на работу, если они выйдут на полчаса раньше, это есть большой плюс для производительности.

Относительно культурно-просветительной работы в местах лишения свободы я должен указать, что мы настаивали на передаче ее из Наркомпроса обратно в ЦИТО. Все работники на местах знают, что передача этой работы в Наркомпрос фактически свелась к номинальной передаче и Наркомпрос, как и его местные органы, ничего не делали, за крайне редкими исключениями. Фактически работа эта совершалась в местах заключения своими силами, полукустарным способом, и я думаю, что сейчас, когда у Наркомпроса ослабло стремление все захватить в свои руки, когда он убедился, что ему впору справиться только со своими школами, я думаю, что право вести культурно-просветительную работу в тюрьмах мы, вероятно, получим.

Я, товарищи, целый ряд тезисов опускаю в виду краткости времени, потому что они отпечатаны в «Еженедельнике Юстиции», но вот какой имеется пункт очень серьезный. Это—вопрос о «чехарде». Товарищи, эту чехарду нужно уничтожить. Не забудьте, что заведующий местом заключения или заведующий исправдомом, это—работник такой, который на дороге не валяется и которого взять не так легко. Это есть в одно и то же время администратор, хозяйственник и человек с известным педагогическим, пенитенциарным стажем. Вот что представляет собой образцовый начальник, заведующий местом заключения или заведующий исправтруд. У вас же такой взгляд, что его можно сделать в две недели. Без всякого преувеличения я скажу, что в некоторых губерниях за полгода сменяется несколько заведующих исправтруд и начальников исправдомов. Очевидно, предполагается, что в несколько недель человек все изучает и уже может справиться с такой неимоверной сложной и многообразной работой. Я когда-то подсчитывал, есть ли ведомства, к которым исправтруд не имел бы отношения. Таких не оказалось. Этот арестантский мир, это настоящий микрокосм, где налицо все стороны жизни. Дальше встает вопрос об определении положения исправтрудов внутри отделов юстиции. В настоящее время в некоторых местах замечается довольно своеобразное стремление обратить эти подотделы, бывшие карательные,

теперь исправительно-трудовые, в техническую канцелярию при завотюсте.

Я думал: чем объясняется, что 4 года завотюсты в технику каротделов не вмешивались, а теперь стали вмешиваться? И у меня возникла мысль, не потому ли это происходит, что у завотюста стало работы мало по сравнению с прежней. Судебные учреждения сорганизовались и работа в этой области сократилась. Борьба с нарушением законности по целому ряду причин оказалась фактически вне компетенции завотюстов. И вот они, ища работы, устремили свое внимание на исправтруды. Некоторые, например, требуют себе на просмотр всю корреспонденцию, входящую и входящую, сам заведующий отделом юстиции получает почту и распределяет ее. Конечно, это совсем не нужно, достаточно, если заведующий отделом юстиции в общем и целом следит за деятельностью исправительно-трудового подотдела, как, по проекту Крыленко, будет следить в дальнейшем, когда отделов юстиции не будет, прокурор; он будет следить, нет ли нарушений уставов, положений, нет ли злоупотреблений и т. д.; но вмешиваться в повседневную техническую работу, это, во всяком случае, дело не будущего прокурора и не нынешнего заведующего юстицией.

В связи с тем, что места заключения у нас должны быть объединены в одном ведомстве, необходимо, чтобы это объединение было неразрывно связано с фактической централизацией, т.-е. с деятельностью по одному плану. Этого, к сожалению, нет. И нередко бывает, что является в центр представитель с места и заявляет: вы знаете, мы любопытную историю придумали, мы заключенных, переведенных в разряд исправляющихся, отпускаем на 2 часа в день гулять по улицам. И это преподносится с такой милой улыбкой и так трогательно, что, действительно, поражаешься и не знаешь, что делать: отдать такого заведующего под суд или посадить в дисциплинарном порядке, или рассмеяться. Насколько сильно до сих пор представление о том, что вопросы наказания относятся к сфере местных вопросов, видно из таких, например, фактов.

В одном из северных городов губисполком воспретил, чтобы заключенным оплачивали работу по ставкам профсоюза. Недопустимо, чтобы губисполкомы решали сепаратно пенитенциарные вопросы. Может-быть, тот или иной губисполком заполнен такими товарищами, которые мыслят себе тундры и Верхотенск, как идеал пенитенциарных мер: в последнее время очень многие говорят о Новой Земле: «хорошо бы там устроить тюрьмы, уж никто не убежит».

Недопустимо, товарищи, чтобы уездные места заключения ускользали из общей схемы, а они ускользают. До сих пор, через 4 года, некоторые уисполкомы назначают заведующих тюрьмами помимо исправтруд; назначают людей, абсолютно ничего не понимающих в деле. Уисполкомы эти не только в общих пенитенциарных вопросах, но и в деталях, определенно несведущи: не понимают, напр., что нельзя предписывать начальнику тюрьмы то, чего он по существующим правилам сделать не вправе, а такие случаи бывают, один уисполком предписал выдать для такого-то завода столько-то из тюремных запасов, начальник тюрьмы отказался выполнить распоряжение и был отстранен от должности уис-

полкомом. Началась переписка по всем инстанциям, «пошла писать губерния». До сих пор переписка продолжается. Конечно, этот порядок нужно прекратить, это вещь невозможная.

Я закончу пунктом о распределительных комиссиях. В последнее время, после того, как инструкция о досрочном освобождении, еще в 18-м году изданная, была проведена, как декрет, распределительные комиссии выдвинулись из той тени, в которой они находились. Они получили общее признание и общий интерес, но, к сожалению, сюда сейчас же начали вмешиваться лица, которые слишком по-топорному подходят к делу. Решив, что это своего рода судебные органы или особые административные места, стали сажать своих представителей. Это, конечно, большая ошибка. Распределительная комиссия не судебное и не административное учреждение. Это учреждение, которое должно фильтровать преступников, ибо нельзя полагаться на заключение администрации места заключения, нужно его проверить, для этого и существует распределительная комиссия. Она проверяет мнения и соображения администрации исправительно-трудовых учреждений и делает свои выводы о направлении заключенных в колонии, скажем, переходные исправительные дома, в изоляционные тюрьмы и т. д., решает вопросы о предоставлении тех льгот, которые находятся вне компетенции администрации мест заключения, и, наконец, вопросы о представлении к досрочному освобождению. Здесь, конечно, должны быть люди очень хорошо знакомые с пенитенциарным делом, насколько это возможно в настоящих условиях. Здесь система представительства — полнейшая нелепость. А в них оказываются представители и от отделов управления, и от ЧК, и от отделов труда, совершенно ненужная вещь. С этим можно мириться, как с необходимостью, и на это я в свое время указывал, что если нет других работников, то в силу необходимости приходится прибегать к этому, но это нельзя считать правилом. Правилом должно быть привлечение людей, как можно более интересующихся пенитенциарным делом, педагогов, чтобы преступник, действительно, изучался. Конечно, быстро мы это не сделаем, по направлению, тенденция, должна быть именно такая. Сюда мы должны идти, а не стремиться превратить распределком в междуправительственный орган. Я думаю, что если мы улучшим распределительные комиссии, которые превращаются в бюрократические учреждения, если мы создадим в качестве подсобных для них органов наблюдательные комиссии, которые будут наблюдать за местами заключения, и если распределительные комиссии будут исполнять ту инструкцию, которая им дана, т.-е. будут поручать отдельным членам ознакомление с личностью преступника, если это твердо будет проводиться, то можно с уверенностью сказать, что суд, решая вопрос о досрочном освобождении, действительно, будет иметь отзыв живого учреждения, а не такого бюрократического учреждения, каким комиссия нередко является в настоящее время.

В самом деле, распределительная комиссия часто базируется только на заключенных, представленных администрацией места заключения. Разве это правильно? Разве она не должна выслушать настоящее заключение человека, который проверил эти данные, который сам побывал в

тюрьме и проверил, как работает заключенный, посещает ли он школьные занятия и т. д? Этого не делается, но это должно делаться. Поэтому меры против бюрократизации распределительной комиссии конечно принять необходимо.

Председатель. Мы открываем прения. Записалось 12 человек. Голосу: кто за то, чтобы открыть прения? Кто против? Голоса разделились поровну. Президиум стоит за то, чтобы открыть прения.

Дьяконов. Тов. Саврасов, представитель Наркомюста, сказал чрезвычайно много ценных мыслей в отношении пенитенциарных дел, в особенности, должен отметить одну из ценнейших его мыслей о том, что мы, судебные деятели, часто совершенно не придаем значения лишению свободы и чрезвычайно злоупотребляем этой мерой наказания. Мне пришлось писать в «Известиях» в 1918 г. статью «Кладбище живых», говоря о тюрьмах. С тех пор прошло уже 4 года. Я побывал в Самаре и по прошествии долгого времени вспомнил эту статью. Эта статья очень беспокоила, в частности, тов. Саврасова. Я застал ту же самую картину и вспомнил те же самые мысли и те же самые слова, которые говорил в 18-м году. Это форменное кладбище живых, форменная морилка. А почему это происходит? По вине нашей карательной политики, по вине наших судебных учреждений. Наши деятели далеко не прониклись пониманием, какие цели преследует наказание. Мне приходилось быть председателем трибунала в 1917 году и я должен сказать, что душа судьи до сих пор волнуется и будет волноваться мотивами устрашения. Несомненно, душа судьи, который вырос из нашего народа, из нашей мелко-буржуазной стихии не может отвлечься от чувств и от влияния, как-раз мелко-буржуазного общества, поддается ему и часто забывает о том, что наказание есть мера и средство обезопасить общество от преступления, есть мера воспитательного характера. Эта мера—тюрьма, но и высшая мера, так называемый расстрел, которой, в особенности, трибуналы, очень часто злоупотребляют,—эта мера чрезвычайно опасна, чрезвычайно тяжела, чрезвычайно болезненна для общества и чрезвычайно болезненна для самого преступника и поэтому, применяя ее, каждый судья должен быть особенно осторожным, особенно взвешивать обстоятельства дела. И если решать этот вопрос, то решать судья должен так, чтобы у него не оставалось никогда ни тени сомнения о том, что человек может исправиться или может быть безопасным для общества, а это может быть только тогда, когда мы абсолютно освободимся от предвзятого взгляда на наказание, как на устрашение. Если мы пойдем по этому пути, мы можем дойти до самых высоких мер наказания и до самых мучительных. Я хотел бы отметить узкий взгляд представителя Народного Комиссариата Юстиции на карательную политику. Я хотел бы услышать слово о карательной политике. Та теория и практика, которая существует в Наркомюсте, она заражена буржуазными принципами. Мы должны сказать, что тюрьма сама по себе и что наказание совершенно не лечит общество от преступлений. Мы, как марксисты, должны прекрасно понимать корень и источник преступления. Мы хорошо знаем могучее значение так называемых социально-экономических факторов, к которым подходят экономические условия, законодательства. На это

мы должны обратить внимание. Есть ли у нас какая-нибудь связь или учет о зависимости преступлений от экономических факторов. Есть ли у нас система карательной политики? Ее не было и нет до сих пор, а, между тем, она крайне необходима. Без этого мы не можем целесообразно бороться с преступлением. Задачей суда, задачей наказания и приговора, является не только то, чтобы преступника осудить, наказать и проч., но и показать государству и обществу, где причина преступления, где источники и корень зла, и этот корень зла вырвать. К сожалению, должен сказать, что на это наши трибуналы и наши суды недостаточно обращают внимание. Не только наказание есть воспитательная мера, но и самый приговор и мотивировка приговора имеет часто громаднейшее и более общественное значение, чем самая высокая мера наказания. Судья является не только механически приговаривающим того или другого гражданина к наказанию, но это есть врач, целящий общество, указывающий часто нашим законодательным и административным органам на причины преступности. Учитывается ли у нас, что в связи с тем или другим законом о продналоге и разверстке, в связи со стихийным бедствием в той или другой местности развивается то или другое преступление? На эту сторону до сих пор не обращается внимание. Учет преступления, учет и контроль во всякой борьбе необходим и только тогда может быть целесообразно направлена наша судебно-карательная работа. Нам придется в ближайшем будущем поставить наилучшим и правильным образом этот учет и контроль. В особенности, при новой экономической политике, когда входят в поры нашего общества буржуазные отношения, это становится необходимым. До сих пор мы жили в эпохе военного коммунизма. Особенно мы должны будем обратить внимание на значение социальных факторов преступности. А точка зрения, которая существует у нас хотя бы в официальных наших узаконениях, она до некоторой степени устарела для новой экономической политики. Нам придется и карательную политику, как таковую, поставить более широко и взглянуть на это дело несколько может быть иными глазами. Наша новая экономическая политика несомненно, выдвигает и выдвинет целый ряд совершенно новых преступлений, которые мы должны будем учесть и учесть зависимо от различных факторов преступности. Юстиция есть могучее орудие пролетариата в борьбе с его врагами, в борьбе со старыми пережитками. Юстиция есть своего рода штаб, который должен бороться с преступностью. А что нужно для штаба? Карты, статистика, расположение на карте черными пятнами мест преступности, указание, откуда идут эти кадры преступников, где они формируются, куда нужно направить наш меч, где сосредоточить силу удара, где нужны социально-экономические меры воздействия, а где другие меры—все это должно быть задачей нашей карающей политики. Тогда только наша карающая политика попадет в цель, тогда только наша юстиция добьется своего и мы будем действовать не в пустую, как действовали до сих пор.

Смирнов. По моему т. Дьяконов немного переборщил. Я слушал его и думал, что у нас все благополучно, мы своего достигли и теперь почитаем на лаврах победы. Все это—хорошая штука. Говорить можно и о том обществе, которое не поправишь тюрьмой. А я спрошу вас, а

какое общество вы здесь подразумеваете. За 4 года существования трибунала я убедился, что 70% собственников и интеллигентов совершают преступления—к этим какой метод воздействия разрешите применить? Воспитание. Да они вас в тысячу раз больше научат и в тысячу раз больше вас знают, потому что они достаточно обучены и достаточно воспитаны. Но их сажают в тюрьму. Конечно, их надо в тюрьму, надо сажать и сажать крепко. А к сожалению, у нас до сих пор сажают слабовато. Я удивился некоторым товарищам, которые на таком интересном докладе уходили и не обращали на него внимания. Я мыслю себе доклад Саврасова и нашу карательную политику,—что это все. Но сколько вы не придумывайте мер воздействия, какие кодексы не составьте, с какой меркой не подходите к каждому обвиняемому,—все равно без правильной постановки карательного дела у нас в Республике вы будете играть впустую. Я уже на губернском съезде работников юстиции говорил, что мы в одну дверь обвиняемого выпускаем, а в другую он выходит и на другой день встречаешь—едет на извозчике. Припоминаешь: физиономия знакомая, позавчера вынес ему приговор, осудил на 5 лет, а сегодня он едет на извозчике. С такой политикой дела не сделаешь. Далеко с ней не уйдешь и судьям приходится кричать об этом, потому что так продолжаться дальше не может. Вся наша работа в целом, так крепко связана с карательной политикой и постановкой карательного дела, что на этот вопрос надо обратить сугубое внимание. Ведь, легко и хорошо говорить и слышать и очень приятно узнать, когда некоторые товарищи говорят, что у нас все так благополучно, что, конечно, надо применять только условное наказание, только выговор, только принудительные работы без лишения свободы и прочее. Все это надо и все это хорошо и мы сами знаем, что надо. А вот до сих пор, не знаю уже по каким причинам—может-быть, есть вина и безусловно есть вина Центрального Карательного Отдела, может-быть, есть и безусловно есть вина НКЮ в целом, может-быть, есть и вина нас всех—и безусловно, больше всего виновниками здесь являются объективные условия нашего времени, в которых мы живем, но мы не говорили, что у нас все обстоит благополучно. Ведь, если мы теперь в продолжении 3—4 лет применяли условные наказания, принудительные работы без лишения свободы, а мне кажется, поскольку практически приходится наблюдать, у нас в одной Москве 80% приговоренных приговаривается к принудительным работам без лишения свободы. Спрашивается—кто-нибудь из них палец о палец ударил, чтобы что-нибудь сделать? Нет. Да они и не хотят обращать на это внимания. Выпесешь ему приговор, а он берется за шапку и спокойно уходит. Некоторые более добросовестные люди приходят к нам в трибунал и говорят: «меня приговорили к принудительным работам и я вот 4 дня хожу и нищу, чтобы кто-нибудь меня взял работать, да никто не берет». Это штука серьезная, спрашивается: что же мы впустую будем играть с вами. Будем 90% нашей энергии и работы, судопроизводства и судового процесса тратить на то, чтобы эти 90% приговаривать к принудительным работам без лишения свободы, а они будут гулять, никаких работ производят не будут, как и до сих пор не производили. Сказать: «мы, коммунисты, должны соблю-

дать пункты партийной программы»—очень красиво. Но что в данный момент мы имеем право говорить об этом или нет? Нет. Это получается пустое место, и пустые слова. Выражаясь вульгарно, здесь есть болтовня и ничего больше. Голубчики мои, ведь, если мы что-нибудь делаем, то надо делать серьезно, чтобы наша работа шла более или менее в помощь государству и нашему обществу. Обратите внимание и на следующую картину. Кто до сих пор ведал у нас местами заключения? Мы знаем, что одна тюрьма принадлежала ВЧК, другая Внутделу, третья Центральному Карательному Отделу. Значит, в каждой тюрьме был свой хозяин и не было никакого порядка. Все лагеря, в чьем ведении они находятся? Мы этого не знаем. Говорят, что некоторыми Нарковнутдел ведает, а некоторые ВЧК забрала. В один лагерь я прибыл случайно. Спрашиваю коменданта, «пойдем посмотрим, что у вас здесь делается, как живут». Пошли. Театр поставлен хорошо. Вхожу в одно помещение,—спрашиваю коменданта: «это что за люди сидят?»—«Это с Сухаревки, так называемые «шпаки».—«Что же они у вас—что-нибудь делают, пускаете их на работу?»—«Нет нельзя: они сейчас убегут». И вот они сидят, пьют, едят, получают пайки и ничего не делают. Такова постановка дела у нас в лагерях. К чему—нибудь хорошему это приведет? Нет. Ведь, мало академически подойти к вопросу и академически его разрешать. И нам бросают обвинение, что многие судьи сажают в тюрьму, а на свободу никого не выпускают. Да возьмите, наконец, положение судьи. Он сажает в тюрьму, приговаривает к принудительным работам без лишения свободы—и тот и другой на свободе и возмущаешься здесь не тем, что много на свободе гуляет, а тем, что на свободе гуляет как-раз не наш брат, а тот, кто умеет выйти на свободу, у кого есть сват-брат с положением, у кого есть кому похорониться, кому в двери лучше пройти. Жена рабочего или жена какого-нибудь крестьянина, в эти двери не пройдет, потому что она в платочке, а жена того в шляпке пройдет, эта и говорить не умеет, а та, что называется культурная баба. Этот протекционизм, который нас задушил, часто возмущает судью. И поделом, приходится возмущаться.

Я не знаю, кому следует на это обратить внимание. Я думаю нам с вами. И вот товарищи, я мыслю, понятно, что и наш Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, находясь в таких тяжелых объективных условиях, очень часто вынужден в виду такого стихийного наплыва преступного элемента—70% интеллигентов и собственников: тут причина социальная и о ней я не буду говорить—принужден применять часто амнистию. И вот амнистия, вы знаете, что это такое. Как амнистия, так любой жирный, крупный спекулянт, будучи в тюрьме, он рассчитал, что к октябрю амнистия, и он пачками пишет прошения и выходит на свободу. К нему применяется амнистия по всем правилам. А наш брат сидит и не дожидается амнистии. Очень много дезертиров сидят и очень долго сидят. Часто так бывает: сидит—несколько месяцев осталось до половины срока. Трибунал хочет применить амнистию, а Центральный Карательный Отдел говорит, это что такое за самоуправство. И такие случаи были, Леонид Аркадьевич! Были такие случаи, когда трибунал хотел освободить крестьян; а Центральный Карательный

Отдел присылал бумажки, — «на каком основании вы нарушаете закон». Вот, товарищи, какое положение. Я еще останюсь вот на каком моменте. Я считаю, что тут не надо ссылаться на объективные условия, этого можно избежать. До сих пор вот те, которые так широко говорят, что нужно воспитывать, а не карать, нужно больше обращать внимание, чтобы исключительно воспитывать и поменьше суду надо выносить приговоры — сажать в тюрьму — так вот Центральный Карательный Отдел обратил ли внимание на то, чтобы в тюрьмах, где сидит 90% рабочих почаще какие-нибудь лекции читались. Лекции, а не концерты с Неве-ровскими и Шавинскими. Их нет. Вы придете в любую тюрьму, вы увидите там театр, а что в театре. Балаганщина. Балаганщина не воспитывает преступников, а еще хуже развращает. Я вам сошлюсь на один пример, очень характерный. Один балаганный актер был приговорен в тюрьму и вот не успел попасть в тюрьму, как во все двери пошли ходатайства. Трибунал отказал в свидании его жене. Так вот его жена устраивает концерт и устраивает балаганный номер, где участвует этот артист вместе со своей женой и развлекают арестованных. Такое воспитание для тюрьмы — это пагубно, это отвратительно. Если, товарищи, мы серьезно хотим сосредоточить свое внимание на нашей карательной политике, то нужно подходить не так. Саврасов говорил о бюрократизме распределительной комиссии, а я считаю, что нет более бюрократического аппарата, как наш Центральный Карательный Отдел. Это надо прямо сказать. Я не знаю, кому следует на это обратить внимание. Я думаю, что после с'езда мы скажем: «товарищи, с нашей карательной политикой так дальше продолжаться не может». Саврасов ссылался, что начальником тюрьмы должен быть педагог. Скажите пожалуйста, почему же центральный орган не позаботился царских начальников тюрьмы прогнать? А их давно нужно прогнать.

Голос из президиума. А их много.

Смирнов. Много. Саврасов указывал, что председатели исполкомов выгоняют начальников тюрем и заменяют другими. Это ему казалось невероятным. Это потому, что в массе уездных тюрем имеются еще старые царские начальники. Товарищи, я понимаю местные власти, понимаю уездных исполкомщиков и председателей исполкомов, они правильно поступают, потому что нельзя это допускать. Это возмутительно. Мне часто приходилось возмущаться. Я приезжаю в Подольский уезд. Смотрю, выходит так пудов на восемь начальник тюрьмы. Это, говорю, кто такое? Я — начальник тюрьмы. Спрашиваю председателя уездного исполкома. Почему не убрали? Не знаю. А давно надо бы убрать. Здесь надо поставить своих преданных, честных коммунистов, которые бы приносили пользу. И вот я думаю, что весь гвоздь нашей карательной политики заключается в том, чтобы сегодняшнее заседание сказало, чтобы все тюрьмы, все лагеря и все арестные дома сосредоточить в одном централизованном государственном аппарате, и второе сказать, чтобы центральные органы РКП и ВЦИК обратили самое сугубое и серьезное внимание, чтобы более или менее материально за счет других, может-быть, наркоматов помочь Наркомату Юстиции в смысле правильной постановки карательного дела в России, и третье, — надо в уголовный кодекс ввести

одну статью, чтобы за те протекции, которые у нас порой ответственные товарищи оказывают, сажали в тюрьму, тогда, может-быть, не будут выпускать тех, которых нужно держать, и тогда, может-быть, больше будет на свободе тех, которые должны быть на свободе по праву и по закону, ибо они имеют право быть больше на свободе, потому что они вместе с нами в октябре 1917 года сражались за интересы рабочего класса. Нужно также, чтобы не распределительная комиссия, а контрольная комиссия надзидала за деятельностью Центрального Карательного Отдела, чтобы он сосредоточил все лагеря в своих руках, чтобы эта контрольная комиссия подталкивала и сказала, что вот, господа, пожалуйста отчеты, доклады, цифры, пожалуйста все это сюда. Вот как я мыслю, нужно построить наше карательное дело, может-быть, вам надо сосредоточить свое глубокое внимание и дать план, как практически подойти к нашему карательному делу, а я утверждаю и вы не откажете также подтвердить, что наши карательные отделы, народный суд и народные судьи—это одно, и только с правильной постановкой карательного дела, только с правильной постановкой народного суда, мы сумеем защитить интересы пролетариата и диктатуру пролетариата.

Алимов. (Омск). Товарищи, что здесь говорил т. Смирнов, если это наблюдается в Москве, то наблюдается и в таких далеких окраинах, как Сибирь. Может-быть, на этом съезде не первый раз слышим доклад Центрального Карательного Отдела с его тезисами и устанавливаем не в первый раз ту политику, которую вел Центральный Карательный Отдел. Выкиньте, товарищи, серьезно ли такое предложение, в осуществление которого не верит сам докладчик, т. Саврасов. Он говорит об объединении лагерей принудительных работ в одном месте и, когда предлагает 10 цифр, то говорит, что, вероятно, будет так, как я думал. Он 10 раз подчеркнул это «вероятно». Он говорит, что такое постановление было в июле месяце 1920 года и до сих пор ни Народный Комиссариат Юстиции, ни народный суд не могли палец о палец стукнуть для того, чтобы осуществить постановление 3-го съезда деятелей юстиции. Мы можем с уверенностью сказать, что наш Центральный Карательный Отдел и Народный Комиссариат Юстиции эту меру не осуществляли и не осуществляют потому, что нет определенно правильной постановки работы, при которой мы сумели бы наладить это дело. Здесь т. Саврасов говорит, что исполкомы или председатели исполкомов сменяют заведующих домами заключения. Это должно быть делом Центрального Карательного Отдела или с ведома Центрального Карательного Отдела. Но дело не в этом, а дело в том, что эти уездные места лишения свободы, а также губернские места лишения свободы, они Центральным Карательным Отделом брошены на произвол судьбы. Центральный Карательный Отдел их, может-быть, знает потому, что существует губернский город, а в нем обязательно должна быть тюрьма, что существует уездный город, а в нем может-быть, есть тюрьма, а, может-быть, нет. Вот какое Центральный Карательный Отдел имеет представление о подведомственных ему тюрьмах, имеет представление о заведующих этими домами лишения свободы. Кто бы ни был заведующим домом лишения свободы, я буду даже

говорить о тех ответственных членах партии, которые в настоящее время, может-быть, больше спеца специализировались на заведывании этим домом лишения свободы, но они ежедневно должны бегать к председателю исполкома и просить его, чтобы он помог поддержать этот дом лишения свободы, который трещит от тех непорядков, виновником которых исключительно является Центральный Карательный Отдел. Это, товарищи, наблюдается в каждом городе, это наблюдается и в уездном городе, и в губернских городах, поэтому здесь Центральному Карательному Отделу нужно бы не говорить о том, что уездные исполкомы не должны иметь отношение к домам лишения свободы, и нужно, наоборот, поставить вопрос так, чтобы войти в тесный контакт с местными исполкомами, чтобы последние не отказывали им в поддержке содержания домов лишения свободы, поддержать которые Центральный Карательный Отдел не в состоянии: Возьмем такой пример: говорят об уродливом учреждении, о лагерях принудительных работ и вот, где лагеря принудительных работ находятся в ведомстве Наркомвнудела, там условия содержания арестованных, условия конвоя лучше или хуже, чем в основных местах лишения свободы. Конечно, лучше. У нас в Сибири они все время получали красноармейский паек. Они получали и обмундирование, у них есть и постельные принадлежности, у них есть возможности устраивать театры и устраивать спектакли, а в домах лишения свободы, что есть. Мы до сих пор, за 2 года существования советской власти в Сибири, не получили ни одного аршина мануфактуры, после того, как Колчак отобрал все имущество и эвакуировал его на Дальний Восток. Несмотря на все просьбы, Центральный Карательный Отдел этого нам дать не мог, а каковы наши отношения с учреждениями юстиции. Тов. Саврасов говорит, что заведующие отделами юстиции мешают работе, а вот заведующий исправительно-трудовым п/отделом обращается только к нам с просьбой и мне, как заведующему отделом юстиции, приходится принимать просьбу о том, что, товарищ, помогите получить в совнархозе то и то-то, а то меня не признают, мне не дают.

Это происходит потому, что та конструкция, которую рекомендует т. Саврасов, она является уродливой конструкцией, потому что она ставит в определенное положение исправительно-трудовые п/отделы, по-ложение, с которым никто не считался, не будет считаться и не будет обращать внимание. Вот, товарищи, на это обстоятельство здесь необходимо обратить внимание, необходимо опять же обратить внимание на то, что наш Центрально-Исправительно-Трудовой Отдел должен учитывать одно, хотя бы о лагерях принудительных работ. Возможно ли их передать в ведение Наркомюста? Конечно, возможно. Лагеря принудительных работ организованы органами ВЧК и переданы в ведение отдела управления или в ведение Наркомвнудела. Теперь, когда идет коренная реорганизация органов ВЧК и когда мы становимся на правильный путь постановки нашей карательной политики, несомненно, один из известных аргументов имеется в распоряжении Наркомюста для того, чтобы эти лагеря были переданы в ведение одного централизованного органа. Это настоящий с'езд должен отметить и отметить не так, как 3-й с'езд, а вменить в определенную обязанность не Карательному Отде-

лу, а Наркомюсту, чтобы это было осуществлено, чтобы все наши места лишения свободы, начиная от арестных домов, находились исключительно в ведении одних исправительно-трудовых п/отделов, и что эти исправительно-трудовые п/отделы должны работать в тесном контакте, под наблюдением, под контролем местных исполнительных комитетов.

Председатель. Поступило 2 записки с предложением прекратить прения. В одной записке предлагается заключительное слово перенести в секцию. Я ставлю вопрос о прекращении прений. Кроме того, сейчас внесится предложение об ограничении 5 мин. Кто за полное прекращение прений? (Большинством голосов прения прекращены). Теперь я ставлю вопрос о заключительном слове. Будем ли мы выслушивать здесь или в секции? Ставлю на голосование.

Голос с места. Пока еще не принято постановление об организации этой секции и президиум не предполагал эту секцию организовать.

Председатель. В виду этого ставить на голосование не приходится. Предоставляем заключительное слово тов. Саврасову.

Саврасов. Съезд предоставил мне возможность удлинить мой основной доклад, но, как вы сами заметили, времени все-таки у меня было недостаточно, чтобы коснуться и половины тех тезисов, которые я выдвинул. Я думаю, что этим отчасти объясняются и возражения некоторых моих оппонентов.

Товарищи, конечно, пенитенциарное дело не такая простая вещь, о которой можно сказать в двух-трех словах и, разумеется, я не мог подробно останавливаться на том, что я считал известным товарищам. В 18-м году, когда я был назначен заведующим Карательным Отделом, я счел необходимым в официальном органе «Пролетарская революция и право» написать статью, так сказать, руководящую статью, под таким названием: «Преступление и наказание в переходный период». И там, между прочим, было место, где говорилось, что, конечно, контр-революционеров и преступников по должности из примазавшихся мы мерами исправительными не будем воспитывать и что к ним будут применяться меры карательные. По этому поводу, товарищ, кажется, Берман, старый меньшевик, в том же журнале задавал вопрос: как же это я говорю о карах, я повидимому забываю социалистические взгляды. Тогда мне пришлось отвечать этому товарищу довольно резко.

И вдруг я слышу через 4 года, как этим же моим добром, да мне же челом, преподносят эту мысль, как совершенно новую. А я прошу вас, возьмите это место этой статьи, написанной 4 года тому назад; там сказано, что мы, конечно, и не думаем применять воспитательно-исправительные меры по отношению контр-революционеров и подобных им господ.

Товарищи, я думаю, что раз тов. Смирнов составил себе мнение, то, что бы с ним ни делать, он будет тверд. Конечно, твердость вещь хорошая. На губерньском съезде нарсудей я ему на такую же точно его речь — без всяких изменений, как-будто бы она стенографически записана и сегодня им повторена — я ему достаточно отвечал, но отвечал в другой аудитории. Разрешите же теперь мне ответить перед этой аудиторией:

Тов. Смирнов, знающий Москву и, может-быть, отдельные уездные тюрьмы губернии, трактует необыкновенно смело, я бы сказал, необыкновенно развязно обо всей Республике. Он исходит из одного случая, неудачного, конечно, когда, действительно, в одной из московских тюрем был поставлен опереточный номер в концерте. Да, действительно, такой случай был. Из этого случая он делает вывод, что культурно-просветительный отдел никуда не годится, потому что он ставит опереточные и балаганные номера. Вывод необыкновенно смелый. У меня имеются отчеты с мест, регулярно получаемые, где указывается, какие пьесы ставились и какого рода концерты устраивались. Балаганные номера, может-быть, и бывают (и на старуху бывает проруха), но чтобы это было общее правило, этого, конечно, нет. Это самый настоящий пасквиль.

Товарищи, я оговорился, и вы должны знать, что, ведь, в сущности говоря, если на то пошло, за культурно-просветительную работу Исправительно-Трудовой Отдел даже отвечать не может, ибо она декретом 20 года, июня месяца, изъята из ведения исправительно-трудовых отделов и передана в наробразы. Но я не хочу прятаться за формальные ширмы и сказать, что мы не при чем. Конечно, мы при чем, конечно, всякая культурно-просветительная работа исполняется исправительно-трудовыми отделами и их органами. Наробразы слишком мало участвуют в этом деле. Еще вчера относительно Томска мне говорили, что великолепно продолжается культурно-просветительная работа во всех областях. Я не думаю, чтобы, взявши один какой-нибудь случай, можно было из него делать целый вывод о том, что у нас нет лекций и только балаганы и проч.

Я думаю, что товарищи с мест, которые, конечно, лучше знают места заключения, чем тов. Смирнов, они скажут, что в этом заявлении тов. Смирнова есть все, кроме правды.

Далее говорят относительно того, что вина ЦИТО заключается в том, что все время освобождаются по амнистиям богатые элементы, элементы самостоятельные, которые имеют возможность ходатайствовать и т. д., и долгое время не освобождаются элементы, которые не могут что-нибудь написать о себе, написать нужное заявление. Товарищи, я скажу, что амнистия 20-го года, которая применялась судебными учреждениями и, в частности, трибуналами, не была закончена к осени 21 г., когда она применялась судебными учреждениями. (Аппл.). Не угодно ли взять на себя этот упрек, тов. Смирнов, вам, как бывшему председателю трибунала? И я скажу, что—по сведениям, которые у меня имеются, думаю, что правильным—последняя ноябрьская амнистия, которая применялась распределительными комиссиями, прошла гораздо быстрее.

По словам тов. Смирнова выходит, что ЦИТО виноват, что посадили какого-нибудь мерзавца в тюрьму, а потом его какой-то орган освободил. Какой орган освободил, тов. Смирнов? Освободил ВЦИК. Тов. Смирнов знает, что ни ЦИТО, ни отделы юстиции, не имеют права освобождать кого бы то ни было, что досрочное освобождение применяют суды, а не распределительные комиссии. Если тов. Смирнов утверждает, что кто-нибудь, в частности, здесь, в ЦИТО, применил явочным порядком осво-

бождение не по закону, я заявляю, что я готов нести какую-угодно ответственность, но я за эту вещь привлекаю тов. Смирнова за клевету. (Аппл., шум). Меня призывает председатель к порядку в том смысле, чтобы я говорил спокойнее. Я думаю, что я не повышаю голоса больше, чем тов. Смирнов, когда он с таким великолепным видом упрекал ЦИТО во всех решительно преступлениях, вплоть до колоссального бюрократизма. (Аппл.). За бюрократизм я несу всякую ответственность и я вам скажу, что при том положении, в каком юстиция находилась, она не могла не страдать бюрократизмом. Для того, чтобы была связь с местами, нужно иметь не 2-х инструкторов, которые имеются в ЦИТО, а нужны вероятно 20, чтобы они, при наших путях сообщения, могли попадать во все губернии довольно часто и могли осматривать свои тюрьмы, могли учить тех завкаратов, которые сменяются чуть ли не каждый месяц. Конечно, мы превратились чуть ли не в оторванное учреждение. Я этого никогда отрицать не стану и по сравнению с Наркомюстом мы были в этом отношении слабее. Я этого тоже отрицать не стану. Но когда в последней штатной комиссии в 21 г. при Наркомтруде было предложено сократить штаты, мы просили дать 6 инспекторов на всю республику, включая и Сибирь. Нам сократили до 3-х.

Можно подумать—извините за выражение,—что все приехали сюда с душой и никто ничего не знает.

Тов. Алимов ничего не знает. Подумайте: в лагере есть и красноармейский паек и обмундирование, а в тюрьме нет. Ясная вещь, что виноват ЦИТО. А о том, что комиссия использования только 100.000 арш. мануфактуры, т.-е. ситцу, отпустила на все наши тюрьмы, об этом он не говорит. Я скажу больше, что из 100.000 пайков, которые отпущены на все места заключения всех ведомств, мы с большим трудом добились 41.000,—хотя у нас, очень возможно, заключенных больше половины всего общего числа и, напр., имеются сведения, кажется, из Калуги, что в тюрьме ЧК чуть ли не по 2 пайка приходится на человека, а в исправдоме на 600 человек выходит 200 пайков. Это неизвестно вам? Может быть, вам неизвестно и то, что в тюрьмах не только Наркомвнудел, но и в тюрьмах ЧК обыкновенная охрана получала даже выше, чем красноармейский паек, а у нас положение такое, что с марта 1921 г. служащие были переведены на карточку А, значит ничего фактически не получали. Вы скажете—ЦИТО виноват. Да что он—Наркомфин? Откуда же он возьмет деньги? Это то же самое, как если бы вы сказали, что в распоряжении Наркомюста 40.000 работников, а он 15.000 пайков дает. Я этого пока не слыхал, но, может-быть, будут говорить, что виноват Наркомюст, что он на 40.000 работников, дает 15.000 пайков, то же самое виноват ЦИТО, если на 100.000 заключенных дает 40.000 пайков.

Теперь относительно спецов. Я, товарищи, по сведениям, которые у меня имеются, говорю, что старых тюремных служащих очень немного, и те из них, которые остались, настолько профильтрованы, настолько просеяны, что, действительно, в общем и целом это вполне преданные, лояльные работники, с большими знаниями, без которых мы обойтись не можем. Если мы во всех областях жизни имеем спецов, почему в этой

области у нас не должно быть спецов? Это, действительно, значит—перегибать палку в одну сторону, если предполагать, что эта область должна быть совершенно по особенному построена, и если везде и всюду есть спецы, то у нас старых спецов не должно быть. Говорят: у нас должны быть только свои работники. Это же неосуществимо. Тов. Алимов сказал, что виноват Наркомюст, что постановление 3-го с'езда не проведено в жизнь, постановление относительно передачи концлагерей. Товарищи, я в своем основном докладе подчеркнул, что Наркомвнудел до сих пор, несмотря на то, что в конце 1919 г. Совнарком высказался принципиально за передачу всех мест заключения в Наркомюст, Наркомвнудел остался при особом мнении и до сих пор он придерживается того, что все места заключения должны перейти к нему. Я не могу говорить с уверенностью о том, как отнесется Совнарком или ВЦИК, когда этот вопрос станет вновь. В особенности, когда еще возникнет вопрос о возможном упразднении отделов юстиции. Тогда скажут: что будто бы исправтрудотдел остается висеть в воздухе и кто знает, как дело повернется. Сказать, что постановления с'езда деятелей юстиции достаточно для того, чтобы все законодательные органы признали эту меру необходимой, это в достаточной мере мне кажется наивным. Тов. Алимов говорит, что в Сибири гораздо лучше устроены концлагери, чем тюрьмы. Охотно допускаю. Если, действительно, там есть снабжение, если служащие находятся в хороших условиях, конечно, это возможно, но я говорю о концентрац. лагерях, вообще, об уродливости их структуры, как пенитенциарных учреждений, я говорю, что это—бессистемное учреждение, что это что-то совершенно неопределенное, что в одном лагере, когда производились обследования, оказалось, что половина заключенных не живут в лагере, а живут, оказывается, на частных квартирах, по распоряжению управления лагеря. В лагери попадали в прежнее время осужденные на судами и ревтрибуналами преступники и тут же административно заключенные, арестованные на какую-нибудь неделю. Я думаю, что если с'езд и вменит Наркомюсту в обязанность взять лагери в свои руки, то это осуществится лишь тогда, когда будет сломлена крупная оппозиция Наркомвнудела. Месяца полтора-два назад было совещание: долго толковали с наркомвнудельцами и чекистами и ни до чего не договорились. Они стоят на том, что концлагери должны быть в их руках.

Отвечу вкратце на вопросы. Один тов. спрашивает: не будет ли привилегией в отношении к другим гражданам посылка на принудительные работы, ибо теперь, в виду закрытия учреждений, может быть так, что люди безработные, только когда они попадут в бюро принудработ, будут получать работу. Я думаю, что это преувеличение, что принудительные работы будут назначаться судами только в известных случаях, и, во всяком случае, не думаю, чтобы принудработы стали вовлекать людей в совершение преступлений.

Затем второй вопрос. Один убийца отпускается на работу в учреждение, между тем он приговорен к строгой изоляции. Допустимо ли это? Я должен сказать, что есть определенное раз'яснение ЦИТО, что такое строгая изоляция, и там определенно говорится, что ни в какие

учреждения лица, приговоренные к строгой изоляции, отпускаемы быть не могут. Очевидно, товарищи не знают этого распоряжения.

Один тов. пишет, что уисполкомы лучше нас знают работников. Я не говорю, что они не могут выдвигать кандидатов и проч., но они не могут назначать, так как в законе твердо сказано, каков порядок назначения. К закону все-таки часто такое отношение: «Да мало-ли что напишут в центре?»—Но странно на с'езде деятелей юстиции слышать это. Вносите, если считаете нужным, предложения об изменении существующего порядка, о децентрализации тюремного ведомства, но пока это дело централизовано, изменить существующий порядок невозможно.

Председатель. На остальные записки ответы будут даны в комиссии. У меня есть предложение поставить на голосование тезисы доклада т. Саврасова и другое предложение, чтобы окончательную резолюцию по этому докладу поручить выработать президиуму и внести ее на утверждение с'езда. Кто за голосование сейчас тезисов Саврасова? (Предложение отклоняется). Следовательно, президиум выработает по этому поводу резолюцию на основании тезисов т. Саврасова и внесет ее на обсуждение с'езда. Слово имеет т. Черлюнчакевич для доклада об адвокатуре.

С мест. Здесь группа делегатов просила выставить как содокладчика т. Черлюнчакевича—т. Сотникова.

Председатель. Совершенно верно. В президиум поступило за подписью 20 лиц, как установлено регламентом, предложение в качестве содокладчика т. Черлюнчакевича выдвинуть т. Сотникова. Бюро президиума обсудило этот вопрос и высказалось против допущения содокладчика, но окончательное решение принадлежит с'езду.

Дьяконов. У нас выработан регламент, в котором говорится, что каждые 20 товарищей могут выдвигать своего содокладчика. Этот вопрос решен и бюро президиума отказать не может.

Член президиума. Бюро президиума целиком полагает, что право пленума есть верховное право, и когда в президиум поступила записка за подписью 20 лиц, то было отмечено, что окончательное решение вопроса принадлежит пленуму. Мотивы отклонения содоклада бюро президиума таковы: нецелесообразно выдвигать специального содокладчика. Эти мотивы выражены в том предложении, которое внесено т. Черлюнчакевичем в виду того, что в Совнаркоме вопрос о необходимости создания адвокатуры, как таковой, в смысле коллегии адвокатуры предпрешен—его здесь ставить не следует, но это мнение бюро президиума и не является обязательным для пленума.

Председатель. Я предлагаю поставить на голосование этот вопрос.

С места. Тов. Черлюнчакевич высказывает свое мнение и, в частности, мнение бюро президиума, что вопрос адвокатуры предпрешен в Совнаркоме, тогда надо ставить вопрос в такой плоскости: зачем нам заслушивать доклад т. Черлюнчакевича.

Председатель. В таком случае я ставлю на голосование пленума вопрос: давать ли слово содокладчику т. Сотникову, кто за то, чтобы

придерживаясь регламента, дать слово т. Сотникову, как содокладчику (предложение отвергается). Тов. Сотникову будет дано слово первому в порядке прений.

Доклад т. Черлунчакевича об адвокатуре.

Черлунчакевич. По вопросу об адвокатуре сейчас остроты никакой нет. Мы по этому вопросу пережили самые разнообразные стадии. Мы пробовали удержаться на различного рода позициях, которые казались нам приемлемыми. В 1918 году мы пошли в этом отношении за вторым съездом деятелей юстиции и создали организацию защиты и представительства сторон по типу государственной службы. Мы затем перешли к попытке удержаться на позиции привлечения к делу защиты всех способных лиц в порядке трудовой повинности. Мы затем в связи с новой экономической политикой попробовали внести проект, в котором предусматривали возможность и необходимость достижения соглашения между клиентом и защитником через посредство особого бюро защитников, чтобы это бюро было одновременно и руководителем и тем регулятором, который будет устанавливать норму соглашения. И на этой позиции мы не удержались и не могли удержаться так же, как нам не удалось в общегосударственном масштабе удержаться на обмене и пришлось перейти на денежный расчет. И в данном случае нам пришлось порядку личной заинтересованности каждого из членов коллегии защитников отвести соответствующее место и на этой почве создать адвокатуру, введя туда лиц, которые будут вполне способны дать ответ каждому из нуждающихся в юридической помощи, дать солидный обоснованный, абсолютно отвечающий интересам государства и соответствующий советскому праву ответ. По этому вопросу мы первоначально внесли в Совнарком проект, опубликованный в № 1 «Еженедельника». В № 1 «Еженедельника», как вы видели, мы еще стояли на позиции соглашения через бюро. Этот момент, товарищи, уже отпал при обсуждении этого проекта в Малом Совнаркоме. Там заменили этот пункт определенным пунктом, который вы найдете в только-что размноженных и розданных тезисах, к которым коллегия Наркомюста присоединилась. Вы видите, как этот пункт изложен: «Оплата труда... (читает). Итак, товарищи, устанавливается такса, которая для гражданских дел обязательна, ибо сторона, оказавшаяся неправой в гражданском споре должна возмещать издержки за ведение дела противной стороне. И тут ясно установлено, что возмещение должно определяться таксой. Это вопрос бесспорный.. Во всех остальных случаях пункт «в» предоставляет возможность устанавливать вознаграждение защитника по соглашению. Здесь имеется в виду «красное купечество», спекулянты, которые, обогащаясь и попадая под суд, должны платить такой гонорар, который потребует защитник. В этом отношении специальной опеки и покровительства «красным купцам» не делается. Мы защиту ставим на почву самокупаемости, одной стороны, и, с другой стороны, мы возлагаем на нее известные государственные задачи и обязанности и, в частности, организацию консультаций, не только содер-

жание за свой счет бюро коллегии, но и организацию консультаций для оказания юридической помощи населению. Это обстоятельство требует взыскания с членов коллегии процентного отчисления, которое должно производить бюро путем ведения обязательных книг для записи поступающего в карман коллегии защитников вознаграждения. Что касается государственных учреждений и предприятий, то для таковых предусматривается право уплачивать и по таксе и вне таксы. Здесь мы прямо ставим вопрос, что возможны случаи, где потребуются специальное изучение защитниками научных трудов по сложным делам и в этих случаях потребуются оплата, превышающая таксу, которая нормирована центром и по местным условиям может изменяться. Что, собственно говоря, представляет из себя тип новой, создаваемой нами адвокатуры. Что это, государственное учреждение? Да. Ни в малейшей мере мы не считаем это частной организацией. Это государственная организация, на которую мы возлагаем обязанность не пользоваться трибуной суда для контр-революционной и какой-нибудь антисоветской агитации. Охрана интересов советского трудового государства является обязанностью членов коллегии, которые будут в нее зачислены. С другой стороны, как я уже упомянул,—мы на нее возлагаем определенную общественную задачу в виде организации юридической помощи населению, в виде консультаций, в виде, вообще популяризации правовых знаний среди населения. Мы видим дело первостепенной важности. Здесь, товарищи, помощь людей, специально изучавших право, научившихся понимать и толковать законы, изложенные в силу необходимости в сжатом виде, часто дающие лишь основную мысль для того, чтобы на местах можно было, глядя по местным условиям, разнообразить, варьировать эту мысль, особенно ценна. Это дело может выполнить тот, кто привык читать, изучать и комментировать законы, то-есть профессиональные юристы. И вот, товарищи, когда нам последний Всероссийский Съезд Советов вменяет в обязанность и требует от Наркомюста большей энергии в том направлении, чтобы наша работа воспитывала широкие массы рабочих и крестьян в деле самостоятельного делового участия их в надзоре за соблюдением законности, чтобы все население было надзирающим органом за соблюдением законности всеми агентами советской власти,—для этого нужно, товарищи, эти правовые знания, эти законы и декреты, сделать известными всем и каждому, чтобы каждый гражданин Советской Республики знал, какие права ему обеспечены республикой, и мог бы на основании знания этих прав найти выход, когда в отношении его учинено какое-либо беззаконие, когда он оказался жертвой того или другого насильника. И вот, товарищи, в деле популяризации знания законов советских, в деле широкого усвоения этих начал законности гражданами—в этом заключается одна из обязанностей всех органов юстиции и, в частности, не последнее место должны в этом деле занять наши будущие члены коллегии защитников. При ком должны быть организованы эти будущие члены коллегии, ведь, их нет сейчас? Кто-то должен ее создать. При каком органе надо ее создать? Конечно, при том органе, который правомочен проводить все мероприятия. Ясное дело, что при отделе юстиции, но как

отдел юстиции должен проводить эту проверку? В пункте 1-м ст. 43 проекта предусматривается создание Народным Комиссариатом Юстиции особого положения, которое должно детально регулировать деятельность адвокатуры в дальнейшем. В этом отношении я отмечаю, что Наркомюст считает соответствующую подготовку каждого из желающих вступить в коллегия членом обязательным требованием. Что должно считать подготовкой? Какие конкретные признаки этой подготовки должны быть на лицо? Во-первых, наличие известного образовательного ценза, далее, работа на ответственных должностях в органах юстиции и работа на ответственных в области юридической должностях, вообще, в течение не менее 2-х лет. Случайные работы в течение лишь месяцев, конечно, ни в малейшей мере не в состоянии обеспечить солидность и серьезность знакомства кандидата с советским правом, с нашим положением о судебных учреждениях, со всей нашей практикой, которая установилась и, наконец, с нашими циркулярами. Здесь известная проверка потребуется для каждого, который пожелает войти в нашу коллегия, кроме тех случаев, когда комиссия, которая будет составлена при отделах юстиции из наиболее опытных работников и специалистов, признает это излишним. Как комбинировать состав коллегии,—это будет дело практики на местах. Наличие морального и политического стажа также требуется для претендента и, естественно, что эта сторона вопроса также должна найти себе отражение в том положении об адвокатуры, которое составляется. Далее, товарищи, вы видите, мы не пошли даже по старой терминологии «адвокат». Слово адвокат по разным условиям нам казалось в известной степени опошленным, осмеянным в нашей сатирической литературе. «Аббас» получил далеко не лестную оценку населения. Мы остановились на названии «защитник по уголовным или гражданским делам». Государственный контроль должен осуществиться в деле проверки тех списков, которые будут составляемы отделом юстиции, естественно, через народные суды путем утверждения этих списков президиумом губисполкома. Организация защитников должна иметь известную самостоятельность, известную автономию. Без этого никакая организация жизнеспособной быть не может. Она не может работать и привлечь лучшие силы, никакого простора для своей работы не видит, если в отношении ее заранее высказывается недоверие и существует предвзятое мнение. Если наши прежние попытки нельзя признать удачными в деле организации защиты и особенно оказался дискредитированным принцип казенных чиновников-защитников, то это именно потому, что наиболее талантливые прежние члены сословия присяжных поверенных не считали для себя возможным входить в старую коллегия, потому что условия быта и существования им казались неподходящими, для них делалась совершенно очевидной невозможность существования на то жалованье, которое им определялось, пайков им не полагалось, а идти по пути тех людей, которые идут на жертвы ради идейной работы, они не могли. В этом отношении, товарищи, мы пошли по такому пути: если наиболее ценные для адвокатуры лица, пошли в главспички и главподметки, но не пошли работать в той профессии, с которой наиболее сжи-

лись, то сейчас, товарищи, наступил момент, когда в специалистах по изучению, комментированию и систематизации советского права, явилась крайне острая насущная нужда, и построение нового типа коллегии защитников является безусловно жизненным и безусловно отвечающим требованию момента. Еще какие моменты требуют освещения? Товарищи, мы встаем на точку зрения необходимости предоставления этой организации автономии, т.-е., в частности, должно быть предоставлено этой организации право выбора своего руководящего, контролирующего и наблюдающего органа. Вот наблюдение и контроль за исполнением защитником как тех обязанностей, которые возложены на него в тех пунктах, которые должны заменять прежнее положение о народном суде (43—49 ст.), так и тех обязанностей, которые в более развитом виде подлежат изложению в положении об адвокатуре, должны возлагаться на выборное бюро, избираемое на общегубернском собрании теми лицами, которые будут занесены в коллегию защитников. Это выборное бюро имеет право и на него возлагается наблюдение и контроль за исполнением обязанностей, за назначением бесплатной защиты, а равно за назначением защитников по таксе, ибо когда рабочий не пожелает воспользоваться правом бедности, а право бедности устанавливается судом, а пожелает воспользоваться защитником по таксе, бюро обязано ему предоставить в определенном порядке защитника. На бюро возлагается точное знакомство с индивидуальностью каждого из членов коллегий, с его способностью вести то или другое дело. Эта особенность должна быть учитываема при назначении. Далее распоряжение суммами, поступающими в фонд коллегии, тут можно установить процентное отчисление. Это вопрос, который мог бы подлежать дискуссии, в каком размере брать процент, чтобы коллегия располагала определенным фондом для выполнения тех общественных задач, которые возлагаются на нее.

Дело понимания общественных задач будет, товарищи, достигаться таким образом, что в дальнейшем мы предвидим более живую профессиональную организацию работников юстиции, более живое отношение наших работников к профсоюзу и этим самым вовлечение туда в работу и судей и консультантов и всех наших технических работников и тех, которые в силу своей специальности обладают теоретическими познаниями и специальной подготовкой, ибо только при таком взаимодействии мы быстрее изживем те неправильности, которые до сих пор в наших органах давали себя чувствовать. Я остановился на наиболее существенных моментах.

Дополню свой доклад указанием на то, что в коллегию защитников не может войти никто, состоящий на государственной службе, кто занимает советскую должность, тот должен разрешить вопрос, будет ли он работать здесь, или там. Конечно, к партийной работе это не имеет отношения. Работа в Р. К. П., это—работа, выполняемая в силу убеждения и отсюда вытекает необходимость для каждого члена партии работать, не отрываясь от этой работы, какую бы должность он ни занимал. Отмечу еще, что ст. 49 нами редактируется в том смысле, что государственные учреждения и предприятия, а также Центросоюз могут

поручать ведение дел лицам, состоящим при них на постоянной службе. Таким образом, органы, которые по существу своей работы имеют много судебных дел, для которых возникает потребность в частом делегировании в наши судебные места отдельных своих представителей, те будут содержать отдельных консультантов. Но будут случаи, когда государственное учреждение найдет невозможным предоставить своему консультанту защищать то или другое, исключительное по сложности и серьезности дело, а поручит его кому-нибудь из членов коллегии. Этим отмечается та огромная роль, которая им отводится в деле проведения революционной законности, поскольку они будут защищать интересы всех тех, в отношении которых учинена неправда, и, наконец, в толковании закона. Равным образом, допускаются к судебной защите профессиональные организации, в которых обвиняемый состоит, однако, только по особому уполномочию руководящего ее органа, а также ближайшие родственники. В исключительных случаях могут быть допущены к защите и другие лица, пользующиеся доверием суда. В настоящем случае имелось в виду, что если бы, например, Горький или другие, безусловно пользующиеся доверием суда лица, ничего не имеющие общего с юстицией, но по данному конкретному делу могущие принести пользу суду, были приглашены в качестве защитника, то эти лица могут быть допущены судом к защите и по уголовным и по гражданским делам.

Вот основные моменты, которые я считаю необходимым отметить в первом слове. Я полагаю, что освещение этого вопроса и здесь, в дискуссии, и, быть-может, в особой комиссии, которая могла бы создаваться в организационной секции, было бы в высшей степени ценно и не безрезультатно, хотя самое принятие типа строения организации адвокатуры я считаю предпрешенным законодательными органами. Тем не менее всех законодательных стадий этот проект не прошел, а потому слово живое, яркое, деловое, несомненно, может оказать влияние на деловой характер организации. Если товарищ знает, что он высказывает что-либо очень ценное, то пусть будет уверен, что это будет учтено нами.

Из этого не следует, что всякое мнение в роде того, что не нужно пользоваться спеццами, что они нам не нужны, что мы сами по себе, они сами по себе, такие мнения сюда вносить не стоит, ибо это будет бесполезно.

Председатель. Позвольте огласить внесенное предложение: «внучу предложение по докладу Черлончакевича прений не открывать».

Сотников. Дело в том, что собрание уже решило, что вместо содоклада мне дается слово в первую очередь, это уже вотум данного собрания и вотум с'езда и снова ставить вопрос относительно прекращения прений, это значит коверкать то постановление, которое мы вынесли.

Председатель. Кто за то, чтобы отвергнуть внесенное предложение? (Большинство).

Сотников. Я рассчитывал, что мне будет предоставлена возможность более подробно изложить те положения, которые я изложу кратко, но этой возможности я лишен. Я думал из доклада Черлончакевича услы-

шать принципиальное обоснование для необходимости извлечения из архивной пыли того института адвокатуры, который нами уже изжит. Но из этого доклада никакого принципиального обоснования для такой необходимости я лично не услышал. Здесь перед нами вопрос может быть поставлен только в плоскость принципиальную и политическую и с точки зрения целесообразности в связи с новой экономической политикой. Ничего из этого мы не слышали. Прежде всего, что представляет из себя адвокатура, которую пытается подфабриковать, подкрасить облеечь новыми идеями и предподнести в виде революционного творчества Наркомюст. Это то же корпоративное объединение ходатаев по чужим делам, лишь под надзором органов советской юстиции. Это воскрешение того же института, той же лавочки, той же торговли языком и мыслями, какую представляла из себя прежняя дореволюционная адвокатура. Прежде всего, мне хотелось бы указать на сторону чисто теоретическую. Мы признаем, что наш суд есть суд классовый, это орудие диктатуры пролетариата, это оплот, который должен служить для укрепления завоеваний пролетарской революции. Какое важное значение придается судебным органам теперь, в связи с переходом на новые рельсы в области экономической политики, вам великолепно известно из вчерашней речи т. Калинина и мы могли бы уже в достаточной мере усвоить ту мысль, что теперь с минованием периода напряженной борьбы на фронтах, с ликвидацией наших чрезвычайных органов наш суд займет место нашей Красной армии и наших чрезвычайных органов. И вот здесь, когда нам говорят, что именно процессуальная сторона судебного дела, суда пролетарского, который обязан внедрить, углублять и пропагандировать идеи пролетарской юстиции, требует института, который построен на принципе частной оплаты, института, который свои идеологические построения, свою этику и т. д. подчиняет интересам частного лица, а вовсе не интересам государственным, когда нам здесь говорят, что общегосударственные цели должны затуманиваться и мы должны уступить тем соображениям, что до сих пор мы удачно не могли разрешить задачу с постановкой государственной защиты, эта точка зрения совершенно неправильна. Я не имею возможности подробно обосновать, подробно развить те мысли, которые изложены в тех тезисах, которые в конце зачиту, но основные пункты я здесь намечу. Прежде всего, неоднократно здесь и на других съездах мы слышим ссылки на марксизм. Нам говорят, экономика определяет политику, нам говорят, — политика это концентрированная экономика. Позвольте, куда же вы по этому вопросу девали, куда же спрятали это учение марксизма, где вы так далеко его запрятали, что невозможно отыскать? Если экономика определяет политику, если под институт частной адвокатуры подводится экономический базис однородный, тот базис, который подводится и под институт прокуратуры, который должен быть такой же стороной на процессе, как и адвокатура, если этот однородный экономический базис подводится, мы должны иметь для этого какие-то серьезные основания. Нужно сказать, что мы, как-раз в этапах нашего государственного шествия, дошли до момента, когда отказ от наших прежних принципов диктуется с настоящей необходи-

мостью, когда, делая в этом отношении принципиальные уступки, мы в других областях выигрываем гораздо больше. Дал ли нам предыдущий доклад что-нибудь в этой области? Решительно ничего не дал. Какова роль нашего советского суда? Когда нам говорят, что в связи с новой экономической политикой мы должны пересмотреть весь наш государственный аппарат, и приспособить его для новых целей, мы здесь ставим вопрос: а что же, разве в условиях нашей действительности судебной нельзя, в конце концов, поставить государственную защиту таким образом, чтобы адвокат являлся помощником суду, чтобы он содействовал выявлению материальной истины и чтобы интересы материальной истины не были принесены в жертву частным интересам. Мне кажется, весь состязательный процесс ценен лишь постольку, поскольку он служит средством для достижения на суде материальной, а не формальной истины. Это научная азбука.

Это, товарищи, азбука, это научная азбука и если мы интересы материальной политики, интересы выявления на суде личности преступника, беспристрастного определения сущности и степени отдельных дефектов правонарушителя и наиболее целесообразного способа устранения этих дефектов, если мы вместо этого придем в области защиты на суде к совершенно инородным принципам, — мы совершим с моей точки зрения преступление. Мне могут возразить, что как же теперь, когда мы подошли вплотную к совершенно новому курсу экономической политики и когда я сам говорю, что экономика определяет политику, как оставить дело в руках государственной защиты. Как можно частному предпринимателю рекомендовать обратиться к государственной защите, когда он судится с этим же государством? Когда мы подходим к новой экономической политике, то, прежде всего, возникает такой вопрос: нам важно знать, как же судебные органы должны быть перестроены и распространяется ли это на институт государственной защиты. Затем Чернышакевич совершенно не дал той картины, которую новая экономическая политика выявляет по отношению к институту государственной защиты. В связи с переходом на новую экономическую политику задача суда чрезвычайно осложняется, новая экономическая политика именно теперь в настоящем ее виде, когда она может быть охарактеризована, как стремление к содействию росту наших производственных сил, к укреплению земледелия и промышленности, к борьбе с замедлением производственного размаха и темпа производственного развития страны, вообще, к борьбе с нарушением хозяйственного революционного правопорядка — вот эта новая экономическая политика несколько по вопросу, который мы здесь рассматриваем, не может быть применяема в том смысле, что институт государственной защиты отжил свой век и что мы должны изменить нашим основным принципам в деле советской юстиции. Какой же защитник государственных интересов, какой провозвестник идей социальной революции и пролетарской юстиции будет частный адвокат, если он всецело зависит от кармана своего клиента? История старой буржуазной адвокатуры доказывала, что даже такие крупные светила, как Плевако или Карабчевский, совершенно не считались с тем, нужно ли им остановиться перед согласием выступить по

какому-нибудь делу только потому, что это дело с общественной точки зрения не этично, не красиво и прочее. Вы, вероятно, помните крупный процесс 1902 года, когда Карабчевский по делу с удельным ведомством отожествил личность крестьянина-земледелца с зубром, только потому, что тот неприкосновенен. Вся литература, даже буржуазная, полна именно такой оценкой этого института, потому что адвокатура по существу своему—это лавочка. Это та автоматическая говорильная машинка, которая говорит ровно настолько, насколько опустишь в нее монет. К этому извращению, к этому оплевыванию института государственной защиты мы перейти не можем. Основная цель нашего революционного правосудия состоит в том, чтобы не дать возможности частному предпринимателю и мелкому буржуа, сидя в кабинете, в спокойной обстановке, торговаться с адвокатом из-за рубля, не допускать, чтобы в деле государственной и общественной жизни интересы и мысли государства продавались за рубль. Прежде всего, с теоретической точки зрения: противоречит ли институт государственной защиты основным требованиям юстиции. Ведь я уже говорил, что различие между адвокатурой и прокуратурой создается как-раз, как следствие борющихся сторон, чего в идее мы должны избегать. Откуда происходит это неравенство сторон? Прежде всего, недоверие суда к нанятому языку. Ему суд не доверяет. Наследие его не уважает. Это мы все знаем и к чему же мы теперь стремимся. Нам говорят,—если частный предприниматель приходит к государственному защитнику, то может ли он надеяться, что тот будет защищать его интересы, если частный предприниматель как-раз судится с государством. Да, может, именно потому, что теперь в связи с переходом к новой экономической политике мы интересы частной торговли и частной промышленности легализовали, т.-е. мы сказали, что существование их закононо, но лишь в тех границах, поскольку они не противоречат определенной целесообразности общего темпа хозяйственного развития и общим интересам страны. Лишь в этих пределах они должны быть защищаемы и всякое посягательство на эти интересы с чьей бы то ни было стороны должно нашими органами пресекаться, так как оно нарушает революционно-хозяйственный план. Если здесь и может быть речь о чем-нибудь, то только лишь о реорганизации существовавших до сих пор институтов. Мы не закрываем глаз на те недостатки, которые у нас в этом институте замечаются. Мы хорошо знаем, что прежние мероприятия НКЮ по этому вопросу, именно, переход к принципу привлечения к суду в качестве защитников по трудовой повинности критики не выдерживают. И очень просто почему: состав непостоянный, полномочия краткосрочны. Нет у человека возможности проследить этапы прохождения дела. Кроме того, и недостаточны кадры, и к чему же мы пришли, в конце-концов, при таком институте. К тому, что у нас фактически обязанности защитников исполняли консультанты. Нам говорят, что наша система государственной защиты обанкротилась. Это утверждение, по меньшей мере, голословно, если принять во внимание, что государственная защита не стояла у нас на должной высоте, не была построена на выдержанной принципиальной системе и не была обеспечена материально.

Весь корень противоречия, вся глубина возражений, которая может быть направлена на этот институт, разбивается о факт материальной необеспеченности. Материальная необеспеченность—и только она и служила побудительным стимулом к тому, что наши консультанты, не отвечая своему назначению, должны были брать взятки и т. д. Но это общий дефект всех наших учреждений. Теперь почему-то искусственно хотят выдвинуть адвокатуру, предоставить ей стричь и брить клиентов, а народные судьи, прокуроры, народные следователи должны жить в черном теле. А тут будет каста, она будет подстригать и подбрасывать и будет, как сыр в масле, кататься. Те положения, которые выдвинул т. Черлюкчакевич, замаскировывают этот принципиальный вопрос. Для нас очевидно, что воскрешение адвокатуры на принципе частной оплаты с основными целями и задачами революционной юстиции несовместимо. Мы должны сказать, что, не закрывая глаз на существующие недостатки в области государственной защиты, мы должны ее реорганизовать на началах большего постоянства состава. Я подчиняюсь требованию председателя и зачитываю только те тезисы, которые я намечал в своем докладе. Тезисы мотивированные: исходя из того, что... (читает). Таким образом, заканчивая то, что я хотел сказать, я скажу, как бы ни подфабрикали, как бы ни подкрашивали прежнее адвокатуру, как бы ее ни наряджали, она будет припахивать своим специфическим духом. Эта особа с подмоченной репутацией может быть выведена на свет дневной, но отводить ей почетное место в системе органов нашей советской юстиции нам не к лицу.

Крыленко. Я лично не хотел по этому вопросу выступать и договорился с другими товарищами о тех поправках, которые с нашей точки зрения должны быть внесены в проект, но здесь поднят вопрос принципиальный. Указывается, прежде всего, на то, что мы предлагаем нечто вопреки всем нашим традициям, борьбе и нашим целям и восстанавливаем лавочку. Прежде всего, нужно считаться со словами. Что значит: «вопреки нашим целям и т. д.». Когда такие вещи говорят, надо доказывать, что мы действуем вопреки нашим целям, а на ветер этого бросать нельзя. (Аплодисменты). Во-вторых, возьмите все прошлое нашей советской юстиции и прошлое буржуазной адвокатуры. Опыты были весьма разнообразные. Была и трудовая повинность—опыт в высшей степени неудачный. Дальше были попытки поставить правозащитников на государственное жалованье—опыт, который привел к тому, что всякий раз, когда на суде стоял человек, которому грозило наказание, и когда он мог тем или другим способом стремиться, чтобы тот, кто его защищает, защитил его как можно лучше, он предлагал ему плату. Этого нельзя в наших условиях искоренить, для этого нужно переделывать природу людей. Конечно, никакими запрещениями, никакими письменными бумагами вы этого положения не искорените. Товарищ спрашивает, почему не получает ничего обвиняющий. Я бы хотел посмотреть на обвиняемого, который бы мне заплатил за мое обвинение. (Аплод). Товарищи, прежде, чем говорить, нужно подумать, нужно быть марксистом, а для того, чтобы быть марксистом, нужно учитывать ту реаль-

ную обстановку, в которой мы живем, в которой существуем, и те объективные средства, которые имеются в нашем распоряжении, и ту объективную возможность, которой мы располагаем при данных объективных условиях. Наша цель поставить защиту, так, чтобы она не была хуже формы передачи гонорара из полы в полу и чтобы это не было хуже формы подпольной адвокатуры, а, во-вторых, посмотрите, что делается у нас по продиалоговым делам в деревнях. Когда получается кассационная жалоба, удивляешься, как и кто эти кассационные жалобы пишет и почему они заплатили за составление этих кассационных жалоб. Мы хотим это поставить под контроль. Здесь говорят, что наша прошлая адвокатура является сплошной лавочкой—это неправда, имеются тоже заслуги и у адвокатуры. (Аплодисменты). Этих хороших черт мы отрицать не будем, потому что они запечатлены в истории нашей юстиции. Мы приняли принципиальное положение по вопросу о системе наших учреждений и не знаем то, что осуждено на отмирание, прилеплять к живому делу.

Мною вносится поправка о том, что коллегия адвокатов образуется при совнарсудах—это первое, и, во-вторых, должна в дисциплинарном порядке отвечать перед совнарсудом. Тогда это будет контроль и контроль настоящий. А в остальном не бойтесь, что сюда придут люди, которые будут брать, пусть берут, но в такой форме, чтобы мы, представители власти, могли просмотреть, а не так, как теперь, когда никакого контроля де-факто нет.

Симсон. (Моск. губ.). Товарищи, я выступаю перед вами, как старый адвокат. Я выступал около 15 лет в суде и, главным образом, по делам о политических защитах и в этом отношении среди даже председателей совнарсуда есть люди, которых я защищал. Я 4 года пародный судья, так что у меня опыт есть с той и с другой стороны. Я не отрицаю заслуг адвокатуры, ао небольшой кучки ее, небольшой кучки политических защитников, которая вынесла на своих плечах всю борьбу в страшно тяжелых условиях с военными судами, с палатами, с сословными представителями, и они не получали гонораров и только поэтому их заслуги были так велики. Многие из них умерли, некоторые из них, может-быть, сейчас стоят здесь, о них я не говорю. Некоторые были расстреляны поковником Мином на Казанской ж. д., но если говорить о заслугах адвокатуры всей остальной, то это величина отрицательная. Посмотрите на тома речей нашего учителя Плевако, изданных его учениками. Посмотрите, кого он защищал: графов, князей, таможенные хищения, хищения в банках, ростовщиков и растлителей детей. Было время, когда молодые помощники просили своих старших товарищей взять одно-два дела политических, но это исключительно для того, чтобы приобрести общественную популярность, а не для других целей.

Товарищи, мы пережили тяжелое время. Мы защищали в военных судах, мы защищали своих товарищей по политическим убеждениям, вас, тех, которые сейчас строят новую жизнь, и мы должны помнить, как защищали, на что мы пускались. Мы, я считаю, лучшие люди в адвокатуре, лучшие из защитников, потому что не ставили целью своей

деятельности получение гонорара. Нам было очень важно отложить дело, чтобы оно от Гершенемана перешло к Глазову, чтобы товарищ, политический преступник, не был предан смертной казни через повешение. Мы, я это скажу на весь мир, мы травил подсудимого, давали ему казни, чтобы с ним сделался припадок на суде, чтобы он заболел, чтобы отложили дело, мы срывали дело, а потом спасали жизнь товарищу по партии или убежденным. Я утверждаю, что это делали лучшие люди в адвокатуре, если это были лучшие люди, для которых гонорар не имел значения, то вся эта пыль, все, остальные тысячи, работающие в оставшихся простых уголовных делах, разве они не прибегали или не будут прибегать к таким действиям. Товарищи, гонорар грезит адвоката. Если бы я был адвокатом, я бы просил уничтожить гонорар. Только государственный адвокат может быть святым защитником, способным стереть ту грань, которая связана с именем адвоката. Вспомните, что ни один из великих художников слова, ни один из великих писателей не имеет типа хорошо выведенного адвоката и я утверждаю, чтобы мы не обратились в то, что одним из самых талантливых представителей ныне живущих адвокатов сказано, — в проститутку слова, чтобы защитник в это не обратился, я признаю только государственную защиту.

Гродзинский. После блестящей речи Николая Васильевича мне печего было бы говорить, но после речи Симсона я не могу не сказать несколько слов. Прежде всего, я удивляюсь тем товарищам-коммунистам, которые решительно и веско не отмежевываются от буржуазной власти, тем более реакционной, по этому вопросу, повторяю, не отмежевываются от самых реакционных правительств. Наполеон I говорил, что он хотел бы вырезать язык тому адвокату, который будет говорить о нем. Николай II, Александр III травил адвокатуру. Я знаю, вы указываете на типы, выведенные в литературе, и имеете в виду Балабайкину у Салтыкова-Щедрина, или, если вы говорите о Достоевском, то, ведь, Достоевский был реакционером. Не уподобляйтесь же реакционерам и не бойтесь адвокатуры. Разве, адвокатура мелких уголовных дел, когда молодые помощники защищали того же рабочего или крестьянина, который с голода украл или который по пьяному делу попал на суд, и прокурор хочет его закатать на каторгу, когда мы боролись против кровавых статей уголовного уложения, то разве это не была заслуга адвокатуры. Мы не думали тогда о политике, мы не говорили о крестьянах и рабочих, мы говорили об угнетении личности, которая проводилась старым строем. Значит адвокатура имеет свои заслуги, значит она нужна. Вы бойтесь грязи — организуйте ее лучше. Фильтруйте доступ в нее, помогайте выбрасывать негодных, но не уподобляйтесь вдове, в произведении Островского, боявшейся слов «жупел и металл».

Не бойтесь того, что адвокат запутает судью. У судьи есть достаточно здравого смысла. Если когда-то адвокат не мог запутать присяжных заседателей, то тем меньше приходится вам, работникам юстиции, изображать этого народного заседателя теперь каким-то младенцем. Не беспокойтесь, у него есть опыт и здравый смысл. Наконец, если есть адвокат с одной стороны, то он есть и с противоположной стороны, и из столкновений двух мнений выходит истина.

Об адвокатах-чиновниках говорить не приходится. Нужна адвокатура свободная, чтобы гонорар не грязнил бы этих работников. Обвинитель, ведь, тоже получает жалование, но скажете ли вы, что любой советский чиновник, любой деятель грязнится тем жалованием, которое получает. Это способ оплаты труда,—другого способа нет. Вот почему я считаю, что Совпарком пошел по правильному пути и те ограничения, которые были введены Наркомюстом при посредстве отдельных бюро и т. д., только создают лазейки и являются непузырями. Я свою речь заканчиваю и думаю, что вы не пойдете по пути запугивания самих себя и уподобления людям, которые боятся сталкиваться с этой профессией.

Дьяконов. Та страстность, с которой обсуждается этот вопрос, казалась бы, второстепенный, показывает, насколько в этом вопросе прельются противоречия классовых интересов рабочих и буржуазии. Совпарком пока не принял это и я имею право даже в самых резких чертах обсуждать любой проект. Должен сказать, что я не знаю, кто из адвокатов принимал участие в обработке этого проекта, но должен сказать, что защиты интересов рабочего класса в этом проекте, по совести говоря, я не вижу. Если бы вы пришли на фабрику или завод и к крестьянам и огласили бы проект—как защищаются интересы рабочих и крестьян, они вас выгнали бы вон с этой фабрики и завода. Что в этом проекте говорится? В нем говорится, что для того, чтобы получить бесплатную защиту рабочего и крестьянина, нужно получить особое постановление нарсуда. Перед вами выступало большинство адвокатов и я тоже бывший адвокат. Характерно, что представители молодой адвокатуры, к которой принадлежал уважаемый т. Симсон, молодой социалистической адвокатуры, всеми фибрами своей души протестуют против учреждения старого буржуазного типа адвокатуры, которые служили только интересам буржуазии, помещикам и капиталистам, в своей массе. Были лишь единицы, совершенно отдельные, проникнутые социалистическими убеждениями, которые самоотверженно помогали рабочему классу, а все остальные есть плоть от плоти, кость от кости, от класса буржуазии и вернуть общество, это учреждение к прежней структуре я считаю чрезвычайно вредным и опасным. Адвокатура необходима. Правозаступники нужны, как вода, как воздух, ибо суд без них не будет работать правильно, но построить их нужно на совершенно других началах. Таким образом, в этом проекте мы даем привилегии лицам, окончившим образование, лицам, которые могут не служить верно рабочему классу. Маса членов Коммунистической партии, которые могли бы выступать и работать одновременно, могут принять участие в адвокатуре и защищать интересы рабочего класса. В словах Симсона тени прошлого прошли перед нами. Мы хорошо помним эту картину. Молодые адвокаты—это были работники, которым их патроны не платили часто жалованья. Мы ходили голодными, оборванными, обрабатывали их мелкие дела, о защите которых говорил Плевако. Он давал защиту иногда и рабочим, но нас, своих помощников, они эксплуатировали самым форменным образом и иногда тут вырисовывались 2 класса: один класс предпринимателей в адвокатуре и другой класс рабочих. Я хотел бы сказать, что, прежде всего, нужно решить этот вопрос. Адвокатура нужна,—не нужно

отмахиваться от того, что требуется при новой экономической политике. Но нельзя требовать, чтобы представитель буржуазии, каждый адвокат защищал ту массу, которая проходит через суд. Какая же масса проходит перед уголовным судом? 90%—это рабочие и крестьяне. Это подтвердит и т. Смирнов и кто угодно. Тюремны полны рабочими и крестьянами. Кому нужно больше всего защищать рабочих и крестьян, кто их будет защищать? Этот проект их не защитит. Нужно голосовать против этого проекта в основе.

Моренвиль. (Председатель комиссии Малого Совнаркома). Нужно, кажется, начать с автобиографической справки. Если это интересно, я могу сообщить, потому что ничего не скрываю. Я в данном случае вынужден выступать, как председатель комиссии Малого Совнаркома, которая разрешала этот вопрос. Этот вопрос у нас стоял в плоскости политической и мы обсуждали этот вопрос с точки зрения пригодности нового института для пролетарского государства. В Малом Совнаркоме, который потом принял этот проект единогласно, мы исходили из попыток защитить интересы пролетарского государства. Мне кажется, что мы защищали и как-будто бы достаточно зрело, и трудно, мне кажется, будет доказать, что мы в данном случае изменили рабочему классу. Вопрос здесь поставлен в очень неудачную плоскость. Во-первых, страстность совершенно излишняя и упоминание о классовой борьбе на этой трибуне недостаточно хорошо. Дело в том, что здесь нет представителей буржуазии. Тот проект, который принял Малый Совнарком, не может быть рассмотрен, как проект, формулирующий интересы буржуазии в противоположность критикам, которые выступают от имени пролетариата. Я боюсь становиться на плоскость борьбы классовой точки зрения. Но если вы продолжаете настаивать на этом, то можно думать, что здесь говорится о борьбе пролетарской точки зрения, совершенно созревшей, с точкой зрения думпен-пролетариата. Ведь никто не хочет защищать старую адвокатуру, в особенности, это мало свойственно нашим молодым адвокатам, которые получали от старой адвокатуры большие щелчки. И никому из нас не придет в голову воскрешение этого мертвеца. Вопрос идет о том, что адвокатуру, как учреждение, нужно работать в виде коллегии защитников и о том, что опыт других стран и опыт России, которая существует в мировом товарном обращении и в условиях капиталистического окружения и полукapиталистического хозяйства—этот опыт указывает на то, что не может в этих условиях существовать государственная адвокатура. Она захиреет, прости-туруется. Это мы видели уже хорошо. Я не буду указывать на отдельных лиц из сословия правозаступников, которых я глубоко уважаю. Это были специальные провозвестники идей пролетарского правосудия. Суд, как и другие органы, есть государственное орудие классовой борьбы по объективной своей сущности. Пролетарский суд во время пролетарской диктатуры не может не носить классового характера. Мы не будем повторять лицемерия старой юстиции о богине правосудия, но мы должны сказать, что классовое пролетарское правосудие не творится вульгарно. Это не митинг. Мы не отказываем буржуазии в правосудии. Когда наши классовые враги, совершившие

преступление против советской власти или—еще шире—против общества,—попадают на скамью подсудимых, мы не ставим на них штемпеля: «буржуа—хлоп в концентрационный лагерь». Мы не отказываем ему в правосудии. Мы обсуждаем степень его виновности, в какой мере вменить преступление ему в вину, исследуем степень совершенного преступления, а этот процесс можно вести лишь только тогда, когда защита независима от государственной власти. К этой системе мы пришли и с этим ничего не поделаем. Если мы в старое время не разрешили этого вопроса, то это было результатом того, что старая обстановка не давала нам возможности задуматься о правовых гарантиях, о правовой защите людей, и теперь, стоя твердо обоими ногами, имея под собой определенную почву, мы уже можем в пролетарском государстве позволить себе роскошь задуматься над правовыми гарантиями населения. Это один из козырей, которым мы озем по буржуазии на Генуэзской конференции. Несомненно, классовый суд может требовать того, чтобы не складывалось никакой организации, по существу своему, может быть, противоположной нашему государственному строю, чтобы не складывалось так называемого контр-революционного сообщества. Контр-революционного сообщества мы и не получим, так как мы берем на себя обязанность просеять эту адвокатуру через утверждение губисполкома, через рекомендацию отделов юстиции или совнарсудов (об этом мы говорим позднее). Мы берем на себя все. В нашем проекте имеется то обстоятельство, что мы институт пополнения адвокатского сословия берем на себя. Губисполкомы будут давать право вступления в сословие, производя его пополнение, а не сословие само будет пополняться. Бери на себя инициативу пополнения сословия, мы всегда procedim то, что в него идет. Свободную оплату по целому ряду причин мы вынуждены проводить, но оценивать состав мы можем, пока сильна советская власть. Азбучные истины для нас, что адвокат или защитник, проводя свою работу в суде, должен быть независим от этого суда, на котором он выступает, иначе рождается определенная подчиненность и связанность по отношению к суду. Мы это видим на примерах прошлого и сейчас можем сказать следующее. Поправка т. Крыленко вызовет противоречия. Первое, что необходимо установить—это независимость на суде. Тов. Крыленко говорит, что надо образовывать коллегии при совнарсудах. Я не сторонник губюстов, хотя еще меньший сторонник подчиненности адвокатуры суду. Мы уже на примере частных поверенных и подчинения их судебным палатам видели, что это понижало возможность работать правосудию. Не губюсты, то какая-нибудь другая форма будет работать в этом направлении. Сегодня прения ваши убедили меня в том, что позиция, на которую стал Малый Совнарком и первоначально его комиссия на которой стоит большинство работников работающих сейчас в законодательных учреждениях, совершенно правильная. (Аплодисменты).

Черлунчакевич. Для моего последнего слова почва расчищена. Мне много останавливаться в нем не придется. Прежде всего, два слова тов. Сотникову. Ведь, так понимать марксизм, как он понимает, едва ли возможно. Он расспрашивает: «из каких требований повои экономиче-

ской политики вытекает организация нового типа защиты» и через два слова тут же говорит, что новая экономическая политика легализовала права частной торговли и частной промышленности и целый ряд других частных организаций. Далее, ему, вероятно, также известно, что принцип личной заинтересованности составляет основной стержень новой экономической политики, которую мы проводим в отношении всех видов труда, не исключая фабрик и заводов, и если Сотников начнет говорить, что вот он, как судья или заведующий отделом юстиции, будет получать меньше, чем тот или иной на фабрике или заводе слесарь или другой специалист, знаток своего дела, то это будет чрезвычайно странный вопрос. Почему он получает меньше.—потому что он специальных профессиональных знаний не имеет. В адвокатуре хороший защитник, это—специалист, это—художник, это—умеющий хорошо работать по своей профессии, как хороший слесарь в области своего дела. Далее уже совершенно смехотворно рассуждение тов. Симсона, когда-то работавшего в политической группе защитников, как и ваш покорный слуга. Из этих политических защитников вышли действительно крупные имена в области защиты и адвокатуры дореволюционного периода, но они не принимают участия в работе по своей профессии в настоящее время. Пусть он укажет,—он указывает нам только умерших из них, но пусть он укажет из живых, где они работают,—я знаю, что они работают всюду, но не у нас. И когда я наиболее желательных для нас, стигавших себе крупные имена в защите вождей нашей революции,—когда я спрашиваю их, почему они не пошли работать к нам, они отвечают: «Мы не можем ставить себя в положение подозреваемых и находиться под угрозой сесть на скамью подсудимых». Тов. Сотников предлагает сейчас вместо живой здоровой организации, которую мы создаем, чтобы избежать тех недостатков организации адвокатуры, которые были раньше, составить адвокатуру советских чиновников. Поймите вы, что попытка в этом направлении уже была сделана и этот тип организации наименее себя оправдал: почти вся коллегия правозаступников Питера на скамью подсудимых попала потому, что не было никого, кто не брал бы по соглашению деньги за защиту. Когда такого рода тип организации адвокатуры защищают, то я вижу, что эти товарищи ничему не научились ни из новой экономической политики, ни из того, что проделала наша республика за 4 года существования. Когда тов. Дьяконов говорит, что надо отвергнуть проект, потому что он составлен классовыми врагами пролетариата, то так может рассуждать человек, который только гонится за фразой и за пустозвонной фразой. (Аплодисменты). Когда же он пытается говорить, что вот у него в Самаре есть проект, где говорилось, что никаких не нужно создавать привилегий для бывших присяжных поверенных, то и я полагаю и указывал здесь, что для всех без исключения должен быть установлен известный фильтр, заключение той комиссии, которая компетентна в этом деле разбираться. И я здесь указал, что образовательный ценз является одним из требований, но наряду с ним стоит и работа на ответственной должности по советской юстиции. Я не буду отвечать сейчас на все заниски, потому что они касаются тех деталей, кото-

рые должны быть и могут быть обсуждены лишь в секции или подсекции, ибо никакие принципиальные вопросы в них не возбуждаются. Если вы, товарищи, захотите идти по той линии, которую выдвинул последний 9-й Всероссийский Съезд Советов, если вы захотите пойти по линии внесения в массу населения знакомства с советским правом и ускорить этот процесс, если вы найдете нужным сделать действительным контролером за законностью все население рабочих и крестьян, то вы должны сделать известным им это советское право.

Председатель. Позвольте голосовать вопрос в общем и целом. Принимается или не принимается проект, а потом будем голосовать поправки. Товарищи, которые принимают в общем и целом проект, предложенный докладчиком, поднимают руки. Товарищи, которые против проекта? Меньшинство. Проект принят. По поводу поправки у меня имеется поправка тов. Смирнова и имеется заявление Торчинского.

Смирнов. Вот здесь в 43 пункте сказано: «при губернском отделе юстиции». В виду того, что с созданием прокуратуры губернские отделы юстиции упраздняются, я вношу поправку—«при совнарсудах». Только при судах защита может быть строго контролируема.

Эстрин. Не верно, не такая резолюция принята. Мы там поставили два условия: не только введение прокуратуры, но и развитие судебной системы. Но дело не в этом. Дело в том, что сейчас пока существуют два судебных органа—совнарсуд и трибунал. Сейчас нецелесообразно, когда это дело переходит в ведение юстиции, передать дело в совнарсуд, который этих сил не знает. Это нецелесообразно. Я предлагаю оставить проект в редакции Наркомюста.

Председатель.—Позвольте голосовать, особенно после знаменательного заявления т. Эстрина.

Поправка принята.

2-ю поправку я предлагаю дополнить следующим примечанием к ст. 44: «В отношении ревтрибунала сохраняет свою силу ст. 17 основного положения о трибуналах, в силу которого трибуналу предоставляется право разрешать вопрос о допущении защиты, вообще, и отдельных защитников, в частности, по своему усмотрению, в зависимости от характера дел. По существу вопрос сводится к следующему: для нас, при трибунальном производстве, при наличии даже сугубой опеженной адвокатуры, имеются такого рода дела, в которых мы ставим вопрос, вообще, о допущении защитников, как, например, по делу об убийстве финских коммунистов, когда мы определенно заявили, что этого адвоката можно допустить, а этого адвоката по обстоятельствам суду известным, нельзя. Мы в плоскости обостренной классовой борьбы и тех функций, которые нужны трибуналу, находим, что это нужно оставить. Вот почему я за это дополнение в порядке примечания.

Голос с места.—Начали с военных трибуналов, а окончили о трибуналах, вообще. Это совершенно неправильно. Возникает вопрос, предоставляется ли право допускать защиту, или не допускать. Это частный вопрос. Этот вопрос—имеет ли право трибунал допускать, или не допускать защиту будет иметь место, когда мы будем обсуждать положение

о процессуальном кодексе. В настоящее время этот вопрос о допущении статей 17 не затрагивается. Я предложил бы эту поправку не ставить. т. к. она не связана с проектом.

Голос с места.—Я предлагаю этот вопрос не обсуждать, ибо здесь никто не предлагал пересмотреть те положения о рев. трибуналах, на которые ссылается Николай Вас. То положение об адвокатуре, которое предусмотрено в 43 ст., дает полную возможность туда статью 17 полож. о рев. триб. вводить до тех пор, пока она будет в порядке существования трибуналов нужна. Я предлагаю этого не вводить в положение о народном суде.

Председатель.—Это не законопроект. Нам просто важно мнение деятелей юстиции по этому политическому, кардинально важному вопросу. Это мнение должно быть высказано, а вопрос о том, куда мы будем это вносить—сюда или в положение о трибуналах—это вопрос другой. Кто за то, что такая поправка принципиально принимается. (Принята). Слово имеет тов. Торчинский.

Торчинский.—Декрет об адвокатуре... (читает).

Председатель.—Угодно допустить прения по этому заявлению.

(Голоса). — Нет.

Угодно принять дополнительную резолюцию. (Отклонено).

Голос с места.—Я предлагаю из ст. 47 вычеркнуть «особым постановлением суда». Это право коллегии защитников решать, а в случаях расхождения—судам: наши правозащитники будут оказывать многим нуждающимся бесплатную помощь и требовать особого постановления нарсуда не требуется. Затем следует примечание к ст. 44. Я предлагаю таким образом: члены коллегии защитников не могут занимать должностей в судебных учреждениях.

Председатель.—По поводу первой поправки угодно открывать прения? (Отклонено). Кто за эту поправку? (Отклонено). 2-я поправка. (Отклонено). Поправка, внесенная к 49 пункту, отклоняется.

Утреннее заседание закрывается.

Утреннее заседание 30-го января.

Доклад т. Лисицына о порядке рассмотрения земельных и жилищных дел.

Председатель. Слово для доклада предоставляется тов. Лисицыну.

Лисицын. Товарищи, декретом о социализации земли была уничтожена частная собственность на землю. До Октябрьской революции трудящееся крестьянство долго ожидало от Учредительного Собрания разделения помещичьих земель и, товарищи, если бы крестьянство в союзе с рабочим классом не совершило Октябрьской революции, то, вероятно, оно бы еще до сих пор эту землю не поделило. В результате революции были изданы законы, которые установили совершенно новые

формы землепользования. Прежде всего, уничтожение собственности на землю; в основу пользования землей положен труд. Землей может пользоваться только тот, кто эту землю обрабатывает. Эти положения определенным образом зафиксированы в законе о социализации земли. Статья 9-ая этого закона говорит о том, как происходит распределение земли. Дальше, статья 12-ая определяет трудовую норму, на основании которой крестьянство должно пользоваться этой землей. Если мы посмотрим на весь декрет о социализации земли, то он проникнут одним направлением—направлением передачи земли в руки тех, кто эту землю обрабатывает. Товарищи, ясно, конечно, что такой огромный сдвиг в земельных отношениях,—если мы вспомним, что аграрная революция накопляла свои силы в продолжение более чем 50 лет, начиная еще с крестьянских восстаний во время царя Александра II-го, если мы все это вспомним, то, конечно, ясно,—что эта пертурбация земельных отношений, она не могла пройти в организованных формах и для этого нужны десятилетия лет. Но в результате стихийной революции крестьянство землю получило и мы теперь имеем фактически более или менее поравнение среди крестьян этой самой земли, которая была раньше распределена не в интересах трудящегося крестьянства. Статистика определенным образом говорит, что у нас уменьшилось количество хозяйств малоземельных, в то же время уменьшилось количество хозяйств многоземельных, но увеличилось количество хозяйств середняцких. Значит, стремление крестьянства к поровнению осуществилось революционным стихийным путем в результате этой аграрной революции. Когда были созданы земельные отделы, когда Рабоче-Крестьянское Правительство пожелало эту дележку направить в определенное русло, то уже, конечно, приплюсовать к этому фактически совершившимся поровнением.

Много ли могли сделать земельные отделы? Если мы возьмем положение о социалистическом землеустройстве, те правила, те инструкции, которые говорят о необходимости перейти к системе социалистического землеустройства, то нужно сказать, что фактически из этого осуществлено очень мало. Уездные земельные отделы в своем распоряжении имели мало технических средств и возможностей для того, чтобы провести социалистическое землеустройство в жизнь и мы видим, что зачастую эту работу проводят волостные земельные отделы. Волостные земельные отделы фактически, так сказать, определяли уже законным образом то, что стихийно произошло в результате революции. Если мы теперь имеем другую политику Наркомзема в области землепользования и когда тому же Наркомзему приходится защищать положение о хуторских хозяйствах, наиболее крепких и производительных, то очень часто он вынужден считаться с фактом их уничтожения, напр., в западном крае, где очень много этих хуторских хозяйств, которые были поделены малоземельным крестьянством. С этим фактом нужно считаться, когда мы хотим перейти к правовым нормам при всяких отношениях в области землепользования. Какую роль мог играть народный суд в этот бурный период? Народный суд, который свои решения основывает на определенных правовых институтах. Если мы говорили о революционном правосознании, то все-таки и революционное правосознание всегда по-

копалось на той или иной норме. Так или иначе нам приходится самим законодательствовать, но все же суд должен был применять те или другие нормы. И вот, могли ли народный суд удовлетворить интересам крестьянства при разрешении тех споров, которые происходили при тех делах, о которых я говорил. Конечно, роль народного суда в этих случаях была не очень большая. И бесспорно, земельные отделы, которые были призваны урегулировать землепользование и землеустройство, они забрали всю работу, которая должна была принадлежать народному суду, в свои руки. В настоящее время, на 5-м году революции, мы имеем, как я уже говорил, установившиеся земельные отношения. Если еще будут в этом смысле столкновения, трения между отдельными группами крестьянства, между отдельными землепользователями, то это уже укладывается в рамки правовые, в другие рамки, которые могут быть вполне естественно выработаны в народном суде. Какие изменения в принципе земельного вопроса произошли за это время? Перед нами имеется резолюция 9-го Всероссийского съезда по земельному вопросу, которая говорит, что основной принцип уничтожения частной собственности на землю остается неизменным, что основной принцип передачи земли в пользование только трудящихся остается неизменным. Но, товарищи, Всероссийский Съезд Советов отступил от некоторых положений, которые существовали до сих пор в законе. Всероссийский Съезд Советов подтвердил свои прежние постановления о недопустимости частных пределов земли, которые нарушают твердость землепользования, пределов, которые не могут дать уверенности каждому земледельцу, что он, действительно, вкладывает свой труд в землю не напрасно, что труд его принесет плоды. Всероссийский Съезд Советов подтвердил это свое запрещение и, таким образом, мы более или менее имеем твердый порядок землепользования. Только по истечении 9 лет, трех севооборотов, возможен общий передел. Но дальше 9-й Съезд установил или допустил новый принцип, он определил, можем ли мы до конца провести принцип отмены частной собственности, а вы, товарищи, конечно, прекрасно знаете, что принцип частной собственности сопровождается другими правовыми нормами. Что такое собственность? Собственность—это значит возможность по своему усмотрению распоряжаться той вещью или недвижимостью, которая находится в руках собственника. И мы здесь видим известный компромисс. Мы видим, что 9-ый Съезд в отношении маломощного крестьянского хозяйства допускает переуступку. Мы не имеем права собственности на землю, но имеем право сдачи в аренду участка земли, которым пользуется данное маломощное, крестьянское семейство. Мотивы, которые излагал в своем докладе тов. Осипский, заместитель Народного Комиссара Земледелия, такие, что мы были бы совершенно непрактичными, недальновидными людьми, если бы мы не считались с требованиями жизни, когда, например, хозяин данного крестьянского хозяйства умирает, когда остается вдова с малолетними детьми, можно ли сказать, что раз вдова не может совладать с участком земли, то по закону в этом случае нужно отобрать у нее участок. Можно ли говорить, что эта вдова лишена права эксплуатировать этот участок? 9-ый Съезд сказал: нет, так не должно быть, и ВЦИК'у поручается издать закон,

который допускал бы возможность переуступки в исключительных случаях земли из пользования одного крестьянина в пользование другого, причем срок должен быть ограниченный. Хотя в резолюции 9-го Съезда срок не назван, но по докладу тов. Осипского срок определен 6-тилетний. Значит, маломощное крестьянское хозяйство может быть передано из рук того, который получил эту землю из общегосударственного фонда, может быть передано другому крестьянину в аренду на срок не более 6 лет. И предлагается такой срок потому, что в эти 6 лет та же вдова поднимет на ноги своих детей или тот же красноармеец через несколько лет возвратится и будет иметь возможность поднять хозяйство на должную высоту. Затем, если мы посмотрим декрет о разрешении отчуждения немунципализированных строений в городах, то мы увидим, что в примечании к 1-й статье говорится о том, что строение, связанное с землей в сельских местностях, в исключительных случаях может отчуждаться по разрешению уездного исполкома, по заключению уездного земотдела. Значит и в этой области мы видим уже известный сдвиг, в области, где, казалось, твердо был положен принцип невозможности частной собственности. Мы видим, что это право допускается, хотя и в других формах, но это те же правовые институты, которыми сопровождалось право частной собственности. Дальше, если мы обратимся к декрету о социализации земли, то мы видим, что главным основным положением пользования землей является запрещенное наемного труда. 9-ый Всероссийский Съезд пошел и в этом отношении навстречу жизненным требованиям крестьянства и сказал, что если нужна помощь маломощному хозяйству, то должно допустить в исключительных случаях и наемный труд и ВЦИК'у было поручено разработать в этом отношении соответствующие нормы. Какой же порядок существовал до сих пор в рассмотрении земельных дел? Если посмотреть законодательные акты по этому вопросу, то мы увидим, что только в отношении дел земельного устройства этот порядок был более или менее детально регламентирован. В инструкции Наркомзема к положению о социалистическом землеустройстве имеется глава о порядке рассмотрения этих дел, причем в статье 75 дается ссылка на положение о народном суде. А именно: на статью 22—21—25 вплоть до 66 и даже 73 статьи. Но ведь недостаточно того, чтобы земотдел при разрешении землеустроительных дел руководствовался процессуальными нормами, которые установлены для суда. А состав коллегии—существует ли он твердо, как в народном суде? Нет, есть дела, слушающиеся в открытом заседании, а есть дела, слушающиеся в распорядительном заседании. В распорядительном заседании слушается большинство дел, касающихся отдельных землепользователей и только более сложные дела слушаются в открытых заседаниях, например, дела по утверждению проекта землеустройства. Требование рассматривать дела в коллегии земотдела, это требование не выполнялось. В Отделе Судебного Контроля проходили дела по обвинению заведующих земотделов в том, что они единолично лишали права пользования землей те или иные группы населения или тех или иных землепользователей. На практике очень часто интересы той или другой заинтересованной в землеустройстве стороны не соблюдались и

дела разрешались чисто бюрократическим путем. Конечно, нельзя признать этот порядок нормальным. Девятый Всероссийский Съезд Советов в одном отношении пошел навстречу требованиям крестьянства по отношению землепользования. Если взять положение о социализации, то мы увидим определенную тенденцию регулирования в направлении к коммунистическому строю сельского хозяйства или к созданию форм, которые являлись бы переходными. И если мы делали опыты переходить к формам регулирования крестьянского хозяйства, которые не вытекали из объективных условий, этот период в настоящее время мы вынуждены признать неудачным. Мы вынуждены перейти, как марксисты, к условиям, которые диктуются нам в настоящее время, и 9-ый Всероссийский Съезд Советов сказал, что не хочет навязывать крестьянам тех или иных форм землепользования, а что он занимает позицию нейтральную и, в зависимости от своего здравого смысла, крестьянство таким образом, может избрать любую форму землепользования, причем мы не занимаем положения идеалистического, как это делают, например, социал-революционеры, народники и другие. Мы не считаем общину такой формой, которая бы могла поднять производительность сельского хозяйства. Но, с другой стороны, мы говорим, что и община, если будут применены усовершенствованные способы обработки и кооперирования, то она может быть полезной.

Доклад тр. Осинского подчеркнул нейтралитет и сказал, что крестьяне могут перейти к хуторскому хозяйству и другим видам, в зависимости от местных условий, которые сложились в результате учета наличных ресурсов хозяйства. Следовательно, еще один момент, который нас приближает к правовым формам распределения земли. Государство в регулировании занимает нейтральную позицию и по частной инициативе, по инициативе частных граждан, придется рассматривать землеустроительные дела и производить разверстание земель, то или иное распределение, наметчение границ и т. д. и т. д.

Это усложнит работу органов, которые призваны для этой цели. Органы по землеустройству должны уточниться, т.-е. сделать свою функцию более ясной для крестьянства, чтобы оно знало, что не резолюция заведующего земотдела решает его вопросы, а что они решаются в определенном составе, в известной форме и что состав уполномочен местным советом. Это должно быть ясно не только деятелям земотделов, но и для всего крестьянского населения. Значит, существующий порядок рассмотрения землеустроительных дел не может остаться. Какой же порядок должен быть? И вот здесь надо сказать, что кое-что придется позаимствовать даже у наших врагов. Например, Столыпин, когда хотел насадить хуторское хозяйство, то устроил землеустроительные комиссии. При этом он хотел опереться на кулачское хозяйство, т.-е. выделить наиболее крупных кулачских крестьян и опереться на них для того, чтобы иметь возможность подавлять восстания остальной массы. Эта мера была реакционная. В наших условиях, когда мы можем образовывать землеустроительные комиссии, чтобы более точно производить рассмотрение землеустроительных дел, это будет только целесообразной мерой; если мы отвергнем название землеустроительных комиссий, то

основное мы должны все-таки оставить, как, например, состав, ведение дел, обжалование и т. д. Почему нельзя передать этого в народный суд? Здесь область не только судебного разбора, но и административного, и, главным образом, применение принципа целесообразности, применения закона, который поκειται не только на определенных нормах, но, главным образом, должен направлять и руководить сельским хозяйством данной местности. Несомненно, эти дела должны остаться в руках земотделов, но с тем, чтобы существовал в законе определенный порядок для рассмотрения землеустроительных дел. Если обратиться к остальным делам о землепользовании, то точного порядка почти не существовало. Есть циркуляр НКЮ № 1—1920 г., который пытался определить подсудность дел народному суду. Но настолько несовершенно определение этой подсудности, что на местах получалась волокита. Народный суд и земотделы часто параллельно работали по одним и тем же вопросам. Такой порядок привел к тому, что ни земельные отделы, ни народный суд не знали пределов их компетенции. Если мы посмотрим, как разрешались эти дела в волостных и даже уездных земельных отделах, мы увидим, что часто совершенно не соблюдался законный состав присутствия, часто не было народного судьи, который должен был присутствовать, но фактически не мог являться на заседание волостного земельного отдела, потому что в одном участке было по 5 и более волостей и дела разрешались или всем составом волостного исполнительного комитета, или составом земельного отдела, а фактически одним заведующим земельным отделом. Когда народный судья посещал аккуратию заседания земельного отдела, то народный судья чувствовал себя неловко, потому что он должен был подчиняться заведующему земельным отделом, так как главную роль закон предоставлял земельному отделу. Конечно, народный судья оказывал все влияние, которое мог и должен был оказывать на разбор дела, но фактически, если бы было ему предоставлено председательствование по данным делам, он, конечно, всецело отвечал бы за то, что творилось в этих земельных отделах. Но мы видим, что очень часто волостные земельные отделы одними резолюциями разрешали спорные вопросы. Делопроизводства никакого почти не было, напр., из поступающих в Центральный Отдел Землеустройства (Центрозем) массы жалоб мы видим беспорядочность, когда даже те элементарные гарантии, которые существуют в народном суде в земотделах отсутствуют. Такой порядок, товарищи, дольше существовать не может. Часто волостные земельные отделы, несмотря на запрещение закона, брались за перерешение дел, сегодня решали одно, завтра или через некоторое время—другое. В уездных земельных отделах дела опять-таки, на основании, очевидно, 72-ст. инструкции, где говорится о том, что дела должны разрешаться в распорядительном заседании, часто решались за обедом, как это было в одном из земотделов, т. е. без всякого уважения к явившимся сторонам. Все это, товарищи, приводит к выводу, что необходимо так или иначе этот порядок уничтожить. Мы видели перед собой проект, который был опубликован в «Бедноте», проект, выработанный Центросоюзом, о создании земельных судов, но, в конце-концов, и этот проект ничего нового не дает.

Он устанавливает порядок разрешения более или менее точный, но, во всяком случае, оставляет основной принцип изъятия большинства дел из ведения народных судов. Конечно, если мы обратимся к тому, как должны разрешаться эти дела, если мы вспомним о тех новых законах, которые изменяют правовое положение земельного вопроса в деревне, то мы должны сказать, что здесь в настоящее время мы имеем перед собой необходимость передачи этих дел в народный суд. Товарищи, справится ли народный суд с этими делами? Если народный судья вынужден был ездить по волостям для участия в земельных отделах, то практически, если мы предоставим ему возможность иметь усиленный штат канцелярии, если мы разгрузим его от того количества дел, которые имеются во многих участках, если не сократим, а увеличим штат, то, конечно, народный суд с этими делами справится. Что должно быть положено в основу этого разрешения вопроса? Это, прежде всего, разрешение дел на местах. Я, таким образом, выдвигаю в своих тезисах проект, чтобы народный суд для разрешения дел, связанных с землепользованием, выезжал на места с тем, чтобы заседатели выбирались из лиц, близких к сельскому хозяйству, знающих местные условия землепользования и могущих быть полезными судье и не только быть полезными, но и способными дать возможность пользоваться их опытом, научить его и т. д. Здесь я не буду говорить, какие дела необходимо оставить в разрешении волостных исполкомов. Это дела административного характера. Какие переходят в нарсуд, также ясно, это дела, связанные с землепользованием: о семейном разделе, дела по спорам о договорах, которые будут возникать теперь, одним словом, все дела, связанные с землепользованием и имеющие спорный характер. Дела же, касающиеся землеустройства, как я говорил, должны оставаться в разрешении уездных и губернских земельных отделов, но с непрямым требованием, чтобы эти дела разрешались на основании определенных судопроизводственных форм, чтобы эти формы были точны и ясны и чтобы состав присутствия был определен законодательным путем. Товарищи, для того, чтобы сконструировать работу по земельным делам, изучить весь опыт, необходимо в тех местах, где эти дела преобладают, выделение в совнарсуде особых кассационных отделов по земельным делам. Может быть это будет временная мера, но она в зависимости, как я говорю, от количества дел вполне целесообразна и вполне вытекает из того отношения к делу, которое мы до сих пор в строительстве нарсуда проявляли, когда открывали дежурные камеры, особые сессии и т. д.

Возникает вопрос о том, какая связь будет между органами юстиции и органами земельными. Нужно ли, хотя бы в кассационные инстанции, вводить представителей губернских земельных отделов, чтобы сохранить эту связь. Товарищи, я допускаю возможность того, чтобы в кассационном присутствии совнарсуда по земельным делам мог присутствовать в качестве члена совнарсуда представитель губернского земельного отдела, но когда я эту мысль выдвинул, мне возражали, что едва ли будет представитель губернского земельного отдела настолько аккредитован, чтобы посещать заседания совнарсуда, и связывать себя обязательным вхождением представителя губземотдела в совнарсуд неправильно. По-

этому в тезисах мы говорим очень осторожно, что возможно допущение, но не в том смысле, что это обязательно. По моему мнению, это будет целесообразнее.

Товарищи, имеется еще целый ряд дел, которые были изъаты из ведения народного суда. Это дела жилищные. В последнее время съезд коммунальников признал, что по всем жилищным делам, которые возникают не на основе муниципализации, т. е. когда споры происходят между хозяином данного дома и его жильцом, где коммунальный отдел не заинтересован как хозяин, — в его руках это строение не находится, — там дела должны разрешаться в народном суде. Точно также споры о выселении, все споры, касающиеся пользования теми или иными строениями и т. д. Но он не пошел дальше. Он не установил этого порядка и для тех дел, которые возникают вследствие спора с тем же самым коммунальным отделом. Если мы, товарищи, вспомним, что в настоящее время и коммунальный отдел будет вынужден перейти на хозяйственный расчет, т. е. он должен будет действовать так, как действует хороший хозяин, будет вступать в договорные отношения с отдельными лицами, пользующимися тем или иным домом, той или иной квартирой, то, очевидно, и в этом отношении мы должны требовать, чтобы все без исключения жилищные дела разрешались в народном суде. Здесь вопрос наиболее запутан. В настоящее время мы не имеем кодекса по жилищному вопросу. Мы не имеем точного определения прав и обязанностей, ибо хотя и существовал декрет, касающийся порядка распределения жилищ, но этот декрет остался, товарищи, совершенно невыполненным. И конечно, в настоящее время говорить о выполнении этого декрета не приходится. Нужно перейти в области новой экономической политики к тем формам, которые этой политикой выдвинуты. И, конечно, тут, как орган правовой, регулирующий все взаимоотношения, суд должен принять участие в разрешении всех без исключения жилищных дел. Какие будут взаимоотношения с коммунальным отделом, а здесь, в Москве, положим, с центральным жилищным отделом, — этот вопрос должен быть разрешен специальным законом по жилищным делам. Народный Комиссариат Земледелия уже приступил к разработке Земельного Уложения. Когда это Земельное Уложение будет издано, необходимо издание кодекса и по жилищному вопросу. Когда все эти условия будут осуществлены, народный суд, при условии увеличения штатов и канцелярии, с успехом справится и с этим огромным количеством земельных и жилищных дел и крестьянство наше, которое в настоящее время пользуется судом 2-го сорта, судом, как выразился тов. Калинин, не то административного, не то хозяйственного воздействия, когда крестьянин не уверен в том, что земельные отделы заинтересованы в том, чтобы так или иначе разрешить спор или вопросы землепользования, то, товарищи, мы, перейдя к разрешению в народном суде всех правовых споров в области землепользования, всех вопросов, касающихся крестьянской жизни, несомненно, то доверие, которое народному суду крестьянство оказывает, в дальнейшем еще больше утвердим. Я уве-

рен, что в этом вопросе о передаче в народный суд всех дел, о которых я сделал доклад, возражений не встретится. На губернском Московском съезде я выдвигал мысль о создании промежуточного органа, где были бы представлены земельные отделы. В настоящее время Народный Комиссариат Юстиции поручил мне поддерживать настоящий доклад о том, чтобы все дела без исключения были переданы в народный суд.

* *

Председатель. — Слово к порядку имеет тов. Крыленко.

Крыленко. — Товарищи, предлагается следующий порядок ведения заседания по этому вопросу. В виду того, что в нашем распоряжении имеется только сегодняшний день, а завтра нам нужно представить в готовой форме резолюции съезда, а у нас остались еще доклады о нотариате, о судебных исполнителях, о материальном положении сотрудников юстиции и доклад о теоретической подготовке, а также не кончила еще работу организационная секция,—я думаю предложить по вопросу о земельных делах голосовать один основной принцип: высказывается ли съезд за то, что разрешение земельных дел должно быть включено и поручено органам народного суда, или же съезд стоит на той точке зрения, что эта категория дел должна быть поручена своеобразным судебно-административным органам, намечаемым Наркомземом. Я предлагаю только по этому вопросу допустить прения. Если же будет решено, что прения не нужны, я предлагаю голосовать только это и затем принять тезисы, предложенные тов. Лисицыным с теми некоторыми поправками, которые можно будет сейчас же внести. Затем сегодня же после этого, в виду того, что Дмитр. Иван. Курский может по основному, боевому, нас интересующему вопросу о материальном положении работников юстиции быть вечером, этот вопрос отнести к вечеру, а сегодня, сейчас же после того, как мы разрешим этот вопрос, за время дневного промежутка разрешить вопросы нотариата, о судебных исполнителях, о теоретической подготовке судебных работников и затем после этих вопросов, проведенных в кратком порядке, открыть заседание организационной секции, которой и предложить свою работу закончить до обеденного перерыва. Вот то конкретное предложение к порядку заседания, которое я полагаю бы целесообразным внести.

Председатель. — По этому предложению слово имеют один за, другой против. Я должен довести до сведения съезда, что записавшихся в порядке прений 6. Открываем ли мы прения по этому вопросу или нет? По этому вопросу нужен ли один за, другой против? (голоса: «Нет!»). Кто считает излишним, поднимите руку? Прошу опустить. Таким образом, прямо приступаем к голосованию. Кто за то, чтобы по настоящему докладу прений не открывать, а прямо приступить к обсуждению конкретных предложений по самым тезисам, поднимите руку?

Повидимому, большинство. Все-таки я произведу обратное голосование.

Кто против этого? Мало.

Таким образом, приступаем непосредственно к голосованию отдельных тезисов.

Слово для предложения имеет тов. Крыленко.

Крыленко. — Я предлагаю из 15 тезисов тов. Лисицына 5 штук выпустить, а именно: первый тезис остается, выпускаются, по-моему, тезисы, излагающие историческую часть, общеизвестные факты и как не имеющие. Не то, чтобы они были неверны, но они не нужны. 6-й пункт, как излагающий то, что делает до сих пор Наркомзем, по моему мнению, тоже можно выпустить. Остаются берущие быка за рога, п. 3-й, о том, что Центрозем дает свой проект, п. 4-й, что этот проект не годен, п. 5-й, что народный суд этим должен ведасть, и потом остальные пункты, намечающие более правильно компетенцию этих земельных судов, п. 14-й о том, что предлагается ввести представителя от Наркомзема в кассационный отдел, тоже выпустить. Таким образом, вместо 15 пунктов получается 10 и они скомпонованы более деловитым образом.

Если возражений или других предложений нет, то можно эти тезисы голосовать в целом.

Алимов. Я соглашаюсь с мнением тов. Крыленко о том, что надо выбросить некоторые тезисы, но я думаю, что 6-й тоже надо оставить, потому что, поскольку мы решаем принципиальный вопрос о том, что дела из земельных органов должны перейти в народные суды, постольку и тезис, обосновывающий то положение, по которому мы к этому приходим, должен остаться, потому что говорит, что земельные отделы до сего времени не могли справиться с этой работой и что бессистемность такого судопроизводства приводит нас к мысли о том, чтобы передать все земельные дела и народные суды. Я предлагаю исключить 4 тезиса, а 6-й оставить.

Председатель. — Какие есть еще предложения, товарищи?

Голос с места. — Я хотел бы внести дополнение к этим тезисам в таком смысле: в виду того, что все земельные дела принципиально приняты с'ездом для передачи в народные суды, а этих дел будет очень много, и работа в народных судах страшно увеличится, между тем, штаты сокращены до минимума, у нас, например, в Нижегородской губ., оставлен только один секретарь на всю канцелярию суда, — необходимо, чтобы штаты были увеличены хотя бы до секретаря и его помощника.

Председатель. — Это сюда не относится. Это — не земельный вопрос. По существу земельного вопроса, какие имеются новые предложения?

Голос с места. — Я бы высказался против из'ятия дел в народные суды.

Председатель. В таком случае заслушаем заключение докладчика по поводу внесенного предложения (голоса: «прений не было, не пужно»). Кто за то, чтобы дать слово докладчику? — Мало. Тут имеется два основных предложения, а то возражение, которое было внесено т. Алимовым относительно 6 пункта, т. Крыленко принимает. Таким образом, остается собственно одно основное предложение, — выбросить 4 пункта

В остальной части тезисы докладчика принять. Кто за это предложение, поднимите руки, — очевидное большинство. Кто против? — Нет. Таким образом, тезисы по докладу приняты. То предложение, которое вносит тов. Андреев, оно не имеет никакого отношения непосредственно к этому докладу и его можно будет внести при обсуждении вопроса о материальном положении, о штатах. Таким образом, этот вопрос исчерпан. Переходим к следующему докладу.

) * *

Доклады т. Брагинского о нотариате и об исполнении судебных решений.

Председатель. Слово для доклада предоставляется тов. Брагинскому.

Брагинский. На пятый день съезда мы подошли к вопросам гражданского права. Гражданское право — самая экономическая из правовых дисциплин; в большинстве своих частей оно трактует имущественные вопросы. При новом курсе экономической политики оно должно играть, конечно, доминирующую роль. И если мы к этим вопросам подошли лишь на 5-й день съезда и можем предложить вашему вниманию только две небольших части будущих кодексов судопроизводства и нотариата, то ведь и к новому курсу экономической политики мы склонились не сразу. Если весной мы перешли от продразверстки к продналогу, если мы подошли тогда к товарообмену через кооперацию, то, очевидно, нормы гражданского права должны были быть иными, чем когда мы перешли к стадии государственного контроля над производством и денежного обращения. Ясно, что гражданское право должно было впитать в себя постепенно все эти новые явления экономической жизни и дать иное разрешение его вопросам в законодательных актах. В настоящее время мы предлагаем на ваше обсуждение самые животрепещущие вопросы, которые нуждаются в немедленном разрешении. Вопрос об исполнении судебных решений трактуется во втором и третьем №№ «Еженедельника Советской Юстиции». В своей статье я отметил скудость норм по этой части гражданского судопроизводства в советском законодательстве. Каждый законодательный акт, каждое «Положение о суде» содержало указание, что инструкция о порядке приведения решений в исполнение будет издана НКЮ. Однако, эта инструкция издана не была и виною тому не злая воля НКЮ, а чисто объективные обстоятельства. Мы за 4 года видим падение количества гражданских дел. Если просмотреть отчет НКЮ, представленный 9-му съезду Советов, то мы увидим, что если в 19 году гражданских дел было 33% всех дел, прошедших через народный суд, то в 20-м году количество их упало до 18%. Рассматривая эти данные внимательнее, мы увидим, что многие из этих дел с большой только натяжкой могут быть отнесены к делам гражданским. Да и порядок исполнения был, очевидно, иной при различных, напр., системах экономической политики. Вопрос о публичных торгах, при отсутствии вольных цен не мог разрешаться

удовлетворительно. Инструкция поэтому откладывалась составлением. Теперь, когда мы пришли к новому курсу экономической политики, этот самый вопрос об исполнении судебных решений требует срочного разрешения. Тоже с нотариатом. Если торговые дела не были легализованы, не было и сделок, т. к. не могли они совершаться в порядке публичном, каковым является порядок нотариальный. Новая экономическая политика заставила нас подойти вплотную к вопросам нотариата. Тезисы, напечатанные в № 4 «Еженедельника», трактуют об этом и позвольте мне к ним перейти. По нотариату имеется циркуляр НКЮ, № 36, который учредил нотариальные столы и в дальнейшем содержит несколько статей о том, что сделки регистрируются в нотариальных столах отдела юстиции и бюро юстиции. Законодательных норм очень мало. Прежде всего, декрет о разрешении владельцам немунципализованных строений права их отчуждения.

По декрету сделки об отчуждениях должны совершаться в нотариальных столах. Затем декрет о договорах подряда и поставки. В пункте 2 имеется правило, по которому такого рода договоры, совершаемые от имени государства, должны регистрироваться в отделе юстиции или в уездном бюро юстиции. Больше, в сущности, положений никаких нет, если не считать нормальным положением декрет от 12-го августа, что за свидетельствование всякого рода договоров должна взиматься такая-то плата в определенной пропорции. Жизнь требует, чтобы большое количество сделок регистрировалось в отделах юстиции. Практика мест действующим законодательством, регистрируется в отделах юстиции. Чем объясняется, что граждане, никем не понуждаемые к совершению регистрации, являются в отделы юстиции и регистрируют свои сделки. По этому вопросу возникают часто конфликты в различных органах на местах. Объясняется это очень просто: экономическая жизнь наша требует придания определенной силы и крепости тем договорам и сделкам, которые совершаются между государственными органами и частными лицами, с одной стороны, между частными лицами и их объединениями, с другой стороны. Вот тут и требуется создание нотариата. Таким образом, тезис первый моего доклада сводится к следующему: (читает. См. стр. 16 «Резолюций»). Каковы же функции советского нотариата по отношению к сделкам, регистрируемым в его учреждениях. Нотариат должен осуществлять двойную функцию. Прежде всего, нотариальное засвидетельствование сделок придает им определенную силу и крепость. Эти сделки должны пользоваться определенными преимуществами на суде; между гражданами они пользуются наибольшим значением. С другой стороны, нотариат должен рассматривать каждую представляемую к регистрации сделку с точки зрения соответствия этой сделки или договора тем законодательным актам, которые регулируют соответственное отношение. Если, предположим, в народный нотариат явится гражданин, отчуждающий не только свое строение, но и землю под этим строением, то, очевидно, нотариат должен отказать в совершении такой сделки, потому что недвижимость не может быть отчуждаема и поныне. Поэтому тезис вто-

рой гласит следующее: (читает). И вот теперь ставится вопрос, нельзя ли на целый период ограничиться лишь добровольной явкой лиц и учреждений для совершения и для засвидетельствования актов и сделок, или необходимо установить нормы, какие сделки и договоры подлежат принудительному свидетельствованию или регистрации в наших отделах юстиции. Должен сказать, что по этому поводу точка зрения Народного Комиссариата Юстиции встречает оппозицию со стороны многих и многих хозяйственных органов. Эти хозяйственные органы ссылаются на то, что декрет о подрядах и поставках—единственный декрет, содержащий такое правило об обязательной регистрации, в то время как декрет о сдаче частным лицам и их объединениям предприятий в аренду такой нормы не содержит. Они приходят к выводу, что договоры о сдаче предприятий в аренду не регистрируются, что они должны совершаться между государством и частными лицами или их объединениями в кабинете управляющего соответствующим органом. Такое положение явно ненормально. Из резолюций, которые присланы нам из отделов юстиции, я усматриваю, что почти единогласное мнение всех деятелей юстиции на местах то, что всякого рода договоры между государственными учреждениями, с одной стороны, и частными лицами и их объединениями, с другой стороны, должны обязательно подвергаться определенному прохождению через органы советского нотариата. Для этого имеется достаточно оснований. Каждый из вас эти основания знает. Знает и то, как происходила сдача предприятий в аренду на местах. Сводка таких данных была помещена недавно в «Экономической Жизни» тов. Аванесовым и оказывается, что предприятия на Урале сдавались без всяких договоров, иногда они писались на клочке бумаги, иногда обходились без всякого документа, часто договоры составлялись с погрешностями против самых примитивных понятий о праве, самых существенных постановлений советского законодательства о сдаче в аренду предприятий. Такие договоры должны были быть потом аннулированными и, действительно, большинство этих договоров было аннулировано впоследствии. Спрашивается, нужно ли, чтобы такого рода воздействие государственной власти осуществлялось лишь впоследствии, после того, как сложились определенные экономические отношения на почве заключенного договора, после того, как возникли некоторые определенные права и обязанности у того или другого лица. Очевидно, нет. Такого рода акты, такого рода договоры должны подвергаться предварительному контролю или, если угодно, предварительному рассмотрению с точки зрения их соответствия действующему законодательству. Я, конечно, буду говорить о советском нотариате, не касаясь вопроса об их организационной связи с органами юстиции, потому что, по видимому, резолюция об отделах юстиции предвещает их упразднение. Поэтому, не предвещая вопроса о том, при каком учреждении должен состоять советский нотариат, я лишь скажу, что нотариат обязательно должен регистрировать или свидетельствовать всякого рода договоры и сделки, заключаемые государственными органами и предприятиями между собою или с частными лицами. Таким образом, интересы государства будут предохранены, будут предохранены

и интересы частных лиц, потому что, если договоры будут заключены с дефектами, вследствие которых они не могут оставаться в силе, то они будут расторгнуты, и предпочтительнее их предъявление в нотариат до окончательного совершения сделки с точки зрения нормального законодательства. Предо мною лежит проект по этому вопросу, представленный ВСНХ, и один из его абзацов—первый—говорит о том, что регистрация сделок, совершаемых от имени государства, воспрещается. Очевидно, такое положение неприемлемо и должно быть отвергнуто с точки зрения практической и теоретической. Но ясно, что не все договоры, даже на незначительные суммы, могут быть регистрируемы в отделе юстиции или у юбюсте. Многие мелкие договоры заключаются в таких местностях, которые лежат вдали от городов, где сосредоточены органы советского нотариата, заключаются на небольшие суммы и представляют небольшой интерес. Поэтому необходимо фиксировать сумму, свыше которой всякого рода сделки должны подлежать регистрации в органах советского нотариата. Такого рода сумма определяется тезисами о нотариате, как сумма свыше 1 тыс. довоенных рублей. Тут кстати позвольте остановиться на некоторой путанице терминологии. Декрет от 12 августа говорит о засвидетельствовании, декрет о подрядах и поставках говорит о регистрации. Поэтому многие учреждения говорят, что регистрация простая пометка, способ взимать плату с граждан, которые входят в сделки с государственными органами. Нужно раз навсегда сказать, что регистрация есть то же самое засвидетельствование. Что касается совершения актов, то это такие случаи, когда нотариат принимает живое непосредственное участие в совершении сделок. По моему, число этих случаев возможно расширить, а не только ограничиться теми случаями, которые предусмотрены действующими законодательством, т.-е. случаями возмездного отчуждения немунципализированных строений, но включить и другие случаи, напр., случаи дарения и т. д. Затем на местах возникают вопросы о случаях мены подобными строениями. Все эти сделки должны быть совершаемы при участии советского нотариата. Что касается всякого рода других сделок и договоров, заключаемых между частными лицами, о которых не будет какого-либо особого упоминания в кодексе гражданского права, то их свидетельствование будет предоставлено свободному усмотрению обеих сторон, но договоры и сделки, засвидетельствованные нотариальным порядком, будут пользоваться некоторыми преимуществами с точки зрения доказательности их на суде и при конкурсе требований, при распределении тех или других сумм, поступающих на удовлетворение различных взысканий. Таким образом мы видим, что на нотариат должны быть возложены весьма важные функции. Это орган, не только придающий силу и крепость актам, это орган, который должен быть в курсе всего советского законодательства, который разрешает вопрос о соответствии той или другой сделки постановлениям действующего законодательства, орган, который дает предварительное одобрение—аппробацию—совершаемым сделкам и, очевидно, никаких отношений частного-правового характера между подобными органами и частными лицами и учреждениями не должно быть.

В старом, дореволюционном нотариате были ненормальные явления, которые должны быть ныне избегнуты.

Орган, который действовал от имени государства, тут же получал плату от частных лиц за совершаемые им действия в свою пользу; этого не должно быть. Заведующий нотариальным отделом, столом, как хотите назовите, прежде всего, должностное лицо, получающее содержание от государства и всякого рода сборы и доходы должны поступать в пользу государства. При соблюдении этого правила, нотариат станет, действительно, на подобающую высоту. Он будет заменять собой ряд органов, которые контролируют сделки с различных точек зрения, но он должен ограничиться одной точкой зрения—соответствия договоров действующему законодательству. Где же должен состоять этот нотариат? По этому вопросу выставлен тезис 7-ой о том, что нотариат должен входить в общую систему органов юстиции, являясь отделением общего п/отдела губернского отдела юстиции. Я должен сказать, что, наблюдая за действиями нотариальных столов в различных местах, я убедился, что состояние нотариального стола в системе общего п/отдела является плодотворным. Нотариус имеет возможность не только за свой риск и страх разрешать вопросы, но обращаться за содействием консултантского отдела, который больше в курсе советского законодательства, чем нотариус. С упразднением отделов юстиции, придется создать при совнарсудах отделы по нотариальным делам. Очевидно, они должны быть открыты в большом количестве, как только возможно. Мы не намерены создавать частные лавочки, но мы должны сделать нотариат доступным для населения. Поэтому необходимо учреждения нотариата открывать в губернских и уездных городах и в крупных селах для того, чтобы государственные органы, заключающие сделки, не могли бы ссылаться на отдаленность нотариата от их местонахождения. Какие же последствия будут для тех сделок и договоров, обязательность регистрации которых будет установлена действующим законодательством и которые будут сокрыты от таковой. Таких последствий предусматривается два. Прежде всего, небольшое замечание: нужно, наконец, приучить и частных лиц и их объединения и, в особенности, хозяйственные органы, к соблюдению революционной законности в настоящем смысле этого слова. В каждом отдельном случае частного-правового характера вы должны соблюдать действующий закон, а соблюдения действующих законов можно добиться объявлением заранее недействительными всякого рода сделок, при совершении которых не соблюдена установленная форма регистрации. В случае уклонения от предписаний закона эти сделки должны объявляться недействительными. Затем, конечно, для должностных лиц хозяйственных управлений которые предписания закона не исполнили и, так как они, может-быть, лично мало пострадают от того, что сделка будет объявлена недействительной, должно быть установлено привлечение к судебной ответственности.

Порядок обжалования тезисами установлен совершенно ясно. Раз нотариальные отделения состоят в общей системе судебных мест, жалобы должны быть приносимы в президиум губсовнарсуда. Всякого рода

дальнейшие жалобы в административном порядке не должны допускаться и оспаривание всяких совершенных актов и договоров должно совершаться судебным порядком, путем предъявления соответствующего иска.

В «Положении об исполнении судебных решений», разрешите обратиться ваше внимание только на несколько статей. Прежде всего ст. 4. Это—определение тех решений, которые должны приводиться в исполнение исполнителями судебных решений. Самый термин говорит о судебном решении, а не о решении административном. Поэтому все недоуменные вопросы, которые раздаются в запросах с мест—следует ли судебным исполнителям приводить в исполнение предписания административных органов, предположим, отделов управления, должны разрешаться в отрицательном смысле, потому что судебный исполнитель есть судебное, должностное лицо, состоящее при судебном органе и приводящее в исполнение судебные решения.

Лит. Г предусматривает приведение в исполнение решений третейских судов и внесудебных мировых сделок; под третейскими судами надо разуметь и различного рода комиссии, которые теперь существуют при различных товарных биржах, арбитражные и т. п., но их решения должны пройти через судебный фильтр, через апробацию народного суда. Как будет подходить народный суд к рассмотрению таких сделок, как он будет на них реагировать,—должно составить предмет разрешения общей части устава гражданского судопроизводства и здесь, с моей точки зрения, если только подобное решение соответствует действующему законодательству и не нарушает интересов частных лиц, народный суд должен дать приказ об исполнении подобного решения. В ст. 7, там, где перечисляются предметы, которые не должны подвергаться описи, кроме самых общих случаев, которые предусматриваются западно-европейскими законодательствами, я должен обратить ваше внимание на некоторые предметы. Прежде всего, в государственных предприятиях, сданных частным лицам и организациям, согласно декрету о сдаче предприятий в аренду, государство имеет, так сказать, залоговое право на все то сырье, на все те материалы, которые будут введены в предприятия арендатором. Ясно, что эти предметы не могут быть арестованы, не могут подвергаться описям по претензиям иных каких-либо взысканий, иначе получится невозможное положение, государство останется без своего обеспечения.

Затем с точки зрения поддержания мелкой кустарной промышленности, необходимо исключить из описи элементы производства кустарей, необходимые для их ремесла. И, наконец, с точки зрения социальной справедливости, с точки зрения того, что в социалистическом государстве дети пользуются определенными преимуществами и даже бесплатным государственным питанием, необходимо исключить из описи молочный скот, нужный для содержания малолетних членов семьи хозяина.

Лит. Д предусматривает исключение из описи предметов живого и мертвого инвентаря, а также посевного материала. Не может повто-

ряться та картина, как в старое время, когда продавалась с молотка последняя корова или лошадь крестьянина. Точно также не могут подвергаться аресту всякого рода суммы, необходимые для восстановления трудового хозяйства или другого имущества, застрахованного в учреждениях государственного страхования. Затем всякого рода выдачи, причитающиеся от органов социального обеспечения и социального страхования, потому что выдается только (и это ясно) прожиточный минимум, который не может подвергаться аресту. Затем предметы оборудования фабрик и заводов не могут подвергаться аресту в отдельности, а только в совокупности, для того, чтобы предприятия не разрушались.

Здесь выставляется определенное положение, что, прежде всего, должны удовлетворяться недоимки по государственным налогам и сборам, затем требования государственных учреждений по договорам их с владельцем имущества, в частности, напр., Государственного банка. Затем идут требования о заработной плате, о выдаче на содержание и т. д.

Вот основные положения об исполнении судебных решений.

Председатель. Первым в порядке прений записался т. Цикель.

Цикель (Тамбовской губ.). Вопрос очень сложный и важный и я удивляюсь, почему товарищи с мест протестуют против нескольких минут прений. Доклад товарища Брагинского весьма деловой и серьезный, с которым по отношению к нотариату вполне можно согласиться и его приветствовать. Однако, на мой взгляд, доклад страдает некоторой неясностью, между прочим, по отношению к вопросу относительно того, что тов. Брагинский говорит о конкурсах, о преимуществах, которые получают нотариальные сделки на конкурсе. Таким образом получается впечатление, что вопрос о конкурсах как-будто бы уже разрешен. Но каюсь, тов. докладчик, может-быть, потому, что я живу в глуши, а может-быть, потому, что такого положения нет, но относительно конкурсов у меня лично никаких сведений нет. Решительно нет никаких данных, что существует какое-то конкурсное производство. Раз докладчик этого пункта коснулся, то он подлежит известному раз'яснению: я был бы очень благодарен докладчику, если бы он на этот вопрос мне ответил. Засим по вопросу о тезисе 8-ом: там указано, что в случае, если гражданин сокроет сделку свыше определенной суммы, указанной в тезисе 4-ом, свыше тысячи довоенных рублей, то нарушитель привлекается к судебной ответственности, но не указано, к какой судебной ответственности, и я полагаю бы, что в данном случае, если в уголовном кодексе не имеется определенной статьи, карающей за нарушение этой статьи нотариального положения, то, несомненно, следует такую статью создать, где бы точно и определено было сказано, что за нарушение такой-то статьи нарушители подвергаются такому-то взысканию. Это крайне необходимо в виду бедности нашего государства. Следовательно, нужно точно и определено оговаривать, что за сокрытие сделки государство наказывает определенным образом. Переходя к вопросу об исполнении решений, я позволю себе указать докладчику на следующие неясные и недоуменные вопросы. Прежде всего, совершенно нет в положении о су-

дебных исполнителях и о приведении ими решений в исполнение указаний на то, каким путем и какими средствами производится взыскание имущества, находящегося в фактическом обладании ответчика и 3-го лица. Я сейчас поясню это. В крестьянском имуществе в последний год, после продразверстки, происходила масса фиктивных семейных разделов. Совершали разделы и об этих актах не давали сведений, куда следует, а когда наступал момент платить по взысканиям, то оказывалось, что есть акты, утвержденные ВОЛСО. И получалось безвыходное положение. Кредитор знает прекрасно, что должник с отцом или братом только фиктивно разделился, что средства у них очень значительные, но взять ничего нельзя, даже алиментный иск, когда жена ищет или ребенок, то и тогда нам невозможно подступиться к имуществу, потому что вам представляют такой акт и это ставит судебного исполнителя в недоумение. И вот, у нас, на Тамбовском губернском совещании этот вопрос был поднят, но разрешен он не был, а только были высказаны различные пожелания. Но на уездном с'езде судей Усманского уезда, этот вопрос очень много дебатировался и по этому вопросу пришли к заключению, что необходимо, когда судебный исполнитель получает в виде возражения определенный акт о разделе, но этот акт не приведен в исполнение в течение скажем 3-х месяцев, то он с этим актом считаться не может. Конечно, судебный исполнитель, не может признать его фиктивным, но он накладывает арест, производит опись имущества, а затем «будьте добры, ответчик, ищите в суде». Вот что сказал уездный с'езд судей Усманского уезда. Я очень хотел бы, чтобы этот вопрос был разработан в секции, так как это для юриста-практика имеет большое значение, жизненное, юридическое и даже политическое. Я высказываю пожелание этот вопрос подробно разработать. Затем относительно описи крестьянских домов. В положении об этом ничего нет и, по общему правилу, что тут можно сказать? Может-быть, будем описывать крестьянские дома,—об этом нужно ясно и подробно оговорить: да или нет. Может-быть, будем производить опись на слом. По положению 8-го августа, о котором говорил докладчик, крестьянские дома могут продаваться при условии, если местный исполком даст разрешение, т.-е., если данное крестьянское строение не связано с ведением крестьянского хозяйства, если собственник его не ведет крестьянского хозяйства. В последнее время такие решения бывали. Я очень много случаев знаю, когда продавались в слом крестьянские дома. Следовательно, если можно возмездно отчуждать, то, очевидно, можно принудительно взыскивать. Это логически очевидно для юриста. Поэтому я просил бы докладчика в секции этот вопрос разработать или дать мне ответ, может-быть, я впал в заблуждение. Вот те немногие указания, которые я за небольшим сроком могу дать. Вообще, в положении о судебных исполнителях очень много мелких недоуменных вопросов, но так как времени мало, то я не считаю возможным поднимать их в то время, как тов. высказывались против прений. Еще одно замечание. Жалоба на действия судебного исполнителя в порядке надзора приносится в президиум совнарсуда и убоит. Позвольте не согласиться с этим. Жалобы на действия судебного исполнителя должны приноситься тому суду, в пределах ко-

того он работает. Между прочим, неправильной кажется мне статья третья и, по-моему, она должна быть изменена именно в таком смысле. Жалоб в убитость нельзя направлять. Это судебно-административный орган. Кому же лучше толковать решение, как ни тому суду, который постановил его. А если возникают препятствия, то все недоразумения решаются тем же судом, который вынес решение. Мне кажется, это более разумно. И я высказываю пожелание, чтобы этот именно пункт был изменен, чтобы жалобы на действия приводящего постановления в исполнение судебного исполнителя рассматривались тем же судом, в районе которого данный исполнитель действует.

На этом я заканчиваю свое слово.

Председатель. Поступило два предложения: о полном прекращении прений и о том, чтобы записавшимся уже 5-ти человекам дать высказаться по 5 минут и закончить прения к 1½, а самое обсуждение вопроса со всеми предложениями к 1¾, чтобы до 3-х часов успеть заслушать еще один доклад.

(Идут споры о прекращении прений и большинством голосов решается, что 5-ти записавшимся уже ораторам дать по 5 минут). Слово предоставляется Алимову.

Алимов. У меня имеются следующие поправки к тезисам тов. Брагинского, а именно к § 4 (читает). Я думаю, что тов. согласится, что не только сделки государственных учреждений с частными предприятиями, но и сделки, с одной стороны, государственного предприятия и, с другой стороны, государственного предприятия или учреждения должны быть засвидетельствованы, так как и тут есть явления, которые часто ведут к нежелательным последствиям. Затем совершенно исключить оговорку, что сделки подлежат засвидетельствованию только при условии, что сумма сделки выше 1000 рублей довоенного времени. Тогда получится, что всякая сделка, заключенная на сумму ниже миллиарда рублей советских, не подлежит засвидетельствованию, а этим государство лишается еще одного дохода, во 1-х, а во 2-х, неправильные сделки на сумму до миллиарда рублей имеют также существенное значение, а потому надо внести поправку в этот §. Я считаю, что и сделки ниже миллиарда рублей должны быть засвидетельствованы. Или здесь можно внести такое изменение, что сделки свидетельствуются только в случае, если они совершаются на срок не менее месяца. Затем еще к 7-му § (читает). Я должен сказать, что отделы нотариата нужны не только в уездах, но и местечках. И, наконец, я хотел бы просить вас, товарищи, высказаться здесь о том, что отделы актов записей гражданского состояния при организации государственного нотариата должны перейти в органы НКЮ, т.-е. в нотариат.

Лисицын. Я взял слово только для того, чтобы ответить на записку товарища (читает записку). Этот вопрос имеет некоторое отношение к вопросу о нотариате, так как приходится регистрировать сделки с недвижимостью в городах. Нужно сказать, что когда мы имеем перед собой спор бывшего домовладельца с квартирантом, который хочет своего квартиранта выселить, то народный суд должен проверить, имеет ли данный домовладелец право пользоваться этим домом. Конеч-

но, надо считаться с тем, что на местах, например, на Урале, на заводах, есть масса мелких домов, которые не выходили из рук собственников, тогда приходится уже считаться с этим фактом, но если домовладелец был из дома вышиблен и дом этот переходил из рук в руки, то он должен доказать, что имеет право на пользование этим домом, о чем он должен представить удостоверение от коммунального или от жилищного отдела. Это должно быть сделано во избежание недоразумений. И суд не должен свидетельствовать сделок с этими домами до тех пор, пока коммунальный или жилищный отдел не подтвердит, что он получил возможность возвратить право на данное владение.

Горнштейн. (Казань). Товарищи, уже один из присутствующих ораторов указал, что статья 7-ая, которая конструирует нотариальный отдел при губистюсте, не может быть принята без оговорки. Мы уже на съезде проделали достаточную работу, по которой выходит, что губистюсты — учреждения отмирающие. Сам докладчик включает поправку, что, очевидно, нотариальные отделы должны быть учреждены при совнарсудах. И это неправильно. Как же быть с уездными городами? Я полагаю, что выходом из этого положения может быть только создание института советских или народных нотариусов, особого института, особенных ответственных должностных лиц, которые должны быть поставлены в положение приблизительно одинаковое с судьями, потому что функции, которые они несут, чрезвычайно важны. Мы сами слышали, что им представляются для критики все важнейшие договоры, заключенные с государством, и что они могут положить «вето» на любой договор, заключенный на миллиардные суммы. Доверие к этим лицам должно быть очень большое. Больше того, доверие к должностным лицам или нотариусам будет не только в пределах страны, но и за ее пределами, так как нотариальные сделки, совершенные в одной стране, принимаются в другой стране за правильно совершенные за визой дипломатического агента. Я предлагаю конкретно учредить должность советских нотариусов, которым должны быть приданы все нотариальные функции. Второе мое предложение заключается в указании на пробел в тезисах о том, насколько терпимо и допустимо создавшееся положение, при котором дела об отчуждении строений в городах решаются наполовину в коммунальных отделах. Не знаю, как в других местах, но в Казани, представителем которой я являюсь, — со дня декрета не совершено ни одной сделки на продажу строений в городах. Я полагаю, что в связи с новой экон. политикой реализация недвижимости является важным вопросом, необходимо, чтобы строения ремонтировались, а это возможно лишь при возможности продажи их в руки, которые могут произвести ремонт, но коммунальные отделы не двигаются в этом отношении вперед. Они не могут составить даже списков, которых требует эта инструкция, и дело стоит. Я полагаю, что при совнарсудах должен быть образован особый нотариальный архив, который давал бы удостоверение о принадлежности строения и регистрировал бы акты, а коммунальный отдел выдавал бы одно удостоверение, что данное строение не муниципализировано и муниципализации не подлежит.

Крыленко. Я полагал бы необходимым решить следующие вопросы: первый основной—об отделах нотариата и второй—о судебных исполнителях. Но тут второй вопрос: пункты 6, 9, 7—основные (читает). Тезис этот, припимае или не принимаете, потому что есть совершенно другой тезис, который может быть противопоставлен: нотариус несет функции государственные и есть учреждение частное. Тогда разрешается вопрос о местах, об уездах и т. д. По этому вопросу должно быть сказано: да или нет, потому что по этому вопросу целый ряд различных течений. Второй вопрос, должны ли они быть влиты в отделы юстиции, являться отделениями общих п/отделов юстиции или должны быть организованы при совнарсудах. Этот вопрос у нас идет через весь съезд. И третье, что жалобы посылаются не в губюсты, а в судебные места. Я предлагаю эти три поправки: да, учреждения нотариата—учреждения государственные и существуют при народных судах или при бюро юстиции. Затем, да, жалобы идут не в коллегию губюста, а в соответствующие судебные места, и, третье, разрешаются в порядке надзора. Вот три поправки к этому проекту, которые можно определенно и ясно сказать. Остальные поправки очень серьезные, по относящиеся к технике. Я предлагаю, как материал, передать их в Народный Комиссариат Юстиции для разработки. По отношению к судебным исполнителям я усматриваю одну необходимую поправку в ст. 6. Я предлагаю так: в случае приведения в исполнение приговоров о конфискации по суду, судебный исполнитель действует на точном основании правил о конфискации и реквизиции, предусмотренных в декрете о конфискации и реквизиции. В случае неисполнения должником взыскания имущество подвергается описи, причем не подвергается описи то-то и то-то. Значит я предлагаю по первому проекту три поправки, по второму одну.

Кожевников. У меня один вопрос об умышленном уменьшении размера суммы совершаемых сделок. На местах наблюдается, что при совершении сделок купли-продажи и иных договоров умышленно размер уменьшается в целях уменьшения платы за совершение этой сделки. Может ли спокойно нотариат регистрировать этот акт, который умышленно уменьшен или предварительно нужно выяснить, действительно ли соответствует указанная сумма. Этот вопрос я возбудил в Наркомюсте, но ответа не получил. Вопрос является чрезвычайно важным. Поэтому Наркомюсту необходимо на эту сторону обратить внимание. Убыток, который несет государство, от этого, несомненно, громаден. Иногда бывает так, что несколько лиц совершают сделку миллиардную, а указывают сумму ничтожную, а сделать ничего нельзя. Нотариат или должен убедиться, что указанная сумма не преуменьшена, или, установив, что сумма преуменьшена, привлекать это лицо к ответственности.

Председатель.—По порядку заключительное слово тов. Брагинского.

Брагинский. Прежде всего, по вопросу о включений в функции нотариата совершения актов гражданского состояния. Против этого нужно решительно высказаться. Нотариат должен иметь те функции, которые относятся к совершению сделок и договоров с частными лицами и объединениями. Я знаю, что в некоторых местах существует тен-

денция к расширению этих функций. Некоторые предусматривают совершение актов гражданского состояния и даже составление проектов о разделе наследства.

Я полагаю, что это все несколько преждевременно. Что касается общего плана предлагаемых положений, то я должен сказать, что согласно нынешней технике законодательства в законодательные акты включаются только самые существенные моменты нормируемых отношений. Все прочее, имеющее технический характер, будет разработано в инструкциях, в частности, в инструкции об исполнении судебных решений. Там все технические вопросы будут предусмотрены и разработаны.

Перейду к отдельным поправкам и замечаниям товарищей. Возникает вопрос относительно минимума суммы сделки для обязательности ее регистрации. Здесь, с одной стороны, есть добавление, чтобы уменьшить указанную в п. 4 тезисов о нотариате сумму—1.000 довоенных рублей. Я должен сказать, что при настоящем падении курса рубля эта сумма не такая уже значительная. Договоры на подряды и поставки часто совершаются в местностях, весьма отдаленных от нотар. отделений. Нотариальные отделения или нотариусы не могут быть на любой ж. д. станции, в любом глухом углу, а между тем такого рода сделки там совершаются. Для того, чтобы идти по пути действительного осуществления всех законодательных норм, которые предписывают определенные обязанности, надо взять то, что возможно осуществить. Поэтому сумма в 1.000 довоенных рублей является самой подходящей для фиксации определенного минимума, обязывающего к совершению сделки в нотариальном порядке. Здесь возбужден вопрос относительно нарочитого уменьшения суммы сделки с целью избежания платежа пошлин. В настоящее время, мы знаем, существует Комитет Цеп при Наркомфине. Он определяет на 3 месяца ряд цен для различных предметов. Эти цены являются обязательными. Существует также положение о государственном страховании. Отчуждаемые строения имеют страховую оценку. Таким образом, в разрабатываемых положениях будут указаны те суммы, ниже которых цены сделок не могут быть. Таким образом, будет избегнуто фиктивное уменьшение цен.

Товарища Цикеля напугало выражение «конкурс»; он подумал, что мы собираемся восстанавливать старое конкурсное производство. Я должен сказать, что слово «конкурс» было употреблено, как технический термин. Это—стечение различных взысканий по обязательствам на определенном имуществе. В этом случае, когда производится распределение имущества между различными должниками, то сделки, совершенные нотариальным порядком или засвидетельствованные при участии нотариуса, должны пользоваться преимуществами с целью избежания фиктивных сделок,—а такие сделки совершаются друзьями должника,—и с целью, если угодно, фискальной, чтобы государство получило определенный доход с заключаемых между различными лицами сделок.

Тут возник вопрос, как быть с маклерскими записками, с теми сделками, которые совершаются на товарных биржах при участии маклера.

Это—вопрос, положением не предусмотренный, поскольку эти сделки, торговле свойственные, как говорит один проект, совершаются на товарных биржах, то эти сделки с точки зрения общеизвестности их гарантированы, потому что товарная биржа есть учреждение, существующее на определенных законных основаниях. Но безусловно необходимо, чтобы сведения о таких сделках сообщались в подлежащий нотариат и чтобы был взят определенный сбор с этих сделок.

Вопрос о сборах за совершение нотариальных действий не может быть здесь разрешен. Это вопрос специально финансовый. Он будет разработан Комиссариатом Юстиции совместно с Наркомфином. Там будут разрешены все недоуменные вопросы. Там будут разрешены также все вопросы и относительно дополнительных сборов в пользу судебных исполнителей, выезжающих на места для исполнения своих обязанностей. Товарищ Лисицын говорил о строениях в тех местностях, где декрет о воспрещении сделок с недвижимостью не был проведен надлежащим образом. Я должен сказать, что этот вопрос в той плоскости, как решает его тов. Лисицын, разрешается вполне правильно. Если декрет о воспрещении сделок с недвижимостью не был проведен надлежащим образом в различных местах, а он предусматривал 6-месячный срок для издания исполнительного декрета местным исполкомом—его неиздание оставляло имущество в собственности владельцев. Но вопрос об имуществе, изъятom не в порядке этого декрета, разрешается на основании циркуляра Комиссариата Юстиции за № 65, который прекращает всякого рода дела о реквизициях, незаконно произведенных до издания декрета 16 апреля. Этот вопрос разрешается в смысле непризнания прав тех лиц, которые претендуют на имущество, отпавшее от них до 16 апреля 1920 года, на какое бы то ни было отчуждение этих имуществ.

Тов. Крыленко внес 3 поправки. Что касается п. 6-го о нотариате, то это не поправка, потому что он повторил содержание тезиса, что нотариат учреждение государственное. Возражений против этого я не встретил. По крайней мере, никто из делегатов не заявил, что нотариат надо построить по принципу должностного лица, действующего в частном интересе.

Что касается поправки к ст. 7, она может быть принята следующим образом. В виду того, что пока не предпринят вопрос относительно отделов юстиции, можно просто не говорить о том, что они являются п/отделами общих отделов губюста, а что они должны быть введены в общую систему.

И, таким образом, значит, в зависимости от судьбы отдела юстиции и будет положение нотариата, будет ли он входить в систему отдела юстиции, или пойдет по линии губсовнарсуда. Что касается обжалования действий нотариуса, то при существовании отдела юстиции жалобы должны приноситься в коллегию губогюста. В дальнейшем, если придется оспаривать сделку, то это оспаривание может произойти не путем административного обжалования в президиум губсовнарсуда, а путем предъявления определенного иска в подлежащий суд. Тов. Герштейн возбудил вопрос о некоторых стеснениях, которые испытывают

лица, желающие отчуждать строения и встречающие препятствия от коммунальных отделов. Но этот вопрос здесь разрешить нельзя, это вопрос общего законодательства и вопрос о правах коммунальных отделов. Если коммунальный отдел действует неправильно, то вы можете добиваться путем жалобы на подлежащий коммунальный отдел восстановления своих прав. Затем тов. возбуждает вопрос о том, чтобы при губсовнарсуде был создан нотариальный архив для регистрации различного рода строений. Я полагаю, что это преждевременно, мы еще не собираемся восстанавливать старых крепостных архивов. Пока существует право отчуждения строений, но не недвижимости. Переходя к вопросу об исполнении судебных решений, я должен сказать, что поправка т. Крыленко вполне правильна. Статья 6-ая редактирована в том смысле, что в случае неисполнения должником требования частного лица... (читает). Ни в коем случае конфискация предметов по судебным приговорам не может подойти под действия ст. 7-ой; раз существует декрет о конфискациях и реквизициях, судебный исполнитель должен поступать на основании этого декрета. Относительно продажи крестьянских домов, я полагаю, что поскольку эти дома являются принадлежащими крестьянскому трудовому хозяйству, они подойдут под действие статьи 7-ой, но поскольку они не будут принадлежать трудовому хозяйству, они не нуждаются в защите наравне с строениями городских и поэтому включить положение о невозможности такой продажи нельзя.

Председатель. Два существенных предложения. 1-ое—должен ли оставаться нотариат в качестве государственного учреждения, или может превратиться в частные нотариальные конторы, как это было в «доброе старое время». Угодно этот вопрос проголосовать? Кто за то, чтобы нотариат работал в том направлении, как он сейчас поставлен? Кто против?—Нет. Второй вопрос, чтобы совершение браков перенести в нотариат. Это вопрос очень сложный, затрагивает интересы народного суда, так же, как и интересы загса. Кто за то, чтобы обременять этими функциями нотариат? Таковых нет.

Крыленко. Поправка к статье 7-ой. Там сказано: В виду предусмотренного... (читает). Должно быть сказано: «они должны быть введены в общую систему органов юстиции и организованы при совнарсуде». Вторая поправка к пункту 9-му: «жалобы на действия нотариальных отделений подаются в совнарсуд».

Алимов. У меня имеется следующая поправка: параграф 4-ый изложить следующим образом: «засвидетельствованный договор, совершаемый»... (читает). И к параграфу 7-му я предлагаю следующую редакцию: «В виду предусмотренного пунктом...» (читает), не говоря ни об общем и/отделе юстиции, ни о совнарсуде.

Эстрин. Справка. Вопрос о том, где быть нотариату, является вопросом организационным и рассматривался организационной секцией: она предполагает оставить нотариат при отделе юстиции.

Крыленко. Если хотя бы по этому поводу разговаривать, то нужно дать одному за, одному против.

Председатель. Вопрос ясен, что сейчас при совнарсуде такого органа нет, который мог бы вести это дело, потому что совнарсуд построен

не по принципу той системы, о которой говорит тов. Крыленко. Сейчас общий отдел ведет это дело. Когда будет учреждена прокуратура и функции отдела юстиции будут переданы в совнарсуд, тогда передадутся и эти функции. Ломать сейчас нет никаких практических соображений. Кто за то, чтобы открывать прения?

Председатель. Угодно ли открывать прения? Большинство против. Кто за редакцию? Мало. Кто за поправку т. Крыленко?

Алимов. У меня была поправка (читает). Ее не голосовали.

Председатель. Это разрешено ответом. Угодно голосовать особую поправку Алимова? Нет. Теперь по 4 параграфу.

Алимов. Тут следуют соображения: не указывать, что договоры между государственными учреждениями оставить итти, как шли до сих пор. При новой экономической политике замечается целый ряд договоров, с которыми приходится считаться, а поэтому засвидетельствование договоров между государственными учреждениями обязательно. Затем относительно того, что засвидетельствование производится в сумме не ниже 1.000 довоенных рублей. Это выходит, что на сумму ниже миллиарда рублей...

Председатель. Прошу не повторяться.

Алимов. Хорошо. Я свожу предложение к следующему, изложить параграф 4 так (читает).

Председатель. Слово предоставляется тов. Крыленко.

Крыленко. Я против, потому что товарищ указывает на договоры о поставках и подрядах. Это только один род договоров. Почему одни включать, а другие нет? Так нельзя. Поэтому я предлагаю дополнить резолюцию в том смысле, что все договоры должны засвидетельствоваться, охватив более или менее крупные предприятия.

Председатель. Кто за предложение Алимова? Мало. Кто за предложение тов. Крыленко? Большинство. Принято. Более по вопросу нотариата предложений нет?

С места. В местах, где есть нотариальный отдел, засвидетельствование подписи доверенностей и копий изъять из народного суда в виду переобремененности и передать в нотариат.

Председатель. Кто за? Кто против? Мало. Принято. Переходим ко второй части доклада тов. Брагинского. Слово предоставляется тов. Крыленко.

Крыленко. Я предлагаю поправку к статье 6 такую (читает). А дальше идет как было: в случае предъявления претензий и т. д. и т. д.

Председатель. Возражений нет. Докладчик принимает.

Цикель. Поправка по третьей статье (читает).

Брагинский. Я забыл возразить. Что касается жалоб в порядке надзора на неправильность действий, то ответственность должна быть перед органом, который назначает, контролирует и т. д.

Председатель. Вы отказываетесь?

Цикель. Я удовлетворен.

Председатель. Нет больше поправок? Нет. Значит принято. Переходим к последнему докладу—докладу тов. Славина.

Доклад т. Славина о методах теоретической подготовки работников.

Славин. Товарищи, после того, как вы приняли ряд постановлений по судоустройству и материальному праву, для нас ясно, что в скором времени будут изданы кодексы по разным отраслям права. И тут наступает для нас серьезная боевая задача, заключающаяся в том, чтобы суды стали на должную высоту, и чтобы лица, находящиеся в составе этого суда, как следователи, судьи, председатели и т. д. и т. д. были бы вполне на высоте своего положения и подготовлены к исполнению своих обязанностей. Мелкая буржуазия в борьбе за те или иные права будет вооружена нашими же кодексами и будет везде отстаивать свои права и интересы. Тут у нас серьезная задача подготовить наш командный состав так же, как Красная армия подготавливает своих командиров. Между тем, не будем от себя скрывать: положение не только очень серьезное, но катастрофическое. Судьи совершенно не подготовлены для новой полосы экономической политики.

Вам известно, что раньше существовал юридический факультет, но там было догматическое изучение действующего права и те, которые проводили существовавшее тогда право в жизнь, поддерживали тот строй, который существовал, поддерживали в самых крайних формах идею частной собственности. Таким образом, составила определенная сумма правовых отношений, определенный правопорядок. Учреждения, существовавшие тогда, поддерживали интересы господствующего класса. После Октябрьской революции все это было сломлено и был уничтожен ряд существовавших тогда институтов. Институт наследственного права совершенно отпал, наследование было отменено. Область обязательственного права сократилась до минимума, так как государство заменило собой частную инициативу, монополизировав ее; ряд отношений, которые существовали тогда, отпал и даже они стали запрещенными под страхом наказания.)

Мы ныне реставрируем некоторые права и отношения, которые существовали до Октябрьской революции. Но это не меняет нашего подхода к основному взгляду, что такое право и какова роль суда. Здесь мы должны быть спаяны единой мыслью о том, что право, по существу, есть классовое. Следовательно, поскольку мы смотрим на наш суд, как на суд классовый, то и изучение новых норм должно быть приспособлено к тому, чтобы интересы пролетариата не пострадали. И вот спрашивается, каким духом должны быть пропитаны наши судьи при разрешении дел, в соответствии с новыми нормами. Несомненно, у судьи-рабочего будет определенная внутренняя интуиция; ему всегда подскажет классовый инстинкт, каким должен быть этот суд, но будут и элементы не чисто пролетарские, — следовательно, тут необходима та школа, в которой они должны получить классовую подготовку и изучить нормы, которые будут изданы. Изучение этих норм должно заставить судей так их знать, чтобы они были вооружены против нападения, которое может быть сделано против пролетариата на этом бескровном фронте. Вот задачи, которые будут стоять перед теми учреждениями, которые

будут заниматься подготовкой судей. Теперь является вопрос, в какой форме эту подготовку провести, каким ударным порядком, чтобы не отпугивать рабочих от суда, чтобы они из суда не уходили, чтобы иметь возможность в быстрый срок построить нашу судебную армию в боевом порядке. Для разрешения этой задачи необходимо; прежде всего, в ударном порядке провести во всех губернских городах 2-месячные курсы с привлечением судей губернии, которые ознакомились бы с основами кодексов, которые будут изданы, и с теми взглядами, которые должны сделать суд пролетарским, укрепить этот суд. Уже затем можно создать более длительные курсы—годовые—для подготовки людей к занятию должностей прокуроров и других ответственных должностей по судебному ведомству. В гражданских судах будет происходить серьезная борьба при предъявлении разных исков, в том числе многомиллиардных, и это требует, чтобы определенный классовый подход был сугубо усвоен к такой категории исков. Здесь пролетариат может проиграть, если установится взгляд на суд, как на суд внеклассовый, который относится формально к делу и разрешает слепо на основании декретов договоры между сторонами. Не будем скрывать трудность вопроса: с одной стороны, у нас пролетарски настроенные судьи, но они не обладают необходимыми знаниями, а с другой, спецы, но без пролетарской психологии. Что нам делать? Отдать суд спецам, или сохранить его в своих руках? Вопрос политически очень серьезный и мы тут на съезде, должны категорически заявить, что пролетарского суда мы спецам не отдадим, и, следовательно, мы должны все усилия направить, чтобы подготовить судей к более сложному пониманию новой экономической политики. В связи с этим стоит вопрос о способах распространения необходимых юридических сведений и знаний среди населения. Хотя в тезисах специального пункта нет, но я вскользь остановлюсь на этом и скажу, что на местах нужно провести определенную пропаганду,—устроить лекции, чтобы ознакомить население с новыми веяниями, которые существуют, ознакомить с ними широкие круги, из которых рекрутируются народные заседатели. Итак, перед нами ряд практических задач. Теперь спрашивается, возможна ли, действительно, теоретическая подготовка в течение двух месяцев. Если говорить о разяснении основных вопросов, то это представляется возможным, но возможно ли дать что-нибудь в смысле приобретения конкретных знаний в течение двух месяцев? Из тезисов, которые вам розданы, вы усмотрите, что имеется ряд предметов, правда, необозначенных полностью, с которыми следует ознакомиться народным судьям в течение 2-х месяцев. Это законодательные материалы, которые изданы и будут изданы в ближайшее время и с которыми необходимо ознакомиться судьям, имеющим жизненный, политический и практический опыт. 2 месяца—минимум, в течение которого можно судей натаскать, чтобы они знали, как разбираться. Два месяца являются минимумом и увеличивать этот срок вряд ли возможно, потому что отывать людей с мест при недостаточном количестве работников, при нынешних продовольственных и жилищных условиях, представляется невозможным. Но отказаться вовсе от нашей задачи под предлогом, что 2-х месяцев недостаточно, для

нас так же невозможно. Мы должны что-нибудь создать, хотя бы героическими усилиями. Кроме того, мы должны бережно сохранить в недрах суда драгоценные элементы, а именно, пролетарские элементы, и не запугивать их новыми кодексами, краткое ознакомление с которыми возможно в 2 месяца. Наиболее же способные из них будут губернскими отделами посылаться в центр для дальнейшей серьезной подготовки.

В центре же, при Институте советского права, как наиболее приспособленного для этого органа, мыслится организация годичных курсов. При этом Институте имеется ряд вакансий, которые могут быть заняты. Программу в отношении годичного курса пришлось разрабатывать вместе с представителями Института советского права. Руководство всеми курсами на местах должно быть осуществлено в центре. Централизация может быть осуществлена Наркомюстом при помощи своего рода п/отдела, который занимался бы устройством юридических школ, курсов и вместе с тем занимался бы в широких размерах правовой агитпропагандой. Тут еще предстоит вопрос об издании учебников и юридической литературы и т. д. Нужно издать популярную литературу для народных судей, нужно будет их ввести в курс новых кодексов, которые будут издаваться. Это все нужно будет для тех, которые не будут иметь возможности посещать курсы.

Остается вопрос относительно ныне существующих правовых отделений университетов. В настоящее время мы от них как бы оторваны. Если мы познакомимся с теми предметами, которые там существовали прежде и которые там существуют теперь, то мы увидим, что предметы там в значительной мере изменены. Вы увидите, что там имеются такие предметы: государственное право РСФСР, трудовое право РСФСР, гражданское право РСФСР и т. д. Вы имеете там по всем этим вопросам отдельные семинарии. Эти правовые отделения университетов представляют громадную ценность и их можно приспособить к нашим нуждам. Мы должны обратить на них особое внимание, мы должны посылать туда своих представителей, мы должны интересоваться их внутренней организацией, которая во многих местах разваливается из-за отсутствия внимания со стороны не столько Наркомпроса, сколько со стороны Наркомюста. Другие ведомства, как, напр., Наркомзем, уже практически поставили вопрос о том, чтобы все учебные заведения, которые специально обслуживают земельные нужды, перешли в ведение Наркомзема. Мы должны пойти по этому пути и взять, по крайней мере, в сферу своего влияния правовые отделения университетов. Мы, таким образом, будем иметь еще один ресурс и научный, практический, откуда могут рекрутироваться наши силы.

Вот те соображения, которые я хотел высказать по вопросу о подготовке судебных работников. Это я говорю в самых общих чертах. Нет сомнения, что этот пробел должен быть заполнен немедленно. Откладывать этот вопрос невозможно. Нельзя издавать декреты, нельзя издавать кодексы и оставить пробел здесь, в области подготовки тех, которые проводят в жизнь декреты. Откладывать на какой-либо момент осуществление мысли о необходимости принять серьезные и экстренные меры в

этом направлении будет преступно. Поэтому я призываю съезд к тому, чтобы определенные указания были сделаны Народн. Комис. Юстиции (Апеллодем.).

Содоклад г. Деревяшкина.

Деревяшкин. Вы выслушали доклад тов. Славина, который остановился, главным образом, на организационной стороне вопроса. Я здесь коснусь технической стороны вопроса. Кладу в основу какого-либо мероприятия опыт, а опыт этот есть. Еще в феврале 20 г., были учреждены курсы следственной практики Московским Советом, осенью 20 г. были учреждены курсы по подготовке и усовершенствованию народных судей и судебных следователей. В Москве они имели 3 выпуска. Первый выпуск 2-месячный, 2-й 2-месячный, 3-й 3-месячный, почти 4-месячный. После прохождения 3-месячного курса курсанты были через совнарсуд отправлены в камеры следователей, в народные суды и там практически знакомились с судопроизводством.

Этот 2-летний опыт говорит о следующем. Прежде всего, должен быть один тип подготовки для новичков, для подготовки новых работников советской юстиции. Здесь должен быть один об'ем преподавания. Другой тип должен быть для дополнения, для усовершенствования знаний и опыта лиц, которые уже служили, которые служат в юстиции, для наличных советских работников юстиции. Это настолько понятно, что останавливаться на этом я не буду.

Если бы я огласил список предметов, которые проходили слушатели последнего выпуска, то вы убедились бы в том, что пройти в 2—3 месяца хоть сколько-нибудь основательно эти предметы невозможно.

Между тем это предметы самые необходимые. Я сошлюсь в этом отношении на опыт московской милиции. Там я преподаю один из предметов моей специальности и состою в совете преподавателей. Мы там пришли к убеждению, что только 8-месячные курсы могут дать теоретические и практические знания тем лицам, которые уже состоят на службе милиции. Конечно, незачем сравнивать, насколько ответственные, трудны и важны обязанности милиции и обязанности суда. Является вопрос, насколько полезны и целесообразны будут эти 2-месячные или 3-месячные курсы, когда опыт говорит, что они дают слишком мало. Открывать их,—это стоит денег, времени и сил, и дело это совершенно бесполезное, потому что для того, чтобы принести хоть какую-нибудь пользу, нужны 8-месячные курсы, с прохождением потом 4-месячного практического стажа, который у нас был только в зародыше. Самая большая уступка, которая может быть сделана в виду спешности и ударности этой задачи—это 6-месячные курсы одинаково, как для новичков, так и для наличного состава юстиции, с соответствующей программой предметов, с указанием практических занятий, последовательности их и т. д. Такая программа мною составлена и представлена в коллегия Наркомюста. Опыт указывает на то, что такие курсы могли бы быть организованы и дать какие-нибудь результаты только в университетских городах. К нам поступали запросы из некоторых городов с указанием на недостаток преподавателей и учебников.

Между тем, знающих преподавателей и теоретиков, и практиков, можно получить только в университетских городах. Поэтому в губернских городах можно было бы организовывать курсы только тогда, когда Наркомюст имел бы в своем распоряжении учебники по всем предметам преподавания с единой программой, освещенной известным единым мировоззрением. Единство программы, единство преподавания, единство мировоззрений и единство практических приемов в основных чертах. Таких учебников пока нет и в учебниках ощущается нужда не только губернскими курсами, а даже такими учебными заведениями, каким является Коммунистический университет имени Свердлова, и в порядке спешности и ударности, если вынести соответствующее решение, можно было бы обратиться в Коммунистический университет Свердлова или в Институт права, чтобы за такое-то вознаграждение составить в известный срок известные учебники. Но, собственно говоря, прохождение курса к даче испытаний это еще одна половина дела, а другая половина, не менее важная, это практический стаж после того, как прослушают лекции и практические занятия. Всём, в особенности, новичкам, очень полезно ознакомиться с практикой дела в камерах народных следователей—там, где такие курсы существуют. Поэтому я настаиваю, что в таких центрах, где могут быть отобраны лучшие силы юстиции и где могут быть организованы образцовые камеры следователей, здесь учиться нужно и новичку, и очень полезно таким деятелям юстиции, которые уже не один год были на должности народного судьи или народного следователя. Затем когда практикантский стаж будет пройден, тогда нужна особая комиссия для решения вопроса—вот этот народный судья, который приехал учиться, может он дальше служить или нет, или данный новичек может поступить на данную должность, или нет, при современных условиях советской юстиции, при тех требованиях, которые к ней предъявляются. Здесь нечего бояться старого порядка учреждения кандидатских испытаний с целью удостовериться в том, могут ли такие судьи назначаться на должности, или оставаться на этих должностях с тем, чтобы юстиция была, действительно, юстицией. Из чего состоят эти кандидатские испытания? Я указал подробно коллегии Наркомюста в докладе, который мною туда представлен.

Председатель. Слово в порядке прений имеет т. Гродзинский.

Гродзинский. Выдвинутый тов. Славным и президиумом в этом докладе вопрос является вопросом существенным и затрагивает сразу два ведомства—Наркомюст и Наркомпрос. И в данном случае я командирован на с'езд от Наркомюста и еще от Харьковского университета, именно, по тому вопросу, чтобы узнать, что намерены делать в Москве. Я должен констатировать, что, действительно, вопрос мне кажется, ставится серьезно докладчиком, в принципе, действительно, требуется серьезная подготовка судебных работников, но в некоторых вопросах я с докладчиком не согласен. Тов. Деревяшкин прав и я на основании опыта, который имел, скажу, что краткосрочный курс, на мой взгляд, ничего не дает: такие краткосрочные курсы, как в Москве, устраивались и у нас, на Украине, при губюстах, в том числе при Харьковском губюсте. В Харькове имеется университет, состав преподавателей подобрать не-

трудно и было устроено несколько сессий, три—четыре выпуска было и они дали плачевные результаты. Я сам—преподаватель на этих курсах и говорю о личном опыте, что я после третьего выпуска заявил, что больше читать курсы я отказываюсь, потому что считаю бесцельным. В течение 2—3 месяцев люди, оторванные с мест, должны пройти огромный курс. Если излагать предмет сколько-нибудь серьезно, то в 20 лекциях вы не уложите, и если имеется 5—6 предметов, и к этому практические занятия, то в течение 3-х месяцев ничего не сделаешь, и получается печальная картина, когда при полной жажде знаний со стороны большинства курсантов, что я с удовлетворением отмечаю, и при самом добросовестном отношении преподавательского персонала сделать что-нибудь было невозможно. Затем, когда зашла речь о проверке знаний, то оказалось, что они вынесли очень мало. Поэтому я считаю, что краткосрочный курс, даже в 3 месяца, а тем более в 2, как выдвигает докладчик,—это значит бесцельно тратить время, средства и силы и заставить товарищей зря работать. Это может создать хаос и путаницу, ибо вы сами понимаете, что если человек доходит до вопроса своим опытом, то это ценно, если изучает теоретически, то это еще более ценно, но когда ему дадут что-то скомканное, то, кроме путаницы, ничего не получится. Конечно, наличный состав суда, сам создавший юстицию, может-быть, не нуждается в прохождении этого курса, но отдельные лица, желающие углубить свои знания, конечно, должны быть привлечены на эти курсы.

Значит, речь идет о том, чтобы готовить будущих судей. Совершенно правильно отмечалось, что такие курсы можно организовать только в университетском городе. Это официально признано Наркомюстом и один из работающих в Наркомюсте в статье журнала об этом официально заявил. Конечно, мне трудно говорить сейчас о том, 8 ли месяцев нужно или год, это вопрос технический, но в среднем нужно около года, в особенности, если соединить с практическими занятиями.

Я вполне поддерживаю то, что говорил предыдущий оратор — о стажировании. Говорить об этом подробно сейчас трудно, ибо, имея годовичные курсы, это можно комбинировать. При годичном курсе можно обойтись и без особого стажа, а то и курсы, и стаж, и экзамены—это слишком сложно и вряд ли очень нужно. Что касается юридических факультетов, то они, конечно, должны выпускать новых работников и задача должна быть направлена к тому, чтобы выпускать людей, которые бы выходили с законченным и серьезным юридическим образованием. Поэтому я формулирую так: задачей НКЮ является иметь тесный контакт с правовым факультетом, чтобы туда поступал элемент трудовой, чтобы были организованы годовичные курсы в университетских городах. Эти положения чисто практические, а на принципиальных вопросах я не останавливаюсь, так как то, что нужно знания, это чувствует каждый. Но есть еще один вопрос. Это вопрос о подготовке следователей. Думается мне, что тут должна быть некоторая необходимость прямой специализации. Может-быть, на этих курсах, по прошествии, положим, половины курса, надо отобрать элемент, который готовится к следовательской деятельности, ибо прежняя система была край-

не неудачной и встречает возражения как у нас, так и за границей. И теперь попадаются сплошь и рядом криминалисты, техники исследования преступлений, которые не знают вполне своего дела, а которым нужно знать технику, хотя бы в основных ее чертах. В технике исследования преступления есть и судебная топография, и искусство воспроизведения следов, и телоскопия, т.-е. изучение оттисков пальцев, и т. д. и т. д. Это специальная отрасль науки во многих университетских городах имеет специальную кафедру. Началась тенденция организации специалистов-следователей, и курсы специалистов устраивались даже прежним правительством. Так, например, были отправлены бывш. министерством юстиции несколько лиц в Лозанну к профессору, который читал специальный курс по этому вопросу. Может-быть, нам это и не по средствам, но на этих курсах надо иметь особую кафедру для следователей и нужна особая техническая подготовка для ознакомления с криминалистикой.

В заключение скажу об учебниках. В учебниках у нас колоссальный голод. Не только потому, что их мало, но и потому, что они уже устарели. И по некоторым вопросам их нет совершенно. А по многим вопросам процесс исследования уже построен иначе. Не знаю, входит ли этот вопрос в сферу с'езда, но мне думается, что в тезисах и докладах об этом не говорится. А между тем в повестке, которую мы получили из Наркомюста, говорилось, что входят вопросы и о курсах, и об учебниках и т. д. и т. д. И я думаю, что не трудно устроить, чтобы были написаны специальные учебники с изложением основных положений теории. Должно быть написано также и о том, что делается в этом направлении на Западе. Они должны быть изложены простым литературным языком без ссылки на литературу. Этого практически не нужно, но нужно популярное изложение действующего права и общее теоретическое изложение. Это поможет проводить курс реально и заниматься по этому учебнику и опытным юристам. Мы знаем, что многие опытные юристы смотрели не только в свод законов, но и в университетские учебники. Поэтому я считаю так: краткосрочных курсов не должно быть, а в университетских городах должны быть курсы годичные. НКЮ должен принять меры, чтобы изготовить учебники такого характера, как я говорил. Тогда можно будет поставить на серьезную почву все наши задачи и будет возможна подготовка, которая требуется.

Председатель. Слово предоставляется тов. Вшивкову.

Вшивков. Нельзя не приветствовать то, что мы слышали из уст тов. Гродзинского, и было бы излишне возражать против высказанных им положений. Я не буду останавливаться на деталях. Я хочу отметить одну сторону, которая еще отмечена не была, а именно, необходимо улучшить знания и самообразование тех работников, которые не будут иметь возможности попасть на курсы или на правовое отделение.

Необходимо обратить внимание Народного Комиссариата Юстиции, чтобы тот орган, «Еженедельник», который мы получили здесь, был поставлен на более серьезную ногу и был обращен в научно-популярный журнал, где была бы комментирующая часть тех положений, кото-

рые будут опубликованы, и где обсуждались бы проблемы советской юстиции. Без такой постановки дела местные работники будут лишены возможности продолжать работу и совершенствоваться, пополняя свои знания, а кроме того будут обречены на постепенное оскудение. Есть пословица: кто не идет вперед, тот двигается назад. И мне кажется, что поскольку все методы усовершенствуются, а мы их не знаем, постольку безусловно мы будем катиться назад. Этому ненормальному положению также должен быть положен предел. Мы должны указать Народному Комиссариату Юстиции на эту самую существенную сторону дела, чтобы на будущее время мы имели возможность в любой момент пополнять свои знания из тех материалов, которые мы получаем. Нужно обратить внимание на ту литературу, которую мы получаем в год однажды, и на те запросы, которые бывают со стороны местных работников. Я говорю, в частности, о тех материалах, которые издаются в Наркомюсте. Рассматривая те вопросы, которыми занимается Наркомюст, нельзя почерпнуть того, что хотелось бы почерпнуть по вопросам повседневной практической жизни.

В заключение приходится пожелать, чтобы Наркомюст на первых же порах, когда встретит, может-быть, единодушный отклик со стороны съезда на те начинания, которые мы слышали со стороны тов. Славина, не стал бы чересчур увлекаться и чтобы в его дальнейшей работе не было ни праздников, ни будней. Мы должны высказаться, по возможности, против краткосрочных курсов, а за более долгосрочные в университетских городах.

Содоклад т. Магеровского о деятельности Института советского права.

Магеровский. Товарищи, в связи с докладом тов. Славина я хотел посвятить некоторое количество внимания деятельности Института советского права, тесным образом связанного с вопросами, которые здесь разбирались в области постановки юридического образования и подготовки деятелей юстиции. В дальнейшем получите подробный отчет о деятельности Института советского права за 21-й г. Я в кратких чертах охарактеризую основные этапы нашей деятельности и задачи, поставленные перед Институтом советского права. В позапрошлом году при Московском университете существовал мой кабинет советского права, практика которого показывала недостаточность нашей работы в области учета материалов и в области разработки советского права. Это еще более закрепилось, когда мне пришлось ехать на Украину. Там оказалось особенно необходимым иметь центральное учреждение в республике, которое проводило бы теоретическую разработку советского права и систематизацию материалов. Мы получили уже сведения, что в Германии организуются такие учреждения, как, напр., Бреславский университет, который поставил задачу изучения большевистского, как они говорят, права. Когда в Западной Европе было обращено внимание на изучение советского права, у нас это шло кустарным способом и в прошлом году, год тому назад, по инициативе тов. Курского, Влади-

мирского, моей и тов. Ломова, был внесен в Государственный ученый совет проект об организации Института советского права. С этого момента началась организационная наша деятельность. Задачи были поставлены, отмечено было, что Институт есть высшее учебное учреждение; для этой цели перед Институтом стали три задачи: во-первых, проведение работы в архивах наркоматов по учету и систематизации правовых материалов. Это первый базис, на котором можно было строить уже теоретическое советское право. Таким образом, этот вопрос стал в первую очередь и первые шаги, после некоторых организационных мер чисто материального характера, и пришлось направить в этом отношении. Здесь вы будете в отчете иметь работу, которая была проделана отделом правовых материалов, в течение почти годичного периода в центральных учреждениях. Вы можете в отделе правовых материалов Института советского права найти большую часть всех материалов законодательных, которые вышли по наркоматам с 17-го года по настоящий момент. Вместе с тем стал вопрос о получении материалов не печатаемых, которые находятся в глубоких архивах наркоматов, напр., архивов ВЦИК, Внудел и т. д. Теперь мы направили кадр сотрудников для разработки этих материалов. Без этих материалов разработка вопросов местного управления, избирательного права и т. д. не могла бы продолжаться в дальнейшем. Вместе с тем встала перед нами задача получения материалов с мест. Эта задача чрезвычайно сложная, которую мы в полной мере выполнить не смогли. Отсюда и обращение к вам, поддерживать нас в этом направлении в смысле систематической присылки материала со стороны губюстов, с одной стороны, и, с другой, со стороны наркоматов юстиции автономных и дружественных республик. Вместе с тем встал вопрос о систематизации материалов и выработке системы действующего советского права. Работа чрезвычайной сложности, над которой мы сидели—выработка программ по материалам наркоматов. В этом отношении мы с радостью поделились бы своим опытом с отделами юстиции и соответствующими наркоматами автономных и дружественных республик. Далее, имея этот базис в виде материалов, стал вопрос, как произвести теоретическую разработку советского права. Для этого был организован отдел научных исследований, который состоял из трех секций: секция государственного и административного права, секция судебного и карательного права и секция хозяйственного и трудового права. Мы приступили к намечению наиболее ударных отдельных вопросов в области советского права: организация местных управлений, затем в области избирательного права, в области организации центральной власти; все это вопросы, которые подвергались детальному обсуждению на заседании секции. Здесь мы пришли к концу года к подготовке, к выработке определенного курса в области советского права, в области государственного устройства РСФСР, который явился бы подспорьем как для деятелей юстиции на местах, так и в области учебного курса для университетов. Это первая планомерная работа, которая была нами в дальнейшем осуществлена. Дальше, следующий вопрос—работа в секции судебного-карательной. Тут стал вопрос, с одной стороны, в области теоретической

обработки и в смысле подготовки некоторых кодексов и, наконец, организации криминологических кабинетов. В этой части и был разработан ряд вопросов в области уголовного права и судостроительства, был ряд заключений в области соответствующих кодексов по гражданскому и уголовному праву и, наконец, приступлено было к организации **криминологических кабинетов**, которые должны были бы удовлетворить потребностям всей Республики, ибо мы не имеем ни одного экспериментального учреждения в области криминологии и судебной экспертизы.

Мы своими силами и теми силами, которые дает нам Наркомпрес, конечно, не в состоянии встать на собственные ноги и в этом отношении просим вашего компетентного мнения для того, чтобы в дальнейшем, опираясь на ваши заявления, о необходимости организации таких кабинетов, получить возможность поддержки, как со стороны Наркомюста, так и Наркомздрава. Для нас это было бы чрезвычайно важно и ценно. И если вы присоединитесь к нам и поддержите наше предложение, вы к будущему съезду будете в состоянии подвести итоги опыта экспериментальных учреждений в этом отношении.

В области хозяйственно-трудовой и судебно-карательной мы приступили к подготовке учебных пособий по хозяйственному праву, частному публичному и трудовому праву, которая будет проходить в течение 1 половины 1922 г. Я останавливаюсь на этих моментах, имея в виду колоссальную важность иметь руководящие пособия, как для центральных, так и для губернских курсов. В этом отношении мы попросили бы поддержать нас для того, чтобы обеспечить скорейший выпуск этих курсов в области советского действующего права.

Я не буду останавливаться на подробностях деятельности судебно-карательной секции в области научных исследований и перейду к вопросу, который непосредственно выдвигается в области подготовки будущих научных работников в области советского права. Перед нами также стоял вопрос о подготовке как преподавателей высших учебных заведений в области советского права, так и о подготовке научных практиков в области советского права. Вот две задачи, которые стояли перед нами. В виду отсутствия материальных возможностей мы начали осуществлять только последнюю задачу. В сентябре месяце было опубликовано о приеме в качестве научных сотрудников студентов, оставленных при университетах, в Институт советского права. При ноябрьском приеме требовались следующие рекомендации: или партийной организации—ЦК или губкома—или коллегии наркоматов. Кроме того, для поступления требовался конкурсный экзамен в области общей теории права, исторического материализма и политической экономии для всех и специальных изысканий в зависимости от того, на какую из 3-х секций каждый поступал. В настоящий момент мы имеем 32 научных сотрудника, которые приняты в институт на основании этих испытаний и приступили к работе в соответствующих секциях, в отделе правовых материалов и в архивах наркоматов.

Институт советского права—это тип академии, которая prepares преподавателей высших учебных заведений и высоко квалифицированных научных практиков-юристов. С другой стороны, вы имеете фа-

культеты общественных наук, которые должны подготовить другой галр лиц. Через 3 года мы будем иметь кадр, который выпускается не только из лиц уже работающих в области юстиции, но и из лиц совершенно новых. Наконец, мы должны иметь юридические школы, губернские или областные. Это—тип техникума и рассчитаны они должны быть исключительно на наличный кадр деятелей юстиции.

Таким образом, в этой системе юридического образования имеет определенное место Институт советского права, который может в этом отношении вполне обеспечить, с одной стороны, преподавателей для центральной юридической школы в лице своих действительных членов и ассистентов, а с другой стороны, в лице своих научных сотрудников может обеспечить руководителей соответствующих кружков и практических занятий на центральных юридических курсах. В этом отношении для нас очень важно ваше содействие и мнение в области пополнения соответствующим образом кадра научных сотрудников.

Научные сотрудники сейчас были приняты на секции хозяйственно-трудового и государственно-административного права, на секцию судебно-карательную мы имели наименьшее количество желающих работать научных сотрудников и поэтому семинаров не открыли. Сейчас рекомендация как со стороны центра, так и мест в области квалифицированных научных сотрудников, которые могли бы быть преподавателями или практиками в высших учеб. заведениях, необходима, а также необходимо усиление кадра научных сотрудников в области судебно-карательной и руководителей секции карательной и других. В этом отношении также было бы желательно усиление тех ответственных работников, которые до сих пор входили, еще новыми кадрами со стороны Наркомюста и со стороны мест. Это было бы чрезвычайно желательно. Вот те пожелания из краткого отчета, который я сделал, которые непосредственно стоят перед нами. Теперь, товарищи, единственная просьба к вам, это поддержка Института советского права. С момента, как вы приедете на места, вы нам поможете присылкой соответствующих материалов и установлением связи с нами, пополнением кадра научных сотрудников и действительных членов. С другой стороны, я надеюсь, что ваша поддержка даст нам возможность доложить вам на следующем съезде ряд трудов Института советского права и демонстрировать ряд работ в области советского права и криминологии.

Крыленко. Когда я просматривал проект резолюции, предложенный тов. Славиним по докладу о методах подготовки практических работников, деятелей юстиции, я не знал, что тов. Магеровский будет выступать с отчетом о деятельности Института советского права, но поскольку в этой резолюции указывается на Институт советского права, то до приезда тов. Магеровского я заготовил некоторые поправки относительно института. Раз тов. Магеровский говорил нам об этом, то позвольте этого института коснуться. Есть немецкая поговорка: «Siebzig sieben Professoren—Vaterland du bist verloren», которая в переводе значит: «77 профессоров — отчество пропало». К сожалению, мы знаем, что одной из уродливостей и безобразий в системе препода-

давания было то, что, наряду с революционным правотворчеством, в университетах сидела публика, которая преподавала церковное право и другие подобные предметы. Поэтому с начала революции, в первые два года, моя точка зрения была та, что на время этой революционной борьбы все юридические факультеты нужно закрыть, а затем, когда практика выдвинет потребность в руководстве и когда будет жизнью выкована новая форма права, тогда нужно поставить ребром вопрос об организации преподавания юридических наук в нашем университете. Этот момент сейчас настает и, как ответ на этот момент, у нас должен явиться Институт советского права. Спрашивается, что здесь в этой плоскости мы имеем конкретного? Нам до зарезу нужны работники, которые знали бы элементарные основания нашего судоустройства, а у нас часто председатели выездных сессий являются людьми, которые прочитали только положение о трибуналах. А здесь вы имеете Институт советского права, который разрабатывает вопросы теории и практики и имеет всего 32 научных практиканта. Это мертвый подход к делу или живой? Так не должен ставиться вопрос, как помочь всеми нашими силами нашей основной беде, при отсутствии юридических работников, практиков судебного ведомства, при отсутствии университета, построенного согласно нашим требованиям, нашей науки, нашей теории и нашей практики. Вот какие вопросы являются, когда смотришь отчет о деятельности Института за 21 год, где в административной коллегии состоит тов. Курский. Я нахожу там представителей Наркомвнудела... (читает список) и ни одного представителя НКЮ. Если мы обратимся к деятельности этой коллегии, куда входит Дмитрий Иванович, то, конечно, он не в состоянии нести эту работу и тогда стоит вопрос о его заместителе, т.-е., в частности, о тов. Магеровском. Нам нужно до зарезу дать судей практиков. Но как их дать? Перейду к вопросу практическому. Я полагаю, что в резолюции тов. Славина должно быть изменение пункта 4. Там сказано: «при Институте Советского Права»... (читает). Если мы отсюда будем комплектовать нужных практиков, народных прокуроров, председателей особых сессий, то позвольте нам взять в руки это учреждение. И я полагаю, что нужно так сказать: «Институт советского права должен быть преобразован в особый факультет по изучению практики и теории советского права с одногодичным специальным курсом для подготовки квалифицированных советских работников». Вот цель, которую он должен себе поставить. Вопрос, куда его пристегнуть. Мы знаем, что этим ведает Наркомпрос, но мы знаем, что сейчас поручить ему эту работу мы не можем по целому ряду причин. Отсюда вытекает, как тут сделать? У тов. Славина есть пункт 6, где говорится: (читает). Я считаю, что его нужно целиком выкинуть и сказать так: «организационный аппарат курсов должен быть временно, впредь до разрешения общего вопроса о постановке преподавания юридических наук в университетах и выработки их программы, сосредоточен в Наркомюсте, который непосредственно и будет отвечать за эту практическую работу». Вот как нужно поставить вопрос и тогда мы, может-быть, действительно, с грехом пополам получим нечто вроде высшей школы наших практических работников, которые на

местах будут руководить нашими судебными местами. Теоретическая же работа, как издание сборников и т. д.—вот это дело хорошее и весьма желательное. Поэтому я полагаю, что поправки эти нужно принять. Институт советского права преобразовать так, чтобы он давал практических работников руководителей.

Председатель. Записавшихся еще 6 товарищей. Как вести прения? Сокративши до 5-ти минут? Я должен сказать, что вопросы важные, скомкать нельзя. Может-быть, сократим до 5-ти минут или сведем только к вынесению предложений с краткой мотивировкой. Возражений нет?

Слово предоставляется тов. Дмитриеву. (Отказывается, как и ряд других ораторов). Слово предоставляется тов. Лаговнеру.

Лаговнер. Здесь критиковали тезисы доклада о двухмесячных курсах. Но я думаю, что тов. докладчик имел в виду как бы конференцию. Так что я стоял бы не за курсы, а за такое, например, губернское совещание, где можно было бы ознакомиться с повеллами нашей практики. Затем я поддерживаю мысль тов. Крыленко о ходе общей подготовки работников юстиции, которая шла до сих пор неправильно. Нам надо озаботиться, чтобы на все курсы был принят элемент, фильтрованный с точки зрения классовой. Иначе никакие резолюции и никакие подготовки не помогут. Поэтому одногодичные курсы должны быть использованы в 1-ю очередь для работников юстиции, которые по классовому положению не должны быть выброшены и которых кодексы не могут запугать. Затем протестую против испытаний и т. п. Товарищи Гродзинский и Деревяшкин говорили о технике дела. Кто-то из марксистов сказал, что мы готовили лейб-гвардию пролетарского образования. Так и мы должны создать лейб-гвардию юридического образования. Нам нужна не техника, а дух. Если тратилось много времени на идеализацию частного права, то мы должны создавать юридический факультет, где бы прием должен был быть из рабфаков и где бы основанием должно быть социалистическое мировоззрение. Техника здесь—вещь второстепенная и поэтому нужно придать такой характер курсам, чтобы эти курсы не обратились в оружие против нас. Я слышал, как говорили нам на рабфаках—мы сбежим от этих старых крыс, которые нас отпугивают от науки, если это будет так продолжаться дальше. Мы должны стремиться к тому, чтобы было побольше свежих сил, преданных советской юстиции.

Председатель, тов. Черлунчаневич. Я хочу высказаться по пункту 9-му. Когда мы говорим о 2-мес. курсах, мы не увлекаемся тем, что оттуда выйдут т-щи судьи и следователи, знакомые с наукой. Но мы знаем, что им надо пройти азы, что им надо хлеб насущный—черный хлеб получить и в течение 2-х месяцев. Мы думаем, что огромное большинство можно профильтровать через эти курсы, где должны быть практические занятия, а не лекции профессоров, а именно, государственное устройство и экономическая политика, которые можно тоже ставить практически. Когда ставятся известные вопросы слушателями, слушатели же отвечают, получается форма дискуссии, как бы ведется беседа, где руководитель берет последнее слово. В основе должны быть новые

уголовные кодексы, — гражданские кодексы, судоустройство и судопроизводство. Задаются определенные задачи, где курсанты составляют примерные приговоры, составляются следственные акты, делаются определенные заключения и письменные работы, по которым можно судить, выйдет ли что-либо из данного слушателя, или он опадет сам собой. Способ не лекционный, а практический, или, как называли в Туле, лабораторный. Это единственный способ освежения нашего состава судей и следователей и приобретение уверенности в том, что работники будут в основных требованиях удовлетворять своему назначению.

Кожевников. Вот, товарищи, нам, работникам права, более, чем кому-нибудь видно, что краткосрочные курсы нужны, но необходимо их создать не так, как пришлось их создавать некоторое время тому назад. Полтора года я пытался создать эти курсы и оказывается практически, что нельзя во время провести смету, нельзя получить необходимых пайков и т. д. И вот, после громадных усилий в течение полутора лет, у нас были созданы курсы, но они могли просуществовать только полтора месяца. Через полтора месяца их пришлось закрыть, так как не оказалось ни денег, ни пайков. Преподаватели отказались преподавать, а курсанты разбежались. Я боюсь, что мы опять можем остаться при том же положении. Помимо тех теоретических пожеланий, которые выносятся на съезде, необходимо поставить твердо и материальный вопрос, необходимо какое-то бронирование, крепкое, твердое определенных материальных средств, чтобы эти курсы на местах проводить. После того случая, который был у нас, я не знаю, как мы сможем опять создать эти курсы. Вряд ли кто-нибудь придет на эти курсы после того, как работники с мест должны были уезжать, не кончив курсы. Если бы вы, товарищи, знали, в каком положении мы находимся! Взять хотя бы окраины Сибири. Там 75—80% старых колчаковских судей или царских судей. Если вы возьмете следовательский аппарат — там еще хуже дело обстоит. Я полагаю, что краткосрочные курсы возможны и желательны, но только нужно соразмерить срок с теми предметами, которые должны преподаваться.

Если мы введем общую теорию права или государственное право, то, понятно, что получится ерунда. Если же мы для этих краткосрочных курсов возьмем не народных судей, а товарищей, подготовляющихся для народных судей, введем практическое ознакомление с этими положениями, мы будем иметь подготовленных людей. Как же мы сейчас выходим из этого положения? Мы просто берем товарища-коммуниста, посылаем его к народному судье — коммунисту: посиди недельки две, получи практику, сам заведующий занимается с ним — и мы этого товарища бросаем на место. Я спрашиваю: лучше ли иметь эти двухмесячные курсы, или не иметь ничего, а гоняться за 8-ми, но практически их не провести. Я обращаю на это внимание и Наркомюсту нужно поставить вопрос твердо, а не довольствоваться одними теоретическими суждениями.

Постников. Говорить о подготовке деятелей юстиции и не коснуться вопроса о подготовке в высшие учебные заведения не приходится. Я в высшей степени был рад услышать заявление тов. Крыленко о

том, что наступил момент, когда мы можем с вами говорить не только о краткосрочных курсах, но говорить и о факультетах юридических. В этом отношении я соглашаюсь с товарищем Крыленко, что мы, действительно, должны взять в свои руки эту подготовку. Мы должны взять, но как взять и кого взять? Прежде всего, меня удивляет, что нужно завоевывать Институт советского права. Здесь имеются действительные члены, которые являются в то же время членами коллегии Наркомата Юстиции, так что завоевывать нам нечего, а мы должны завоевывать другое, именно факультеты, ибо они должны дать нам работников, в которых нуждается Россия. Они дадут нам не практиков юристов, а профессоров преподавателей для тех курсов, которые мы организуем. Я защищаю тех 32 научных сотрудников, которые имеются в Институте советского права, и прошу тов. Крыленко не тянуть их в практическую работу, когда они стремятся сделаться преподавателями, а оставить их в покое. Если бы вы знали, как Наркомздрав интересуется составлением программы университетов, если вы знаете эти программы, то вы скажете, что мы должны авторитетно заявить, что Наркомюст должен принять участие в составлении программы и в данном случае в эти университеты должны влиться силы от Народного Комиссариата Юстиции, должно быть руководство. Об этом можно детально поговорить. Я вынужден сказать несколько слов об Институте советского права. Товарищи, Институт советского права имеет колоссальные задачи, и моя просьба к вам здесь, на заседании, зафиксировать необходимость такой организации, потому что нам необходимы не только окончившие университет, но необходимы и профессора, которые будут в этих университетах работать. Положение об Институте, которым он действует, гарантирует, что институт этот наш. Но нужно только действовать, проявить инициативу.

Затем я прошу подтвердить все предложения, которые внесены проф. Магеровским, что работа Института по собиранию правового материала могла бы быть поставлена хорошо, если вы обяжете места присылать соответствующие правовые материалы. Затем мы должны зафиксировать, что та работа, которая намечена Институтотом в области издания учебников, создания криминологических кабинетов, — эта работа должна быть поддержана и в этом отношении необходима не только инициатива и деятельная работа Института советского права, но и тесное живейшее участие Народного Комиссариата Юстиции, который намерен, по словам, товарища Крыленко, завоевывать этот Институт.

Рстовский. Тов. Славин вышел несколько из рамок своего доклада и коснулся не только вопроса об организации подготовительных курсов советских работников, но и агитпропагандистской работы, которую мы должны проделать. Я всецело присоединяюсь к такому дополнению тов. Славина, но полагаю бы дополнить это положение следующим образом: «При Наркомюсте организуется»... (читает дополнение). Вот как должна быть изменена и дополнена ст. 6, потому что отсутствие специального пропагандистского отдела в Наркомюсте является аномалией в связи с другими специальными ведомствами, как, напр., Наркомздрав,

который имеет прекрасно поставленный агитотдел,—Наркомпуть и другие наркоматы.

Белоруссов. Заслушав краткое сообщение тов. Магеровского о деятельности Института советского права, съезд деятелей юстиции должен выявить свое отношение к новому учебному учреждению, поэтому я предлагаю принять следующую резолюцию: «Съезд, выслушав краткое сообщение тов. Магеровского о задачах и деятельности Института советского права и признавая всю важность...» (читает резолюцию).

Алимов. Товарищи, я не буду долго отвлекать ваше внимание. У меня имеется только одно практическое замечание по поводу предложения тов. Крыленко об исключении 4-го п., именно его новая редакция. Соглашаясь с тем, что предлагает тов. Крыленко, я думаю, что нам нужно обратить внимание на последствия этого, и поэтому вношу следующее дополнение, что необходимо поручить Наркомюсту, чтобы было обращено особое внимание на преподавание советского права в губернских партийных и советских школах, которые имеются почти в каждой губернии и, в частности, у нас, в Сибири. На преподавание советского права там со стороны органов юстиции внимания не обращается. Это должно быть проведено не позднее 1-го апреля; во 2-х, соглашаясь с тов. Крыленко по вопросу о реорганизации Института советского права, я, как представитель Сибири, обращаюсь к съезду с тем, чтобы съезд постановил о том, чтобы отделения этого Института, реорганизуемого, как предлагает тов. Крыленко, открывались на окраинах и, в частности, в Сибири, где недостаток юристов наблюдается особенно.

Председатель. Прения закончены. Слово предоставляется докладчику.

Докладчик, тов. Славин. Те замечания, которые были высказаны по содержанию доклада, можно было бы распределить на 2 вида. Один вид замечаний касался существа доклада в отношении организации 2-месячных курсов, другой же касался лишь различных поправок,—изменений и дополнений, которые нужно было внести в тезисы доклада. Я, раньше всего, остановлюсь на замечаниях первого рода. Если бы я согласился с теми товарищами, которые здесь высказывались о том, что в течение 8 мес. или года еще можно что-нибудь сделать, что 2-месячный курс является недостаточным для подготовки судебных деятелей, если бы я согласился с этим, то получилось бы то, что судебные работники, которые не на месте, так и сидели бы с тем багажом, который у них есть, т.-е. явно недостаточным. Эти товарищи не учли того положения, которое я называл катастрофичным. Они на этом вопросе совершенно не остановились. Они как будто не от мира сего. Пришли сюда и не знают, в каком положении находится дело, и полагают, что только 8-месячные или 2-годовые курсы могут что-нибудь сделать. Между тем, в своем докладе, весьма кратком, в котором я старался совершенно реально подойти к жизни, я остановился, с этой точки зрения, на 2-месячных курсах. Разве я говорил, что на них можно получить серьезную теоретическую подготовку, разве я говорил, что на них можно самостоятельно подготовить судей, которые бы стояли на

должной высоте? Нет, я говорил другое. Я говорил о подходе к юридической науке, которая существует, и о подходе к тем кодексам, которые реставрируют прежде существовавшие институты права. Я, может-быть, плохо сделал, что не изложил подробно обширного материала, который я имел в виду изложить о прежнем положении юридических факультетов. Но вряд ли это необходимо, так как я имею дело с опытными товарищами, которым должна быть известна история вопроса. Ясно одно, что нам нужны судьи с определенной пролетарской психологией, с пролетарским подходом к делу, но у пролетарских судей нет необходимых знаний. Что же делать? Рабочие никогда, по своему положению, не могли пройти никакого университета. Поэтому они получают теперь тот минимум образования, который позволяет им занять место судьи и укрепить за собою такое место, если они уже его занимают. Как же выйти из этого положения? Мы должны сказать, что суд является форпостом новой формы революции, который мы должны сохранить и держать в своих руках.

Мы говорим рабочему-судье: подготовься, узнай, что сделано в этой области, ознакомься с новыми принципами кодекса, с тем, что составляет в известной степени новые формы работы, которая тебе предстоит. А там уже дома сумеешь разобраться, как применить ту или другую статью. Так как мы тебе верим, что по своей интуиции ты сумеешь разобраться и выйти из положения, то в таком случае ты сможешь и сохранить в своих руках аппарат суда. Товарища, если двухмесячные курсы отвергнуть, значит останется пустое место, значит, мы не разрешим кардинальных задач и мы не организуем тех курсов, которые помогут нам приспособиться к новым условиям работы. Я считаю, что этот вопрос должен быть совершенно исчерпан, что такой подход товарищей совершенно неправилен и нежизненный, а что касается общих соображений, то я сам мог бы привести много соображений в пользу того, что лучше иметь годичные и даже трех-и четырех-годичные курсы. Но в вопросе о стаже не буду останавливаться, нужно только вспомнить, каким образом когда-то были построены юридические факультеты, как проходили стаж при окружном суде и т. д. Я думаю, наша работа должна быть не в этой плоскости. Теперь по поводу Института советского права. Я указал совершенно определенно в пункте 7... (читает), ибо я имею в виду, чтобы все остальные губернские курсы в известном иерархическом порядке были централизованы, чтобы им правильно направлялись деньги, чтобы в центре был руководящий орган, который занимался бы организацией этих курсов. Стало-быть, основное положение принимается в докладе и возражений как-будто бы нет. Что же касается указаний тов. Крыленко на пункт 4 о том, что Институт должен быть преобразован в факультет, то я считаю это плодом недоразумения. Дело в том, что существующий Институт является учреждением при университете, является ученым учреждением и при нем уже можно создать такой факультет, и весь вопрос только в названии,—можно назвать одногодичными курсами или факультетом. Но содержанию тут разницы не будет. Если иметь это соображение в виду, то я согласен, что на Институт нужно обратить особое внимание и нуж-

но войти туда элементы Наркомюста. Должен отметить, что со стороны представителей Института не только нет возражений, но они приветствуют объединение Института советского права с Наркомюстом.

Ясное дело, что теперь только нужно найти общий организационный план, при помощи которого Институт советского права был бы слит в работе с Наркомюстом. Это намечено пунктом 7, где говорится о полном слиянии и приспособлении этих органов к нуждам советской юстиции.

Тов. Черлунтакевич указывал на 9 пункт. Здесь говорится об основных понятиях, об экономической политике (читает). При составлении программы нужно было иметь в виду, что двухмесячный курс недостаточен, а поэтому в программу введены не целые курсы, а «общие понятия» о ряде научных дисциплин, в том числе общие понятия о судебной медицине, психиатрии и т. д. Что касается методов преподавания, то здесь ясно указано в п. 11 (читает). Стало-быть, в этом отношении нет никаких разногласий, так что при объединении пункт. 9 и 11 ясно, что метод преподавания должен быть наиболее практический. Затем по вопросу об издании учебников не может быть никаких разногласий. Далее, с организацией курсов в республиканском масштабе необходимо своего рода агитпропагандистский аппарат создать. Если я не поместил этого в тезисах, то потому, что эти тезисы были бы по специальному вопросу, а по этому вопросу мог бы быть отдельный доклад. Таким образом, не смешивая этих двух вещей, я имел в виду сосредоточить внимание на вопросах доклада. Что касается того, что товарищ говорит, что нужно обратить внимание на самообразование до поступления на курсы, то это вопрос Наркомпроса, а не юстиции. Есть определенное указание тов. Кожевникова, на которое я хотел обратить ваше внимание. Вопрос о том, чтобы на местах слушатели не разбежались, если курсы будут неорганизованными. Но в докладе говорится, что раз будут организованы такие курсы, то будет определенная смета в республиканском масштабе и, следовательно, места будут своевременно снабжаться. Нужно, чтобы на это государством было бы обращено серьезное внимание, а в виду ударности этой работы деньги должны найтись и курсы должны быть организованы. Двухмесячные курсы должны иметь бронированную смету и тогда мы из этого положения сумеем выйти.

Есть одно замечание, которое вызвано полученной мною запиской: «Каким образом может рабочий или крестьянин, не имеющий никакого образования, поступить на годичный курс?» (читает записку). На этот отдельный вопрос можно было бы частным образом ответить, но в виду его интереса, я готов на него ответить тут же: я полагаю, что в подобных случаях встанет вопрос о том, чтобы делегировать в том же порядке, как и в университет Свердлова. Еще вопрос—сумеют ли занять места судей рабочие и не будут ли они теперь запуганы кодексами. Я должен сказать, что мы должны быть спаяны и мы должны все усилия направить к тому, чтобы приспособить и курсы, и учебники так, чтобы нужный нам рабочий элемент захватить, развить и тем укрепить наш аппарат, чтобы он остался в наших руках.

Крыленко. Я предложил бы тезисы принять и все записки передать в президиум для окончательной редакции, а сейчас поставить на голосование, если есть основные поправки.

(Товарищ Магеровский возражает).

Председатель. Итак, продолжать прения? Желающих говорить нет.

Крыленко. Я вношу такие поправки (читает текст и поправки). Докладчик тов. Славин возражает против поправок тов. Крыленко.

Председатель. Кто за поправки тов. Крыленко? Поправки отклонены, тогда отпадает и вторая поправка.

В 9-м пункте чисто редакционные поправки.

Голос. Я предлагаю войти в соглашение с Наркомпросом, ввести в старших классах обязательно преподавание советского права.

Крыленко. Это постановление еще 5-го съезда.

Лисицын. Я предлагаю принять сообщение тов. Магеровского к сведению.

Магеровский. Я просил бы поддержать основные линии, так как этим вы поддержите нашу работу, и мы сможем, основываясь на этом, предъявлять известные требования к Наркомпросу, указывая на резолюцию съезда.

Председатель. Открывать прения? Нет. Вопросы исчерпаны, и я считаю заседание закрытым.

Вечернее заседание 30 января.

Доклад т. Курского о материальном положении работников юстиции.—

Сообщение т. Крыленко о работах трибунальной секции.—Заключительная речь т. Курского.—Закрытие съезда.

Председатель т. Курский. Заседание открывается. Товарищи, в порядке сегодняшнего заседания будет краткое мое информационное сообщение о материальном положении работников юстиции. Почему краткое—я сообщу по существу доклада. Затем будет оглашено приветствие, которое мы пошлем нашему вождю—Вл. И. Ленину, и закончим принятием резолюций съезда, т.-е. подытожим работу нашего съезда. Итак, я начинаю с информационного сообщения. Товарищи, вам, конечно, всем хорошо известно, что мы на IX-м Всероссийском Съезде Советов зафиксировали так называемый твердый бюджет. Это была первая попытка учесть, какими ресурсами, в самом деле, мы обладаем. В первый раз, по существу говоря, мы как следует не в денежных знаках, которые мы выпускали безграфикно, а попытались в реальной ценности определить, что мы имеем. Этот твердый бюджет, он является в этом отношении тем исходным пунктом, от которого мы должны исходить, когда мы учитываем наше материальное положение во всех отраслях государственной работы. Должен сказать, что результаты получились изумительные, и, в сущности говоря, ни одна отрасль государственного управления не могла уложиться в настоящий бюджет. В на-

стоящее время перед нашими высшими органами стоит основная задача изыскать новый источник для того, чтобы дополнить этот твердый бюджет. Бюджет сведен к одному миллиарду восемьсот семьдесят семь миллионов золотых рублей для всей Республики, как прямых, так оборотных (и материальных). Из этого бюджета для юстиции удалось получить три миллиона прямых расходов на губернии и один миллион четыреста двадцать тысяч золотых рублей на 9 республик. Это из прямых денежных кредитов. Затем удалось получить 14 миллионов 820 тысяч оборотных расходов на губернии и два миллиона 840 тысяч на республики. Видите, какой мизерный бюджет мы получили, и он, фактически, сводится к цифре 5 миллионов золотых рублей в год прямых кредитов и более крупная сумма—16 милл.—оборотных кредитов, по сюда входит содержание мест лишения свободы, пайки и т. д. Цифры эти мизерные, но тем не менее эти цифры показывают, насколько все-таки положение наше лучше, чем было в прошлом году. Если взять в довоенных рублях (по курсу в 21-м году—30 тысяч советских рублей соответствуют одному золотому рублю), то получится, что в 21-м году в течение 9 месяцев мы получали на каждый участок народного суда 7 миллионов советских денежных знаков или 236 рублей золотом, т. е. мы имели 26 рублей золотом на каждый участок народного суда в месяц. Если вы примете во внимание, что в буржуазной Англии судья получает 50 тысяч рублей в год жалованья, а у нас вся камера народного суда получает 26 рублей в месяц, то вы поймете нашу нищету. Но мы все-таки и здесь найдем исход. Мы имеем в 1922 году на каждую камеру народного суда—73 миллиона денежными знаками. Если вы возьмете по курсу—один довоенный рубль равен—100 тысяч рублей денежными знаками—то мы будем иметь 738 рублей на 9 месяцев или на один месяц 82 рубля. Но, к счастью, в первом же месяце, в январе месяце, благодаря тому, что тот тариф, который был положен в основу такого расчета, оказался неприемлемым в целом ряде отраслей работы государства и, в частности, в хозяйственных органах, этот тариф уже повышен с января месяца и он повышает также расходы на каждую камеру народного суда до 132 рублей. В настоящее время вопрос сводится к тому, чтобы вам на места возможно скорее перевести дополнительные кредиты, для выдачи дополнительного жалованья по новым ставкам за январь месяц из имеющихся средств. Нам пока даются ресурсы для этой цели из февральских кредитов. Мы сейчас переведем февральские кредиты, а к февралю нам откроют новые кредиты. Если вы возьмете в денежных знаках советских, то это сведется к следующему: для первого пояса более дорогого, для Московской и Петроградской губернии, устанавливается 4 миллиона 50 тысяч, для второго пояса 3 миллиона 750 тысяч денежных знаков и соответствующее с этим поясом цифра понижается. Таких поясов 6. В последнем 6-м поясе 2 миллиона 130 тысяч. Кроме денежных знаков наши работники имеют право на паек. Тот паек, который намечался, был довольно значителен. Это 80 фунтов муки и еще кое-какие продукты снабжения, за которые должно вычитаться 740 тысяч. От этого пайка государство должно было отступить, можно сказать, не ввести его в жизнь. В на-

стоящее время паяк сводится, как вам известно, всего к 30 фун. муки с небольшим добавочным количеством других продуктов, как-то сельдей, соли и т. д. Стоимость этого пайка определяется в 392 тысячи, которые вычитаются из этой суммы денежных знаков. Какое количество пайков мы имеем? Оно было определено для всех советских учреждений в декабре месяце в 360 тысяч пайков.

Из этих пайков комиссия рабочего снабжения и междуведомственное совещание при этой комиссии дала нам для работников юстиции 20 тыс. пайков, после очень больших, так сказать, переговоров и торгов. Этих 20 тыс. пайков, товарищи, в январе мес. мы уже не могли получить. Продовольственное положение Республики таково, в связи с наступлением, вообще, весенних месяцев, с необходимостью обсеменения полей и т. д., что в настоящее время, не далее как сегодня, Госплан ставит вопрос о дальнейшем сокращении числа пайков и замене их денежными знаками. Я, товарищи, твердо и постоянно заявил, что дальнейшее понижение количества пайков немислимо для Наркомюста и это находится в такой стадии, что нам оставляют пока 15 тысяч пайков. Всего же у нас сотрудников фактически до 30 тыс., а если вы возьмете наши штаты, их вместе с исправдомами и конвойными командами—72 тысячи. Вот материальные ресурсы, которые нам даются. Таким образом, товарищи, я хотел бы, чтобы те общие цифры, которые я сообщил, вы приняли за исходный пункт, от которого Наркомюст будет исходить, ставя себе задачей безусловное улучшение материального обеспечения работников юстиции. Я должен сказать, что одной из самых замечательных страниц в тех подготовительных работах, которые я прочитал, была страница отчета Самарского губернского съезда, т.-е. работников самой голодной губернии. Ужасы ее мне напоминать не приходится. Эта страница говорит о том, что работники юстиции, действительно, ничего не получая, все-таки не выпускали из рук оружия. Это буквально героическая страница. Товарищи, я думаю, что мы будем так счастливы, что в этом году не будем иметь такой диллемы держать наше оружие, не имея хлеба. Наше положение улучшается, но мы должны помнить одно, что мы не одни, что работники юстиции составляют только часть того авангарда, который ведет революцию. Правда, оружие, которое нам дается в руки,—право, это квалифицированное оружие, которым нужно теперь, может-быть, больше бить врага, чем это делала винтовка, но все-таки, товарищи, мы составляем только горсть этого авангарда. Пока дойдет до улучшения положения, приходится принимать во внимание общее положение, общие ресурсы. Я убежден, что у вас не закрадется сомнение, что Наркомюст будет на страже ваших интересов. Я обращаюсь только к вам с просьбой, чтобы вы, даже имея неудовлетворительное материальное положение, не покладали своей энергии и давали бы те героические страницы, о которых можно прочесть в одном из местных отчетов.

Черлунчакевич. Президиум предлагает не открывать прений по докладу тов. Курского. Все товарищи, которые пожелают павести ту или иную справку, приглашаются завтра в Наркомюст.

Дьяконов (читает резолюцию).

Курский. Разрешите поставить на голосование эту резолюцию. Она дает основание мне опираться на волю съезда. Кто за принятие этой резолюции, прошу поднять руки? Принято.

Чарльончаевич (читает обращение к тов. Ленину. Аплодисменты).

Курский. Теперь приступим к оглашению тех резолюций, которые предлагается принять общему собранию.

Крыленко. Товарищи редакционная комиссия в составе бюро президиума, дополненная членами президиума, по рассмотрении всех резолюций в окончательной формулировке, предлагает следующий их текст. Первая резолюция об уголовном кодексе... (читает).

Председатель. Резолюция относительно Уголовного Кодекса решена, прений открывать нет оснований, предлагаю голосовать. Кто за принятие этой резолюции? Резолюция принята.

Крыленко. Резолюция о судостроительстве, читает резолюцию.

Председатель. Голосую резолюцию (принята).

Крыленко. Резолюция о прокуратуре (читает).

Председатель. Предлагаю голосовать резолюцию без прений, принята.

Голос. Я предлагаю принять поправку: «вместо губисполкома», исполкомов.

Председатель. Да, это совершенно верно. Поправка принимается.

Крыленко. Резолюция о следствии (читает резолюцию).

Голос с места. В резолюции сказано «пререкания между следователем и прокурором разрешаются судом, а дальше пререкания между следователями». Не проще ли сказать, всякие пререкания между следователем и прокурором и следователями разрешаются судом.

Крыленко. Я против этой поправки, вопрос стоит совершенно ясно, нужно, чтобы только тогда были обращения к суду, когда происходят пререкания между органами надзирающими и производящими.

Курский. Кто за принятие этой резолюции? Принята. Есть предложение голосовать поправки, кто за то, чтобы вносить поправки — мало.

Крыленко. Следующая резолюция о карательной политике предлагается следующая. В виду того, что никаких изменений и поправок к тезисам тов. Саврасова не вносилось, предлагается принять такую резолюцию (читает).

Курский. Кто за принятие такой резолюции? Огромное большинство.

Крыленко. Резолюция об адвокатуре, с поправками она будет гласить так (читает).

Голос. Поправка: одно слово «особые» вычеркнуть.

Председатель. Оглашена резолюция по адвокатуре. Я предлагаю принять голосованием. Большинство принята.

Голос. Нужно против.

Председатель. Кто за поправку: слово «особо» вычеркнуть? Большинство принято.

Голос. Против резолюции.

Председатель. Кто против в целом? 5 человек.

Крыленко. Резолюция о порядке рассмотрения жилищных и земельных дел. Введение по тезисам (читает). Потом идут тезисы с исключением 2-го, 5-го и 14-го тезисов. Прикажете читать?

Голоса (нет).

Председатель. Кто за принятие? Принята.

Крыленко. Положение о судебных исполнителях (читает). Здесь принята одна поправка, оглашать ли ее (голоса: известно, не стоит).

Председатель. Предлагаю принять. Кто за? Огромное большинство.

Крыленко. Резолюция о нотариате. Это я должен прочитать, так как есть поправки и напечатано с перевернутым набором (читает). Сначала прочитаю так, а потом дополнение, которое решено съездом (читает).

Председатель. Оглашена резолюция и поправка. Возражений нет? Большинством принята.

Лисицын. Резолюция по докладу тов. Славина (читает). Стоит ли все читать (известно). Изменение только пункта 6 такое (читает). А затем 9-ый пункт изменен таким образом (читает). В остальном все тезисы без изменения.

Голос. На пленуме было принято добавление о том, что НКЮ поручается войти в соглашение с Наркомпросом по вопросу о введении в старшие классы в качестве обязательного предмета советского права.

Лисицын. Это было высказано пожелание, но Крыленко разъяснил, что об этом уже имеется постановление 5-го съезда, так что поправка не голосовалась.

Голос. Справку тов. Черлючакевич объявил, что возражений нет и поправка принята.

Славин. Я не возражал, что это желательно было бы ввести.

Председатель. Я предлагаю принять сначала резолюцию, оглашенную тов. Лисицыным. Принята большинством. Теперь за поправку. Кто за принятие этого пункта? (Принято большинством).

Эстрин. Организационная секция предлагает следующее постановление. Во-первых, постановление о губюсте (читает).

Председатель. Та часть резолюции, которая оглашена, вызывает какие-нибудь поправки или нет? Я ставлю на голосование (принимается большинством).

Эстрин. Постановление об уездных бюро юстиции (читает).

Председатель. Эту часть резолюции ставлю на голосование (принимается большинством).

Эстрин. Постановление о губернских советах народных судей (читает). Принимается. Постановление о принятии к руководству и точному исполнению резолюции IX-го съезда советов, определяющей задачи нарсуудов (читает). Принимается. Снабжение народных судов всеми необходимыми материалами (читает). Принимается.

Голос с места. Здесь пропущено о том, чтобы просить Наркомюст. чтобы урегулировать вопрос относительно опеки.

Председатель. Мы проголосуем сначала три предложения, которые вынес тов. Эстрин, а потом перейдем к этой последней поправке. (Пред-

ложение принимается). Теперь мы перейдем к поправке, внесенной тов. относительно опеки. Поправка голосуется и принимается.

Крыленко. Трибунальная секция, заседавшая вчера, разбила свои занятия на три части. Первая часть подвергла обсуждению вопрос относительно организации следствия при трибунале, организации прокуратуры при трибунале и вопрос о подсудности трибунала. Вторая часть работы трибунальной секции касалась деталей, форм и методов участия трибунальских работников в повседневной практической работе. Третья часть работы трибунальной секции была закрытой, она не подлежит оглашению. Я считаю, что интерес для съезда может представлять только первая часть. Относительно подсудности, относительно организации следствия и относительно организации прокуратуры. В этой плоскости трибунальная секция начала с рассмотрения предложенного проекта о подсудности трибунала по ст. уголовного кодекса, применительно к этой категории подсудности принята резолюция о судеустройстве. Я думаю, что перечислять подробно резолюции и ст.ст. нет необходимости, и я укажу только на те вопросы, по которым секция имела принципиальное разногласие и по которым она разошлась в своих решениях с принятыми решениями в уголовной секции, и которые подлежат разрешению в общезаконодательном порядке, которые носят характер общенитересный для всех товарищей членов съезда. Прежде всего, по вопросу о ст. 97, которая секцией вотировалась к исключению из кодекса. Мы полагаем в трибунальной секции, что если корыстные и личные цели не доказаны, то ст. о неправильном судебном приговоре подлежит исключению. Точно также и в ст. 8, по мнению трибунальной секции, подлежит исключению абзац о привлечении к ответственности.. (читает). Наконец, по вопросу о принципе строения карательных санкций трибуналь-ская секция вотировала, что принцип «не ниже» подлежит оставлению и предлагала, кроме того, вотировать ст. 27 о толковании «высшей меры» в том смысле, что в санкциях, где сказано «не ниже» в этих случаях трибуналам, как исключительным судам, предоставляется право определять наказание вплоть до высшей меры.

И наконец, в той же 27 статье вотировали вставку, пропущенную по ошибке, что право этой 27 ст. распространяется и на военно-транспортные трибуналы. По вопросу о подсудности, не вникая в детали перечисления статей, на чем остановилась трибунальная секция, последняя высказалась за необходимость точного редактирования статьи 81-й, гласящей о контрабанде, так как она входит в коллизии с действующим декретом о контрабанде и наказании за таковую. В виду того, что это носит специальный характер, я не полагал бы необходимым подвергать это голосованию за исключением санкции «не ниже». Теперь по вопросу о следствии, так как в резолюции о следствии имеется только один абзац, касающийся постановки трибунального следствия, трибунальная секция не касалась общих вопросов, принятых в резолюции о следствии, а касалась этого абзаца и высказалась здесь согласно общей резолюции о следствии за необходимость создания при ревтрибуналах специального следственного аппарата в виде состоящих при трибуналах следователей на правах следователей по важнейшим

делам, по порядок их организации и ответственность распределения принят тот, который есть для районных следователей по общему положению, а именно, по мнению трибунальной секции, районные следователи работают под отчетность и ответственность специального лица; заведующего следственной частью, входящего в число членов президиума ревтрибунала, но не участвующего в судебных заседаниях ревтрибунала. Эта конструкция, когда заведующий отвечает целиком за деятельность этих особых следователей по важнейшим делам и наблюдает за деятельностью следователей, независимо от распространения общего надзора прокуратуры в общем порядке, — вот эта конституция должна заменить собой расшифрование недостаточно точной редакции закона. Все остальное остается в силе. Наконец, последний вопрос, которым занялась секция — вопрос о прокуратуре. Секция занялась, прежде всего, моментом вступления прокуратуры в дело и формами, в которых проявляется ее участие процессуально-технически. Это, вероятно, будет вопрос общий, но более серьезен вопрос о порядке подчинения прокуратуры. Здесь секция единогласно вотировала, что никакой специально трибунальской прокуратуры с особой системой подчинения не нужно и вотировала только обязательность, чтобы при каждом трибунале губернского состава один из помощников или товарищей прокурора губернии, которому в общем порядке подотчетны и подчинены следователи, и имеющий те же права, что и общий прокурор, по надзору над следствием. Из этого правила выделяются специфические нормы исключительных судов, которыми являются военные трибуналы, действующие в районе, где нет общих судов, или действующие на особом положении, экстерриториальные по своему существу транспортные трибуналы, охватывающие до 6—8 губерний сразу. Они входят в подчинение Прокурору Республики на особых основаниях, можно ли допустить коллизию, столкновения, конфликт между ж. д., военными и трибунальскими прокурорами и общей прокуратурой губернии. Секция вотировала, что коллизия недопустима, вся прокурорская система едина и тезисы одного прокурора подлежат поддержанию другим прокурором, прокурор губернии имеет все те же права по надзору по отношению к любому делу, где бы оно ни находилось в производстве. Вот те принципы детальной разработки вопроса, на которых останавливалась трибунальская секция. Я полагаю, что здесь на с'езде их подвергать дискуссии не следует, кроме общего вопроса по существу, который я выдвинул.

Черлючакевич. Товарищи, этот общий вопрос, который касается уголовного кодекса, вотировался в комиссии по кодексу. Разрешите специальный доклад о работах секции по кодексу не делать, в виду того, что вашим же постановлением образована комиссия из 5-ти лиц, которая в течение недели должна при Наркомюсте рассмотреть и систематизировать все поправки, внесенные как в общую часть, так и в отдельные статьи. Таких внесенных поправок много. Если бы мы остановились на этих поправках, нам пришлось бы с'езд затянуть еще на неделю. Таким образом, выбирая комиссию, в которую вошли лица, выделенные секцией трибунальской, мы можем ей передать осуществление воли

с'езда по внесению тех или других изменений. Я предлагаю этим закончить доклад о работе секции по уголовному кодексу.

Курский. Таким образом, я предлагаю все поправки, о которых говорил тов. Крыленко, передать в комиссию, которую мы уже избрали для того, чтобы объединить все материалы секции. Кто за это предложение, прошу поднять руки. Огромным большинством принято.

Крыленко. Я забыл дополнить пожеланием, которое вынесла трибунальская секция единогласно. Это касается общей системы прокуратуры. В виду того, что основной принцип—единство прокуратуры, трибунальская секция просит поддержать то, что она предлагает, что система прокуратуры должна быть единой и в отношении наших федеративных областей Республики.

Курский. Кто за это предложение. Принято. Порядок дня исчерпан. Мы перед моментом закрытия с'езда. Я обращаюсь к вам с парой слов привета. Товарищи, та работа, которую мы проделали, даст Нар. Ком. Юстиции такую опору, какой он не ожидал, ибо здесь с'езд за короткий срок успел не только дать нам общие директивы, но дал целую детальную программу для тех законопроектов, которые практически мы должны будем осуществить в ближайшее время.

Это большой труд. И, конечно, вы вправе требовать от Наркомюста, чтобы при такой помощи, которую вы оказали его работе, он пошел дальше тем темпом, которого требует от нас время. Товарищи, даже та работа, которую мы проделали при исключительно трудных условиях, о которых мы говорили, даже та работа, может-быть, нами не оценивалась в достаточной степени. Но уже теперь этой работе, в особенности, работе народного суда РСФСР, имеется оценка на Западе. Наркомюст в настоящее время имеет постоянные регулярные сношения с некоторыми научными институтами Америки и Германии и тот интерес, который к нашему праву там проявляется и который, напр., в одном из писем директора американского института криминологии в Балтиморе выражен так, что вот возвратившиеся из России американцы,—он ссылается на мисс Гориссон,—с энтузиазмом отзываются о народном суде России. Этот директор института в Балтиморе просит Наркомюст прислать ему положение о народном суде и те материалы, которые имеются. А Кильский институт мирового хозяйства и сношений по морю, как он называется, прислал мне собрание законов о торговле, как гласит заголовок, на немецком языке. Там первым помещено наше положение о народном суде РСФСР. Это маленькие факты, которые показывают, что наша работа выходит далеко за пределы тех непосредственных организационных усилий, которые мы прилагаем, ибо самый факт Генуэзской конференции свидетельствует о том, что с нами приходится считаться. Те принципы, которые мы кладем в основание нашего суда, то советское право, которое в настоящее время развивается в целую систему, что бы о нем ни говорили наши партийные противники, те, которые не хотят примириться с тем, что уже совершилось, это право, товарищи, будет

правом будущего для многих стран и нам нужно будет приложить все усилия, мы имеем счастье работать над этим, чтобы, действительно, это право давало нам здесь, рабочим и крестьянам, возможность найти наиболее совершенные организационные формы, а для Запада, товарищи, чтобы оно было указанием, как нужно строить право.

Товарищи, благодарю от имени Наркомюста за ваши труды.

Я предлагаю закончить наш съезд и спеть Интернационал.

Съезд закрыт с пением Интернационала.

ОГЛАВЛЕНИЕ

4 Всероссийский съезд деятелей советской юстиции (28—30 января 1922 г.).

Стр.

Вечернее заседание 26 января.

Открытие съезда, Доклад Наркома Юстиции т. Курского о роли и значении советской юстиции в связи с новой экономической политикой :	3
---	---

Утреннее заседание 27 января.

Доклад т. Черлончакевича об Уголовном Кодексе.	14
Доклад т. Лунина о судостроительстве	32
Содоклад т. Крыленко о судостроительстве.	37

Вечернее заседание 27 января.

Прения о судостроительстве.	45
Доклад т. Крыленко о прокуратуре.	61
Содоклад т. Эстрина о прокуратуре.	67

Утреннее заседание 28 января.

Прения о прокуратуре	70
Доклад т. Лунина об организации следствия.	85

Вечернее заседание 28 января.

Речь тов. Калинина.	94
---------------------	----

Утреннее заседание 29 января.

Доклад т. Саврасова о современной карательной политике.	98
Доклад т. Черлончакевича об адвокатуре.	123

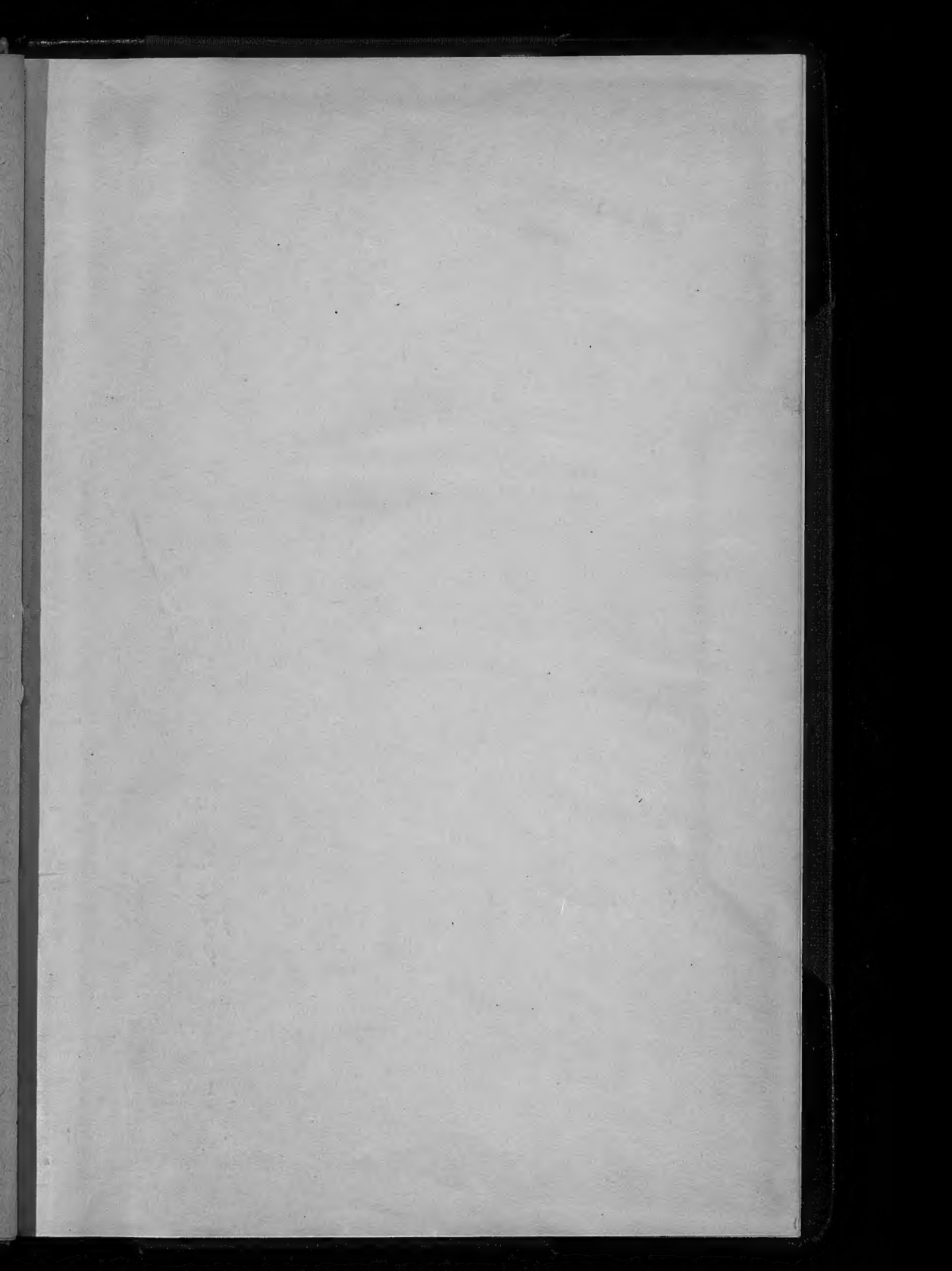
Утреннее заседание 30 января.

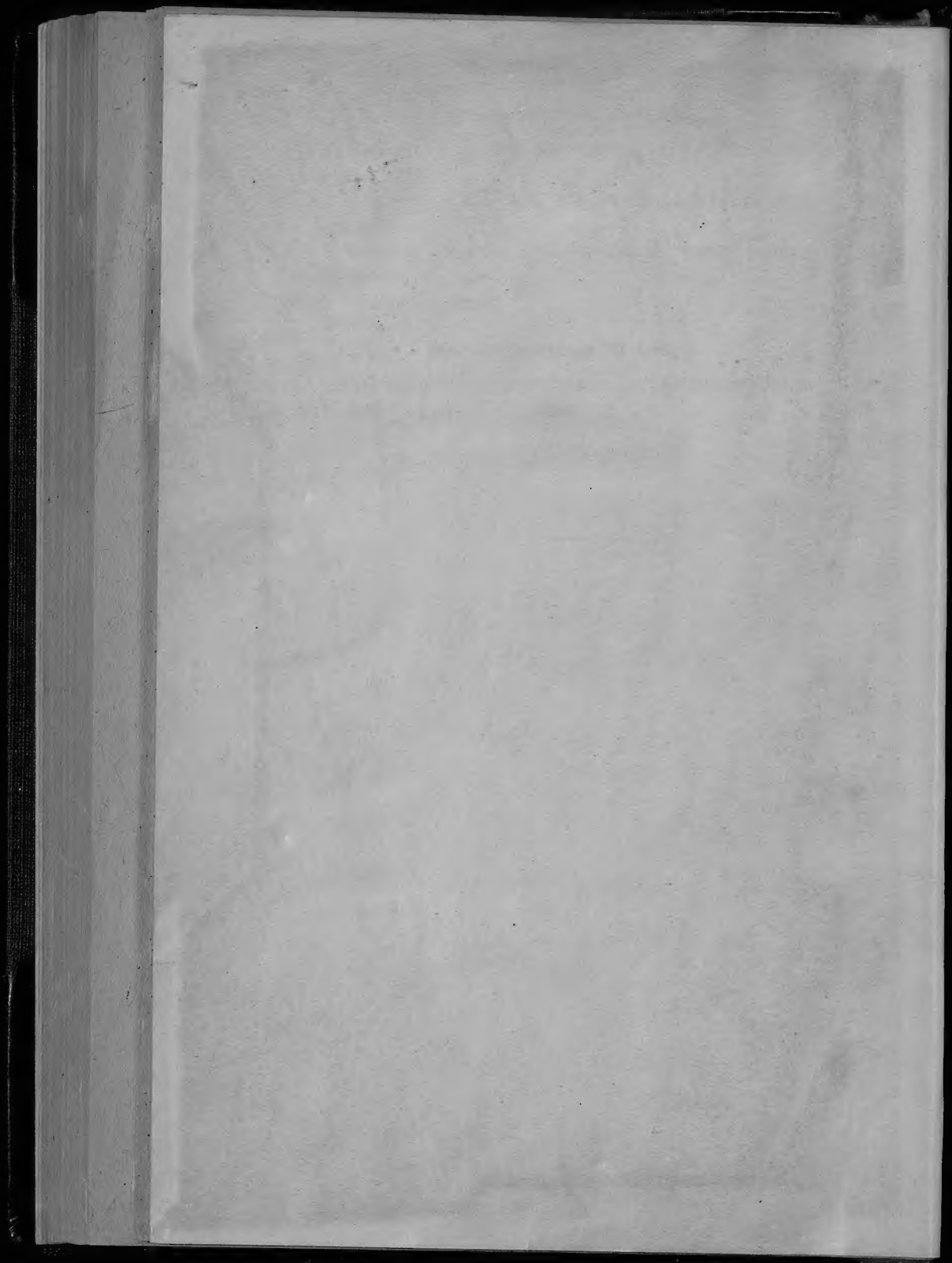
Доклад т. Лисицына о порядке рассмотрения земельных и жилищных дел.	139
Доклад т. Брагинского о нотариате и об исполнении судебных решений.	149
Доклад т. Славина о методах теоретической подготовки работников советской юстиции.	164
Содоклад т. Деревяшкина.	167

Вечернее заседание 30 января.

Доклад т. Курского о материальном положении работников юстиции	182
Закрытие съезда, речь т. Курского.	189

---

198. 10 -

МАГАЗИН № 7

